

202.6
11.5
92485

902.6
115

УТВЕРЖДЕНІЯ РУССКАГО ВЛАДИЧЕСТВА НА КАВКАЗѢ.

Изданіе Военно-Историческаго Отдѣла при Штабѣ Кавказскаго военнаго округа.

Подъ редакціей Генералъ-Маіора Потто.

Выпускъ I.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1906.

КНИЖКА

АСТУМОВСЬКА-ОЛАНОВСЬКА ІНТЕЛІКТУАЛЬНА

92485

По распоряженію Начальника Штаба округа.

Карачаєво-Черкеська
ОБЛАСНА
БІБЛІОТЕКА

О Г Л А В Л Е Н І Е:

Предисловіе.

Стр.

Памятники Петровскаго похода 1.

Могилы и памятники Екатерининскаго времени. Курганы Убаши. Памятники Платову. Церковные предѣлы во имя апостоловъ Варфоломея и Варнавы въ Наурской станицѣ. Памятникъ Гмелину. По поводу памятника Суворова въ Ставрополѣ. Памятники Баталпашинской битвы и могила графа де-Бальмена. Первые памятники Черноморскаго казачьяго войска. Бзіюкская битва 9.

Эпоха присоединенія Грузіи. Триумфальная арка въ Екатериноградѣ. Забытая Тифлисомъ могила. Памятники нашествія Ага-Магометъ-хана въ Тифлисъ. Легенды, сохранившіяся въ Тифлисъ со временъ нашествія Ага-Магометъ-хана. Могила царя Ираклія II. Памятникъ на Юрѣ. Могила царя Георгія XIII. Крестъ св. Нины. Могилы генерала Лазарева и царицы Маріи 53.

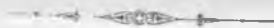
Памятники временъ князя Циціанова. Старая крѣпость Ганжа. Комнаты князя Циціанова. Гробница Джеватъ-хана. Памятникъ Котляревскому. Сіонская колокольня въ Тифлисъ. Памятникъ Гулякову. Памятникъ маіору Монтрезору. Забытая могила въ селеніи Карели. Памятники подвига Карягина. Памятникъ рядовому Гаврило Сидрову. Памятникъ князю Циціанову 97.

Алфавитный указатель 1—10.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

	<i>Стр.</i>
1. Пятигорскъ. Древній памятникъ, стоявшій въ Елисаветинскомъ цвѣтникѣ	XI.
2. Дербентъ. Землянка Петра I въ первоначальномъ и современныхъ видахъ. Старая крѣпость въ Дербентѣ и прорубленное окно Петромъ I.	5.
3. Памятникъ графу Платову въ Новочеркасѣ	11.
4. Памятникъ графу Платову въ оградѣ церкви поселка Мало-Мишкинскаго.	16.
5. Памятникъ академику Гмелину у сел. Кая-Кентъ, Дагестанской области.	21.
6. Ставрополь. Суворовскій крестъ	25.
7. Георгіевскъ. Могила графа де-Бальмена въ слободкѣ и отдѣльно надгробная плита	31.
8. Видъ кургана, гдѣ погребены русскіе воины, убитые въ сраженіи 30-го сентября 1790 года, въ окрестностяхъ Баталпашинска, Кубанской области.	33.
9. Мѣдная пушка 1798 г., найденная въ окрестностяхъ Баталпашинска, Кубанской области	37.
10. Екатеринодаръ. Блюдо. Даръ Екатерины II Черноморскому войску въ 1792 году	41.
11. Екатеринодаръ. Солонка. Даръ Екатерины II Черноморскому войску въ 1792 году	45.
12. Триумфальная арка въ Екатериноградѣ, Терской области.	55.
13. Тифлисъ. Развалины старой крѣпости съ башней Соломин.	65.
14. Тифлисъ. Могила Сайятъ-Нова въ армянской церкви Сурпъ-Геворкъ (св. Георгія)	73.
15. Гробница царя Ираклія II въ соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ въ Мцхетѣ, Тифлисской губ.	77.

16. Памятникъ на р. Іорѣ у сел. Какабети, Тифлисской губ., въ память побѣды 7-го ноября 1800 года надъ Омеръ-ханомъ	79.
17. Мцхетскій соборъ Дѣнадцати Апостоловъ (внутренній видъ) съ гробницами царей Георгія XIII (I) и Ираклія II (II).	87.
18. Тифлисъ. Крестъ св. Нины въ Сіонскомъ соборѣ	91.
19. Елисаветиоль. Башня, гдѣ палъ Джебать-ханъ ганжинскій при штурмѣ 1804 г.	97.
20. Елисаветиоль. Мечеть Шахъ-Абасса (1) и комнаты кн. Цицѣанова во дворѣ мечети (2)	101.
21. Елисаветиоль. Памятникъ Котляревскому	104.
22. Тифлисъ. Колокольня Сіонскаго собора.	109.
23. Памятникъ генералу Гулякову (1) въ Закаталахъ, Тифлисской губ. и мѣсто его смерти (2).	115.
24. Памятникъ маіору Монтрезору у сел. Серали, Эриванской губ.	121.
25. Башня въ сел. Карели, Тифлисской губ.	125.
26. Кладбище на урочище Карагаджи-баба (1), замки Шахъ-Булахъ (2) и Мухратъ (3) въ Елисаветпольской губерніи.	129.
27. Памятникъ рядовому Гаврило Сидорову въ Манглисѣ, Тифлисской губерніи.	135.
28. Тифлисъ. Гробница князя Цицѣанова въ Сіонскомъ соборѣ	141.
29. Памятникъ князю Цицѣанову въ Баку	152.

Предисловіе.

Всеразрушающее время мало по малу стираетъ слѣды людей и ихъ дѣятельность. Сколько забытыхъ, затерянныхъ, великихъ могилъ находится особенно у насъ на Кавказѣ, служившемъ ареною упорной, кровавой народной войны, длившейся почти три столѣтія. Здѣсь прошли цѣлыя поколѣнія героевъ, совершались битвы баснословныя, сложилась цѣлая лѣтопись молодецкихъ подвиговъ, цѣлая изустная русская Иліада, ожидающая еще своего Гомера. И много въ горномъ безмолвіи принесено безвѣстныхъ жертвъ, и много тутъ покоится людей, коихъ имена и заслуги извѣстны только Богу. И всѣ они, прославленные и незамѣченные, имѣютъ одинаковое право на нашу благодарность.

Справедливо сказалъ Рылѣевъ: «Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлыми эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти,—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ. Ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить—онѣ крѣпнутъ съ годами».

Воспитаніе войскъ и развитіе въ нихъ высокаго нравственнаго духа имѣетъ не меньшее, если еще не большее значеніе въ нашемъ военномъ дѣлѣ—въ дѣлѣ защиты отечества. Здѣсь все основано на вѣковыхъ традиціяхъ. Поддерживать ихъ,

сохранять полковыя преданія, бесѣдовать съ солдатомъ о подвигахъ, совершенныхъ полкомъ, въ которомъ онъ служить, о знакахъ отличія, заслуженныхъ имъ на поляхъ сраженій, о лицахъ, которыя пали въ бояхъ или отличились въ рядахъ его мужествомъ и святымъ исполненіемъ долга,—вотъ цѣль и задача ближайшаго начальства, тотъ краеугольный камень, на которомъ создается духовная мощь арміи. Справедливо сказалъ одинъ изъ нашихъ боевыхъ генераловъ: «Неучи побѣдить еще могутъ, но люди, не дорожащіе честью полкового мундира,—не побѣдятъ никогда».

Дѣйствительно, если мы еще въ дѣтствѣ узнаемъ и научаемся уважать имена героевъ древности, черпая ихъ изъ исторіи Рима и Греціи, то не дороже ли для насъ память нашихъ собственныхъ героевъ,—людей не всегда высокихъ чиномъ, но всегда великихъ своимъ самопожертвованіемъ, возвышавшимся часто до истиннаго народнаго героизма.

Нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что наши молодые офицеры, которые должны были бы служить проводниками славныхъ преданій въ армію, совершенно не знакомы съ нашими войнами въ ихъ героическихъ эпизодахъ, не знакомы съ военными памятниками и ничего не знаютъ о тѣхъ, кому въ свое время воздвигало ихъ признательное отечество, товарищи или соратники. Винить въ этомъ ихъ нельзя, потому что наша военная литература не сдѣлала даже попытки къ изданію подобныхъ сборниковъ, чѣмъ такъ богата и сильна литература другихъ европейскихъ армій.

Только въ послѣднее время сталъ выдвигаться на очередь вопросъ объ охраненіи могилъ и памятниковъ, ибо само правительство пришло наконецъ къ убѣжденію, что всѣ эти памятники, военныя кладбища, отдѣльныя и братскія могилы, сохраняя народу его историческія преданія, вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляютъ въ новыхъ поколѣніяхъ тѣ же доблестныя чувства, какія одушевляли ихъ предковъ.

Такъ, въ 1878 году бывшій военный министръ графъ Дмитрій Алексѣвичъ Милютинъ писалъ Великому Князю Михаилу Николаевичу ¹⁾).

«Во время минувшей войны многимъ изъ участниковъ геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ суждено было найти свою могилу на поляхъ сраженій. И въ настоящее время лишь нѣкоторыя изъ этихъ могилъ отмѣчены деревянными крестами; большая же часть изъ нихъ замѣтна только по своимъ возвышеніямъ, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ и исчезнутъ всѣ признаки тѣхъ мѣстъ, гдѣ погребены русскіе воины. Между тѣмъ весьма желательно, чтобы могилы ихъ на чужой землѣ, такъ много говорящія русскому патріотизму, охранялись бы въ своей неприкосновенности на память многихъ и многихъ поколѣній». Въ этихъ видахъ тогда же возникло предположеніе объ устройствѣ на мѣстахъ болѣе важныхъ сраженій могильныхъ памятниковъ въ честь павшихъ героевъ, и самые памятники предполагалось воздвигать въ видѣ болѣе или менѣе массивныхъ, безъ особенныхъ архитектурныхъ украшеній, но прочныхъ монументовъ. Мысль эта удостоилась Высочайшаго одобренія, отпущены были деньги, но результатовъ достигнуто не было. Воздвигнутые памятники, не порученные заботамъ одного какого-либо лица, оставлены были безъ наблюденія, и теперь, по прошествіи какихъ-нибудь 25-ти лѣтъ, многіе изъ нихъ лежатъ уже въ развалинахъ, а на многихъ, и при самой постановкѣ ихъ, не было сдѣлано надписей, такъ что теперь трудно даже опредѣлить—кому и за чѣмъ они поставлены.

Вторая попытка сдѣлана была въ 1887 году бывшимъ командующимъ войсками Кавказскаго военного округа княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, который, объѣзжая край, видѣлъ по пути обширныя военныя кладбища и одинокія могилы по-

¹⁾ Письмо военного министра намѣстнику и главнокомандующему на Кавказѣ 5-го апрѣля 1878 года.

кинутыя и позабытыя всѣми. Они остановили на себѣ вниманіе князя. Предоставленные времени и непогодамъ, кладбища эти представляли унылый видъ запустѣнія. Полуразрушенные памятники, опрокинутые кресты, на которыхъ надписи давно смыты дождями, могильные курганы, когда то высокіе, теперь почти сравнявшіеся съ землею—все это произвело на князя Дондукова тяжелое впечатлѣніе.

Ему непонятной казалась эта небрежность къ мѣсту успокоенія людей, которыхъ самая смерть должна бы окружать ореоломъ благоговѣнія. Печальное уже по самому своему назначенію, мѣсто это казалось еще печальнѣе по своему запустѣнію. Не то мы видимъ на мусульманскихъ кладбищахъ, на которыхъ разводятся сады и строятся кіоски. Въ Чечнѣ онѣ служатъ однимъ изъ лучшихъ украшеній пейзажа, а у насъ ихъ обходятъ просто какъ непріятное *momento mori*.

Князь Дондуковъ потребовалъ приведенія всѣхъ кладбищъ въ должный порядокъ. «Преступно забывать,—сказалъ онъ,—что на кладбищахъ этихъ покоятся останки нашихъ славныхъ братій, боевыхъ товарищей, подвиги которыхъ стяжали славу и гордость доблестной Кавказской арміи. Свято чтить ихъ память, бережно охранять мѣста ихъ вѣчнаго успокоенія—есть высоконравственный долгъ, обязанность каждого члена военной семьи».

Какъ же и не охранять послѣдняго земного мѣста успокоенія тѣхъ, кто ради нашей славы отдалъ свою жизнь,—все, что есть для человѣка самого дорогого на свѣтѣ. Уходя за предѣлы земного бытія, они ничего не взяли съ собою отъ насъ; напротивъ, они оставили намъ въ наслѣдіе величіе, мощь и славу отечества, купленные кровью этихъ мучениковъ долга,—и память ихъ пребудетъ въ роды родовъ!

Помимо религіознаго чувства, князь Дондуковъ-Корсаковъ хотѣлъ сохранить могилы русскихъ воиновъ просто какъ историческіе памятники прошлаго. Но привести въ порядокъ гро-

мадныя кладбища, гдѣ тысячи могилъ не имѣли никакого соотношенія къ подвигамъ кавказскихъ войскъ, было невозможно. Онъ остановился на мысли выдѣлить изъ нихъ останки кавказскихъ героевъ, которые еще можно было найти въ общемъ разрушеніи погоста, и эти останки перенести въ одну войсковую усыпальницу. Такъ образовалось темиръ-ханъ-шуринское военное кладбище, а по примѣру его образовались подобныя же кладбища и въ другихъ мѣстахъ. Но, къ сожалѣнію, и это дѣло не было доведено до конца; съ отъѣздомъ князя оно остановилось на половинѣ дороги.

Наконецъ, уже въ 1902 году военное министерство вновь обратило вниманіе на то, что многія могилы русскихъ воиновъ, павшихъ во время различныхъ войнъ въ мѣстностяхъ, входящихъ нынѣ въ составъ нашей территоріи, состоятъ или въ большемъ безпорядкѣ или въ полномъ забвеніи, и приказало составить описаніе всѣхъ военныхъ могилъ и памятниковъ представивъ особый докладъ о приведеніи ихъ въ надлежащій порядокъ.

Приступая къ описанію нашего кавказскаго некрополиса, мы будемъ говорить не только о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ памятники, но и о тѣхъ, гдѣ они были и откуда исчезли,—о мѣстахъ, которыя желательно было бы для увѣковѣченія событій отмѣтить хотя бы самымъ скромнымъ крестомъ или камнемъ.

Мы будемъ держаться хронологическаго способа изложенія, по эпохамъ, на которыя можетъ быть раздѣлена Кавказская война. Это дастъ возможность устранить повтореніе и пройти Кавказскую войну еще разъ въ лучшихъ, героическихъ и характернѣйшихъ ея эпизодахъ.

Стремленіе сдѣлать безсильнымъ противъ этихъ священныхъ остатковъ славнаго прошлаго самое время,—вотъ руководящая основа настоящаго труда, ибо слово человѣческое, подкрѣпленное искусствомъ, прочнѣе камня и металла, и въ

самомъ далекомъ будущемъ можетъ послужить для новаго воспроизведенія того, что будетъ уничтожено небрежностью людей или силою времени.

Пусть же эти нѣмые свидѣтели минувшихъ событій, пусть эта книга послужатъ великой задачѣ — сохраненія въ памяти потомства подвиговъ нашихъ отцовъ и старшихъ братій; мы будемъ поучаться у нихъ, и намъ будетъ грѣшно и стыдно, если мы не сумѣемъ стать достойными нашихъ могучихъ предковъ. Кто равнодушенъ къ великому прошлому, тотъ не достоинъ и будущаго, для котораго станетъ прошлымъ всякое настоящее!

Но прежде чѣмъ говорить объ историческихъ военныхъ памятникахъ, считаемъ необходимымъ коснуться въ бѣгломъ обзорѣ тѣхъ, которые, не имѣя за собою исторической достовѣрности, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, какъ отголоски легендарнаго эпоса, охраняемаго народными преданіями, пѣснями и сказаніями бардовъ. Къ такимъ особаго рода военнымъ памятникамъ можно причислить курганы, могильныя статуи, остатки укрѣпленій, даже цѣлые храмы, созидавшіеся для увѣковѣченія въ памяти народа тѣхъ или другихъ лицъ, тѣхъ или другихъ военныхъ историческихъ событій.

Изъ числа этихъ памятниковъ первое мѣсто занимаютъ курганы, которыхъ много въ Черкесіи, у народовъ, обитавшихъ отъ восточнаго берега Чернаго моря до лѣсистой Чечни, въ границахъ, очерченныхъ съ сѣвера Кубанью и Малкой. Здѣсь, что ни шагъ — то курганы. Но ни одна изъ тѣхъ долинъ, которыя встрѣчаются на этомъ пути, не сохранила столько преданій и памятниковъ, сколько богатая дарами природы долина р. Псекупса. Сюда постоянно стремилась масса населенія, и здѣсь то, въ этой долинѣ, смѣнявшіеся народы поочередно становились на могилахъ своихъ предшественниковъ. Такъ, бжедухи застали по Псекупсу курганы, насыпанные по ихъ разсказамъ франками; абад-

зехи наслѣдовали курганы бжедуховъ; мы русскіе поселились на могилахъ абадзеховъ.

При крайне ограниченной любознательности горцевъ, сосредоточивавшейся исключительно на потребностяхъ вседневной жизни, курганы эти снабжали ихъ лучшими булатными клинками, снабжали золотомъ, употреблявшимся на щегольскую отдѣлку оружія—и только. Горецъ не ломалъ головы, при видѣ откопанныхъ въ курганѣ дорогихъ вещей—кому онѣ принадлежали; онъ не заглядывалъ въ прошлое и не добивался узнать по какому случаю эти самые франки, обладавшіе такими прекрасными прямыми клинками, сложили кости свои на отдаленномъ Кавказѣ.

Въ свою очередь, когда побѣжденный, но не покоренный нами народъ ушелъ отъ насъ за море, въ предѣлы Турціи, онъ оставилъ намъ историческіе слѣды своего существованія въ тѣхъ же курганахъ и древнихъ развалинахъ, о которыхъ мы знаемъ столько же, сколько онъ зналъ о франкахъ. Несомнѣнно только, что всѣ эти курганы, какъ могильные памятники, говорили народу о величій тѣхъ, кого они покрывали собою, чьи имена разносились по черкесской землѣ въ былинахъ и пѣсняхъ туземнаго барда.

Не смерти, но безславной жизни боялся черкесь, и потому могила предка, особенно павшаго въ битвѣ, была для него священна и составляла предметъ заботъ и попеченій цѣлаго народа. Вѣка, проносившіеся надъ страной, украшали ихъ роскошною растительностью, и на нихъ разрастались непролазные роши, перевитыя дикимъ виноградникомъ, или разводились плодовые деревья, или же стояли могучіе столѣтніе дубы, вѣковые кряжистые клены, чинары и ясени.

Мы останавливаемъ вниманіе читателей на этихъ могилахъ, представляющихъ намъ поучительный примѣръ того, какъ надо относиться къ памяти предковъ: это могилы нашихъ достойныхъ враговъ, обладавшихъ духомъ своеобразнаго рыцар-

ства, и героическая борьба которыхъ съ нами тянулась не годы, а цѣлыя столѣтія. Пусть же возстанутъ и пройдутъ передъ читателемъ, какъ въ строгой, величественной и полной героическихъ эпизодовъ поэмѣ тѣни черкесскихъ бойцовъ, давно уже сошедшихъ въ могилу, честно исполнивъ свой долгъ передъ отчизной и своимъ народомъ. Среди такихъ именъ, сохранныхъ намъ если не исторіею, то по крайней мѣрѣ народными преданіями, на первый планъ выдвигается здѣсь мощная фигура князя Лавристана, пославшаго когда то гордый отвѣтъ аварскому хану: «не дадимъ дани, доколѣ останется у насъ хоть одинъ мечъ, доколѣ останется хоть одинъ изъ насъ въ живыхъ».

Пѣсни, слагавшіяся туземными бардами и дошедшія до насъ отъ стародавнихъ временъ; пріурочиваютъ это событіе къ VI вѣку, когда аварскій ханъ Байканъ, опустошивъ многія земли, потребовалъ подданства и отъ черкесскаго народа. Черкесы отвѣчали отказомъ. «Кто можетъ лишить насъ вольности? сказалъ Лавристанъ. — Мы привыкли отнимать земли у сосѣдей, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ всегда, доколѣ ссть война и мечи на свѣтѣ». Тогда Байканъ съ 60-ю тысячами отборныхъ панцырниковъ вступилъ въ землю черкесовъ и отъ вершинъ Кубани до береговъ Чернаго моря опустошилъ ее огнемъ и мечемъ. Самъ Лавристанъ погибъ въ этой борьбѣ, и какъ одинъ изъ представителей доблестнѣйшихъ черкесскихъ вождей зарытъ, по преданіямъ, въ землю на конѣ и въ полномъ вооруженіи. Могилу его и по-нынѣ указываютъ въ окрестностяхъ г. Пятигорска около горы Бештау.

Кровавое нашествіе и грозный образъ жестокаго хана, ѣздившаго на бѣломъ конѣ во главѣ своихъ панцырниковъ, неизгладимыми чертами залегли въ народной памяти. Пораженное страхомъ воображеніе черкесовъ приписывало этому коню даже какія то сверхъестественныя волшебныя чары. «Спаситель и помощникъ нашъ могущественный Илья! — поется въ одной

пѣснѣ, — изъ огромныхъ тучъ поразн и уничтожь страшнаго Байканова коня, бѣлизною подобнаго нetaющимъ снѣгамъ нашихъ горныхъ хребтовъ». Между Анапой и Суджукъ-кале есть бѣлый каменный бугоръ, напоминающій въ туманной дали своими формами фигуру лошади. И въ суевѣрныхъ устахъ народа этотъ бѣлый бугоръ получилъ названіе «Байканова коня»

Далѣе, въ Абхазіи указываютъ мѣсто, носящее названіе «Иналовой могилы». Иналъ, по народнымъ преданіямъ, является ближайшимъ потомкомъ славнаго Кесса, считающагося родоначальникомъ кабардинскихъ, темиргоевскихъ и бесленеевскихъ князей. Черкесы именovali его великимъ и мудрымъ; онъ названъ былъ даже святымъ, и народъ ревниво оберегаетъ спокойствіе его могилы: тамъ не пасется скотъ, туда не заходитъ охотникъ, и всякій шумъ, нарушающій тишину священнаго мѣста, давнимъ обычаемъ возведенъ въ преступленіе.

Съ именемъ Инала мы на половину уже въ достовѣрной исторіи и въ туманной неопредѣленности народныхъ сказаній различаемъ точныя событія, записанныя между прочимъ и русскими лѣтописцами.

Такъ, внукъ этого Инала, Идаръ, является современникомъ русскаго князя Мстислава, владѣвшаго Тмутараканскимъ княжествомъ, а потомокъ его, знаменитый Темрюкъ Идаровъ, управлялъ Кабардою въ то время, когда на Московскомъ престолѣ сидѣлъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Предпріимчивый и славолубивый, этотъ князь былъ истиннымъ представителемъ рыцарскаго народа. Въ походахъ онъ никогда не имѣлъ палатки, спалъ подъ открытымъ небомъ на войлокѣ, подъ изголовье клалъ сѣдло и питался конскимъ мясомъ, самъ жаря его на угольяхъ. Народные барды сохранили для потомства прекрасную черту его характера, напоминающую русскаго витязя Святослава. «Князь Темрюкъ Идаровъ, — говорятъ они, — никогда не пользовался выгодами нечаяннаго нападенія и всегда

заранѣе объявлялъ войну, посылая сказать своимъ непріателямъ: «Иду на васъ.» Дочь его княжна Марія Темрюковна, какъ извѣстно, была женою Ивана Грознаго. Съ этихъ поръ Кабарда подчиняется русскому владычеству, и при преемникѣ Грознаго, Эсдорѣ Іоанновичѣ, къ титулу русскихъ царей присоединяется уже титулъ «государя земли Кабардинской».

Приведенныя нами имена, конечно, имена не умирающія въ народѣ. А сколько такихъ кургановъ, которые скрываютъ подъ собою останки другихъ, забытыхъ или вовсе незнаемыхъ нами геросовъ. Мы равнодушно проходимъ мимо ихъ могилъ, предоставляя дѣлать раскопки ихъ ученымъ археологамъ. Но археологія безсильна возстановить передъ нами имена и дѣянія тѣхъ, кого находить въ разрытыхъ ею курганахъ. Кто были эти люди, что совершили они въ жизни, — на это не дастъ отвѣта наука; на это отвѣтитъ только народъ устами своихъ пѣвцовъ и въ этомъ заключается великая сила народной поэзіи.

Во время управленія Кавказомъ князя Михаила Семеновича Воронцова, одинъ изъ членовъ одесскаго археологическаго общества, караимъ Авраамъ Фирковичъ, собралъ нѣсколько замѣчательныхъ могильныхъ памятниковъ, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Минеральныхъ Водъ и доставилъ ихъ въ Пятигорскъ. Памятники, интересные сами по себѣ, возбуждали еще болышій интересъ ученыхъ своими характерными барельефами. Высѣченныя на камняхъ фигуры изображали то всадника, одѣтаго повидимому въ панцырь со шлемомъ на головѣ и съ поднятымъ надъ головою мечемъ; то ратоборство двухъ конныхъ людей, сражавшихся длинными копьями, то цѣлую толпу колѣнопреклоненныхъ фигуръ съ простертыми руками, какъ бы молящихъ о пощадѣ. Попадались изображенія трехголоваго змія, свившагося винтомъ, или чело-вѣка, державшаго одной рукой на цѣпи многоглавую гидру, а другой замахнувшагося на нее мечомъ, какъ бы готовясь поразить чудовище. Есть также веселыя фигуры съ кубками въ

Гор. Пятигорскъ. Древній памятникъ, стоявши въ Елисаветин-
скомъ цвѣтникѣ.

24630

рукахъ, или черпающія вино изъ огромныхъ кувшиновъ; были сцены охоты, была лань пронзенная стрѣлою, и подъ нею дѣтенышъ, сосущій молоко, — эмблема несомнѣнной скорби осиротѣвшаго семейства. А на одномъ изъ памятниковъ виднѣлось даже изображеніе челоуѣка въ длинной одеждѣ, со сложенными на груди руками и съ сіяніемъ надъ головой, какъ обыкновенно изображаютъ его на византійскихъ иконахъ. Можно предполагать, что эта фигура или святаго, или священника въ полномъ церковномъ облаченіи. Простые ли это орнаменты, или они имѣютъ какое-либо символическое значеніе — опредѣлить должны археологи.

Доставленные въ Пятигорскъ, всѣ эти памятники размѣщены были въ цвѣтникѣ Елизаветинской галлерей, «дабы, какъ говоритъ офиціальное распоряженіе, собраніемъ оныхъ въ одномъ мѣстѣ составить родъ открытаго музеума». Обратить Елизаветинскій цвѣтникъ въ историческій музей конечно не удалось, и всѣ эти памятники, нѣмые свидѣтели прошлаго, лишенные дико величавой природы, нѣкогда ихъ окружавшей, и духа легендъ, витавшаго надъ ними, стояли забытые, едва возбуждая даже праздное любопытство чуждаго народа. Впослѣдствіи, лѣтъ за двадцать до нашего времени, многіе изъ нихъ перевезены были въ Москву и помѣщены въ императорскій русскій историческій музей.

Одинъ изъ этихъ памятниковъ, обратившій на себя особенное вниманіе ученыхъ, изображаетъ бюстъ молодого атлета въ шитой шапочкѣ и въ одеждѣ, похожей по покрою на нынѣшній кавказскій бешметъ; на пьедесталѣ, имѣющемъ форму низкой колонки, выбита на лицевой сторонѣ греческая надпись со множествомъ конныхъ и пѣшихъ фигуръ, а на другихъ изображены лукъ, колчанъ со стрѣлами и сабля съ рукояткою на манеръ грузинской. Онъ былъ открытъ и описанъ впервые академикомъ Гюльденштедтомъ въ 1773 году, когда стоялъ еще на высокомъ курганѣ, въ живописной до-

линѣ рѣчки Этока, близъ нынѣшней дороги изъ Пятигорска въ станицу Зольскую. Греческая надпись, въ значительной степени вывѣтрившаяся, въ послѣдствіи была переведена на русскій языкъ и свидѣтельствуешь несомнѣнно о христіанскомъ происхожденіи памятника; по крайней мѣрѣ въ ней упоминается о какомъ то Георгіѣ. Высѣченныя на камнѣ изображенія, по разъясненію профессора В. Θ. Миллера, имѣють связь съ языческой мифологіей сѣверо-кавказскихъ горцевъ. Совокупность всѣхъ признаковъ привела нашего ученаго къ заключенію, что памятникъ былъ воздвигнутъ на могилѣ какого то знатнаго черкеса или осетина, по имени Георгія, признававшего себя христіаниномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждаго и языческимъ вѣрованіямъ своего народа. Годъ смерти его былъ означенъ въ надписи, но вывѣтрившіяся буквы не даютъ возможности опредѣлить его.

Кабардинцы, сопровождавшіе академика Гюльденштедта, называли этотъ памятникъ «Дука-бекомъ». Нынѣ названіе это никому неизвѣстно. Кабардинецъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, составившій на основаніи народныхъ преданій исторію своего народа, даже не зналъ его и говоритъ, что памятникъ воздвигнутъ былъ на могилѣ «сына Дауова, Баксана.» Вотъ что передаетъ намъ объ этомъ имени одна изъ народныхъ пѣсень, дошедшая до насъ со временъ стародавнихъ.

По ея словамъ, въ половинѣ IV вѣка христіанской эры, въ Кабардѣ на рѣкѣ Альтудѣ (нынѣшній Баксанъ) жилъ князь Дауовъ, имѣвшій восемь сыновей и одну дочь. Старшій сынъ его Баксанъ былъ знаменитый нардъ (богатырь), наполнявшій горы своею славою. И вотъ, во время нашествія готѣовъ, въ одномъ изъ сраженій онъ былъ убитъ готѣскимъ царемъ, вмѣстѣ со всѣми братьями и знатнѣйшими нардами. При извѣстіи объ этомъ, «когда восемь паръ воловъ привезли тѣло Баксана на родину, народъ предался отчаянію, восклицая: убиты, убиты восемь сыновей Дауова!» И по-нынѣ въ Ка-

бардѣ ведется обычай: весною, когда вѣковые лѣса покрываются листвою, молодыя дѣвушки съ распущенными волосами составляютъ хороводы и поютъ эти слова. Пѣсня говоритъ далѣе, что сестра убитыхъ Дауовыхъ сыновей предала тѣла ихъ честному погребенію на берегахъ Этока, одного изъ притоковъ р. Подкумка, а надъ могилой Баксана воздвигла памятникъ.

«Собравъ грековъ, — говоритъ она въ этой пѣснѣ, я поручила имъ сдѣлать памятникъ. И хотя каменный образъ ниже его, но сходство съ нимъ уязвило мое сердце. Народъ не покидаетъ траура, и, чтобы увѣковѣчить имя его, рѣку Алтудъ назвалъ Баксаномъ».

Таковы преданія черкесскаго народа.

Что касается русскихъ военныхъ памятниковъ, относящихся къ тому стародавнему времени, когда по выраженію поэта мы

Византію громили

И съ косоговъ брали дань, —

то ихъ сохранилось очень немного, не смотря на то, что лѣтописи рассказываютъ намъ о грозныхъ битвахъ Святослава на берегахъ Кубани и о владычествѣ русскихъ въ Тмутараканскомъ княжествѣ.

Въ Тмутаракань (нынѣшній Таманскій полуостровъ) уже со временъ Святослава начинается русская колонизація, и первымъ удѣльнымъ княземъ въ ней является Мстиславъ, сынъ Владиміра Святаго. Его привлекали сюда не только степныя приволья, но еще болѣе сосѣдство другихъ воинственныхъ народовъ, изъ которыхъ постоянно можно было черпать контингентъ для наемнаго войска. Онъ началъ съ того, что изгналъ отсюда хазаръ, наложилъ дань на косоговъ, и только тогда сдѣлался полнымъ властителемъ Тмутаракани. Соловьевъ, въ своей исторіи Россіи, говоритъ, что этотъ

князь своимъ богатырствомъ поражалъ воображеніе русскаго народа, долго жилъ въ его памяти и ни объ одномъ изъ нашихъ князей, въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ спискахъ, не встрѣчаются такія подробности, даже описаніе наружнаго вида, какъ о Мстиславѣ.

Изъ временъ борьбы съ косогами въ Тмутаракани, выдающимся эпизодомъ служить единоборство Мстислава съ косожскимъ княземъ Редедю, отличавшимся гигантскимъ ростомъ и необычайною силою. Объ этомъ эпизодѣ упоминаютъ наши лѣтописцы и съ нимъ же связаны многочисленныя преданія и адыгскаго (черкесскаго) народа.

Когда Идаръ, внукъ славнаго Инала, княжившій въ Черкесіи, пошелъ войной на «Тамтаракай» (Тмутаракань), Редедя, по обычаю тогдашнихъ временъ, предложилъ рѣшить участь единоборствомъ. «Не будемъ, — сказалъ онъ Мстиславу, — терять людей съ обѣихъ сторонъ, не будемъ проливать крови и разрывать дружбу. Вышли ко мнѣ своего бойца, и если онъ одолѣетъ меня, тогда возьми все, что имѣемъ». Мстиславъ согласился, но не сталъ искать единоборца въ станѣ, а пошелъ на вызовъ великана самъ. Борьба длилась долго, и Мстиславъ сталъ изнемогать. Тогда по свидѣтельству историка адыгскаго народа, совершенно согласному и съ русскою лѣтописью, онъ воскликнулъ: «Пресвятая Богородица помоги мнѣ! Если я одолѣю, то построю церковь во имя Твое». Редедя палъ, Тмутаракань осталась за русскими, и Мстиславъ исполнилъ свой обѣтъ, данный передъ Богомъ. Церковь, во имя Пресвятой Богородицы, была построена имъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ 1023 году. Насколько извѣстно это и была первая и вмѣстѣ съ тѣмъ единственная церковь, воздвигнутая на Сѣверномъ Кавказѣ въ память историческаго событія.

Къ сожалѣнію, лѣтописецъ, упоминая о постройкѣ церкви, не указываетъ мѣста, гдѣ она была построена, а потому дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна. Когда въ 1792 году черно-

морцы переселились въ Тамань, они нашли развалины какого то древняго храма, стоявшаго на горѣ, вдавшейся полукругомъ въ Ахтанизовскій лиманъ, и изъ его развалившихся камней соорудили новую церковь въ куренѣ Ахтанизовскомъ. Но были ли эти развалины церковью Мстислава, или, по другимъ преданіямъ, здѣсь былъ монастырь во имя князей Бориса и Глѣба, основанный въ 1054 году другомъ Θεодосія Печерскаго, Никономъ, — опредѣлить невозможно. Последнее предположеніе кажется вѣрнѣе, потому что самая гора, гдѣ стоялъ древній храмъ, и понынѣ извѣстна народу подъ именемъ «Борисовой горы» ¹⁾.

Въ то время, какъ Мстиславъ воевалъ съ косогами, старшій братъ его Ярославъ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ Руси, и Мстиславъ потребовалъ отъ него законной части въ отцовскомъ наслѣдіи. Получивъ отказъ, онъ двинулся съ своими кавказскими дружинами къ Кіеву, разбилъ Ярослава, но не желая, помимо старшаго брата, добывать кіевскій столъ, предложилъ ему раздѣлить между собою русскую землю поровну. Границею положенъ былъ Днѣпръ. Мстиславъ взялъ себѣ восточную сторону со стольнымъ городомъ Черниговымъ, а Ярославъ — западную съ Кіевомъ. «И начали жить, говорить лѣтописецъ, мирно и въ братолюбіи; перестали усобицы и мятежи, и была тишина великая въ русской землѣ».

Мстиславъ умеръ въ 1035 году, но потомки его долго еще владѣли Тмутараканью, и памятникомъ этого служить донынѣ одинъ древній камень, съ сохранившеюся на немъ славянскою надписью:

«Въ лѣто 6576-е (1058 г.) индикта 6-го, князь Глѣбъ мѣрилъ море польду отъ Тмутараканя до Кърычева (Керчи) 1000 и 4000».

По мнѣнію Оленина надпись эта означаетъ разстояніе отъ Тамани до Керчи въ 14 тысячъ сажень, или въ 21 версту, считая сажени маховыми. Камень этотъ найденъ былъ черно-

¹⁾ Короленко. Изъ дѣлъ Кубанскаго войскового архива.

морцами, при поселеніи ихъ въ Тамани, въ томъ же 1792 году. Кошевой атаманъ Чепѣга приказалъ обнести его оградой; но такъ какъ этотъ памятникъ глубокой древности находился отъ Тамани около версты въ безлюдномъ мѣстѣ, то войско-вой судья Головатый въ 1795 году перенесъ его въ самую Тамань къ каменной церкви Покрова Богородицы, выстроенной на его личныя средства. Камень былъ положенъ на найденныхъ также древнихъ столбахъ и фигурахъ изъ мрамора. Впослѣдствіи онъ былъ взятъ въ Николаевъ, а нынѣ хранится въ Петербургѣ въ Мюнцъ-Кабинетѣ Императорскаго Эрмитажа въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ русской исторіи не сохранилось извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ Тмутаракани; но адыгскія пѣсни и сказанія помнятъ еще о гибели ея. Они говорятъ, что спустя много лѣтъ послѣ Мстислава, адыге собрали большое войско и пошли на Тамтаракай. Завязалась упорная война; много было кровопролитныхъ сраженій, гибли люди, жилища, имущества—и Тамтаракай былъ опустошенъ въ корень. Съ того времени въ адыгскомъ народѣ есть пословица: «Да постигнетъ тебя участь Тамтаракая». Случилось это, какъ говорятъ преданія, передъ нашествіемъ монголовъ на Россію, нашествія, надолго прервавшаго всякую возможность непосредственныхъ сношеній древней Руси съ Черкесскою землею.

I.

Памятники Петровскаго похода.

Если сношеніе Россіи съ Кавказомъ относятся къ отдаленнѣйшимъ временамъ нашей исторіи, то первые шаги, къ прочному завоеванію его сдѣланы были Петромъ Великимъ, указавшимъ Россіи тѣ міровыя задачи, которыя предстояли ей въ будущемъ на ближнемъ азіатскомъ Востокѣ. Онъ первый ясно понялъ значеніе для насъ Закавказья въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ, и первый попытался стать твердою ногою за Кавказскими горами для дѣйствія оттуда противъ азіатскихъ сосѣдей. Политика его, стремившаяся къ открытію новыхъ торговыхъ путей, положила начало и всѣмъ нашимъ послѣдующимъ дѣйствіямъ въ Азій. И вотъ, какъ только шведская война, поглощавшая всѣ силы государства, была окончена, и спорное Балтійское море осталось за нами, Петръ начинаетъ походъ въ Дагестанъ, съ тѣмъ чтобы утвердить свое господство и по всему побережью Каспійскаго моря.

Императоръ самъ предводительствовалъ войсками. Многочисленная русская флотилія отплыла изъ Астрахани съ сильнымъ десантомъ и подошла къ мѣсту высадки у Аграханскаго залива 27 Іюля 1722 года. Петръ вступилъ на берегъ первымъ и, поднявшись на высокій песчаный холмъ, внимательнымъ окомъ окинулъ еще незнакомыя ему окрестности. Чудная картина открылась его царственному взору!

Съ одной стороны передъ его глазами колыхалось древнее Хвалынское море, съ другой—широко раскинулась необо-

зримая прибрежная степь, которая на югѣ рѣзко замыкалась цѣпью скалистыхъ горъ Дагестана. У низкаго берега, подъ самыми ногами царя тихо качаясь на волнахъ, стояла утлая татарская ладья съ высокой мачтой, а дальше при входѣ въ Аграханскій заливъ, на едва колыхавшейся поверхности моря, сновали суда русской эскадры съ развѣвавшимися надъ ней флагами. Это были эмблемы прошлаго ничтожества и будущаго цвѣтущаго состоянія края. И надъ всѣмъ этимъ, на безоблачномъ небѣ, ярко сіяло жаркое іюльское солнце, обливая своими золотистыми лучами и голубое море, флотъ, широкую степь, и далекія горы, и эту стройную могучую фигуру Петра, одиноко стоявшаго на высокомъ песчаномъ холмѣ.

Заложивъ на мѣстѣ высадки у Аграханской косы небольшой ретраншаментъ, отъ котораго теперь не осталось даже слѣдовъ, войска двинулись дальше, перешли р. Сулакъ, и 12-го августа съ распущенными знаменами и музыкой приблизились къ Таркамъ, — резиденціи шамхала Адиль-Гирея. Самъ Петръ въ парадномъ костюмѣ, на своемъ боевомъ конѣ, ѣхалъ передъ гвардіей; за нимъ въ каретѣ, запряженной цугомъ, слѣдовала императрица. Верстахъ въ четырехъ отъ города, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Петровскъ, государя встрѣтилъ шамхаль, который, сойдя съ лошади, привѣтствовалъ императора съ счастливымъ пріѣздомъ, а потомъ, преклонивъ колѣна, поцѣловалъ ту землю, на которой стояла нога государыни. На этомъ мѣстѣ войска расположились лагеремъ, а на другой день, 13-го августа, государь, по настоятельной просьбѣ шамхала, вмѣстѣ съ государыней и свитой, посѣтилъ Тарки и имѣлъ обѣденный столъ у шамхала.

Въ Таркахъ мы и встрѣчаемъ первые памятники петровскаго похода. Колоссальная личность Петра оставила на всемъ пути слѣды своего пребыванія, и теперь еще народъ съ благоговѣніемъ показываетъ тѣ предметы, которые такъ или иначе связывались въ его воображеніи съ именемъ великаго чело-

вѣка. Не всѣ они имѣютъ за собой историческую достовѣрность, но всѣ они одинаково равны и дороги, показывая какъ сильно запечатлѣлся въ народной памяти могучій образъ царя, приходившаго съ далекаго сѣвера. Въ Таркахъ, на примѣръ, долго показывали любопытнымъ тотъ оригинальный, отдѣланный съ азійскою роскошью, залъ, гдѣ государь обѣдалъ вмѣстѣ съ шамхаломъ, и изъ оконъ котораго любовался очаровательнымъ видомъ на городъ; сохранялся также на дворѣ шамхальскаго дома превосходный родникъ, обложенный дикимъ камнемъ, и возлѣ него, подъ особымъ навѣсомъ, — простой желѣзный ковшъ, изъ котораго, какъ говорятъ, царь пилъ воду.

Самый городъ Петровскъ, возникшій на мѣстѣ, гдѣ стоялъ петровскій лагерь, можетъ служить также памятникомъ пребыванія Петра въ Дагестанѣ. Существуетъ преданіе, что 15-го августа, въ день Успенія Божіей Матери, государь, отслуживъ обѣдню въ походной лагерной церкви Преображенскаго полка, положилъ на землю нѣсколько камней и приказалъ сдѣлать то же самое и всѣмъ присутствовавшимъ. Скоро набросанъ былъ высокій каменный курганъ, который и служилъ до позднѣйшихъ временъ помятникомъ перваго пребыванія здѣсь русскихъ войскъ. Впослѣдствіи, спустя 122 года послѣ Петра Великаго, близъ этого кургана заложено было русское укрѣпленіе для защиты шамхальства отъ набѣговъ горцевъ, а потомъ, когда въ 1857 году укрѣпленіе было упразднено, на мѣстѣ одной изъ его слободокъ возникъ небольшой портовый городокъ, названный Петровскомъ, именно въ честь перваго императора.

16-го августа армія выступила въ дальнѣйшій походъ. Прощаясь въ Петромъ, шамхаль прислалъ ему въ даръ богатый шелковый персидскій шатеръ и дорогаго аргамака сѣрой масти, со сбруею изъ чистаго золота. Сохраняется ли этотъ шатеръ и этотъ золотой конскій уборъ гдѣ-нибудь въ петербургскихъ музеяхъ, свѣдѣній у насъ не имѣется.

Изъ Тарковъ императрица возвратилась обратно въ Астрахань, а Петръ продолжалъ слѣдовать вмѣстѣ съ войсками. Погода стояла знойная, климатъ былъ вреденъ, и царь издалъ замѣчательный указъ о соблюденіи строжайшихъ правилъ гигиены для уменьшенія болѣзненности среди нижнихъ чиновъ. Тогда въ войскахъ носили еще длинные волосы, разсыпавшіеся по плечамъ оригинальными прядями. Петръ приказалъ всѣмъ остричься подъ гребенку, и самъ обрѣзалъ свои волосы, сдѣлавъ изъ нихъ парикъ, который, во время похода къ Дербенту, всегда носилъ при себѣ, и на ночь прикрывалъ имъ голову. Парикъ этотъ, сопутствовавшій въ походѣ царю, сохраняется по-нынѣ и теперь надѣтъ на извѣстную всѣмъ восковую фигуру Петра при входѣ въ Петровскую галлерсею эрмитажа.

Пройдя черезъ Шамхальскія владѣнія, русская армія остановилась 22-го августа на рѣчкѣ Дарбахъ, и отсюда увидѣла Дербентъ во всей его неприступности. Раскинутый на высокой горѣ, увѣнчанной цитаделью, городъ замыкалъ собою узкую прибрежную полосу, лежавшую между моремъ и отрогами Табасаранскаго хребта. Верхняя часть его спускалась террасами по склону горы, а нижняя называемая Дубари, лежала уже на песчаномъ побережьи, доходя до самаго взморья. И городъ и Дубари съ двухъ сторонъ были ограждены сплошными, шести-саженными стѣнами, сложенными изъ огромныхъ тесанныхъ камней; онѣ начинались у самой цитадели, и затѣмъ, спускаясь внизъ, уходили въ море, омывавшее ихъ своими волнами.

Дербентъ, принадлежавшій въ то время Персіи, отворилъ передъ Петромъ ворота безъ боя, такъ какъ жители его рѣшили не сопротивляться новому завоевателю, который такъ широко покровительствовалъ торговлѣ и мирнымъ сношеніямъ. Правитель города, наибъ Имамъ Кули-Бегъ, со всѣмъ мусульманскимъ духовенствомъ встрѣтилъ Петра на р. Дарбахъ и въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: «Дербентъ получилъ основаніе отъ Александра Македонскаго, а потому нѣтъ ничего

1.

2.

3.

Гор. Дербентъ. Землянка Петра I въ первоначальномъ (1) и въ современномъ (2) видахъ. Старая крѣпость въ Дербентѣ (3) и прорубленное окно (а) Петромъ I.

приличіе и справедливѣе, какъ городъ, основанный великимъ монархомъ, передать во власть другому монарху, не менѣе его великому».

Затѣмъ одинъ изъ знатнѣйшихъ бековъ поднесъ императору городскіе ключи на серебряномъ блюдѣ, покрытомъ богатѣйшею персидскою парчею. Всѣ эти вещи, какъ историческіе памятники, нынѣ хранятся въ С.-Петербургѣ въ императорской кунтскамерѣ при Академіи Наукъ.

Принявъ ключи, Петръ продолжалъ свое дальнѣйшее шествіе. У воротъ Дубари его ожидали дербентскія войска въ ружьѣ, со множествомъ значковъ, а народъ вынесъ священное знамя Алія и повергъ его къ стопамъ императора. Только одна русская гвардія вступила въ самый Дербентъ и заняла цитадель; остальные войска прошли прямо черезъ Дубари и расположились лагеремъ верстахъ въ восьми отъ города. Только тогда, когда цитадель была занята, самъ Петръ, подъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, торжественно въѣхалъ въ городъ, сопровождаемый большою свитою и эскадрономъ драгунъ.

Народное преданіе говоритъ, что въ то время, какъ войска проходили Дубари, Петръ, ожидая донесенія отъ коменданта о занятіи имъ цитадели, расположился на отдыхъ въ бѣдной татарской землянкѣ, стоявшей у самого взморья. Теперь Дубари составляютъ часть города, а землянка Петра дошла до нашего времени и служитъ предметомъ вниманія всѣхъ путешественниковъ.

Въ Дербентѣ Петръ поселился въ самой цитадели, въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ. Тамъ, въ тиши кабинета, обдумывалъ онъ свои грандіозные планы, касавшіеся нашей морской торговли съ Закавказьемъ, Персіей и Индіей; тамъ же въ нетерпѣливомъ ожиданіи флотилии, плывшей изъ Астрахани съ провіантомъ для русскаго войска, онъ собственными руками пробилъ окно, чтобы видѣть передъ собою море.

Это небольшое круглое окно, изъ котораго Петръ, задумчивый и грозный, смотрѣлъ на будущій русскій Каспій, ожидая караблей изъ Астрахани, было оставлено въ неприкосновенности и послѣ того, какъ Дербентъ снова перешелъ въ персидскія руки. Но то, что пощадили дербентскіе ханы и самъ Надиръ-Шахъ, то уничтожено было въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія однимъ изъ русскихъ комендантовъ. Ему показалось, что подобное отверстіе безобразитъ залъ, и онъ святотавственно передѣлалъ его въ обыкновенное окно для симметріи съ другими. Грустно покачалъ головою маститый намѣстникъ Кавказа князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, когда впервые посѣтилъ Дербентъ и собственными глазами убѣдился въ томъ, чему не хотѣлъ повѣрить. Онъ приказалъ немедленно, на сколько возможно, возстановить окно въ прежнемъ видѣ, и въ тоже время обратилъ вниманіе на другой историческій памятникъ—землянку Петра Великаго, близившуюся уже къ разрушенію.

По его приказанію землянка была приведена въ порядокъ, покрыта навѣсомъ и обнесена чугуною рѣшеткою съ надписью: «Мѣсто перваго отдохновенія Великаго Петра».

Въ 1850 году наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ, во время путешествія своего по Кавказу, посѣтилъ Дербентъ и, осматривая его достопримѣчательности, зашелъ поклониться землянкѣ Петра, а затѣмъ въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ долго стоялъ у окна, пробитаго руками его великаго предка. Къ сожалѣнію, по сказаніямъ современниковъ, погода въ этотъ день была пасмурная, и густой туманъ препятствовалъ вполне насладиться открывающимся отсюда видомъ.

Въ крѣпости и до сихъ поръ сохраняются, оставшіеся со временъ Петровскаго похода, семь алебардъ и старинная пушка, на которой надпись указываетъ, что она была отлита въ 1715 году на Воронежскомъ литейномъ заводѣ.

Кромѣ того, есть еще одинъ памятникъ, находящійся

верстахъ въ шести отъ Дербента. Это каменный обелискъ, стоящій, по народнымъ преданіямъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ Великій угощалъ обѣдомъ дербентскихъ жителей. Воздвигнутъли этотъ памятникъ въ честь самаго событія, или же самое событіе совершилось только возлѣ этого памятника,—свидѣтеля другихъ временъ и другихъ народовъ,—преданія расходятся; но рощу, окружающую его, народъ и до сихъ поръ называетъ «Петровской рощей».

Покореніе Дербента было послѣднимъ актомъ личнаго участія Великаго Петра въ этомъ историческомъ походѣ. Страшная буря, разбившая на морѣ нашу флотилію съ провіантомъ, разстроила всѣ предположенія Петра, и положила въ этомъ году конецъ нашимъ успѣхамъ. Поручивъ дальнѣйшія военныя дѣйствія генералу Матюшкину, Петръ съ остальными войсками двинулся въ обратный путь, и на р. Сулакѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отдѣляется небольшая рѣчка Аграханъ, заложилъ обширную крѣпость Святого Креста. Слѣды этой крѣпости, должествовавшей въ то время обезпечить сообщеніе Дербента съ Терскою линіей, а съ другой стороны грозить Дагестану, видны еще и теперь, верстахъ въ шести отъ Казіюрта.

Государь самъ пріискалъ мѣсто подъ крѣпость, самъ собственноручно на несть его на планъ, и самъ же сдѣлалъ всѣ чертежи укрѣпленій. Лѣсъ, покрывавшій тогда берега Сулака, Петръ приказалъ беречь, «какъ зеницу ока», хотя онъ по своей кривизнѣ и негодился для построекъ; по этому весь строительный матеріалъ доставлялся сюда изъ Казани, а дома возводились турлучныя, обмазанныя глиною. Пока дѣлались всѣ эти распоряженія, Петръ успѣлъ посѣтить у аула Брагуны горячія воды, осмотрѣнныя заблаговременно докторомъ Шоберомъ, который, убѣдившись въ ихъ цѣлебныхъ свойствахъ, назвалъ источники въ честь государя «Теплицами Св. Петра». Такимъ образомъ, остатки валовъ, уцѣлѣвшіе еще отъ давно

разрушенной крѣпости, и минеральныя Брагуѣскія воды, лежащія при устьи р. Сунжи противъ станицы Шедринской, могутъ служить также историческими памятниками пребыванія Петра на Кавказѣ, и неустанныхъ трудовъ и заботъ Великаго Императора.

Осенью, оставивъ въ распоряженіи генерала Матюшкина достаточное количество войскъ, Петръ возвратился въ Астрахань, а 13го декабря 1722 года имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву черезъ триумфальныя ворота, которыя сохранялись долго, и куда дѣвались въ послѣдствіи свѣдѣній не имѣется. На этихъ воротахъ изображенъ былъ городъ Дербентъ, а подъ нимъ лаконическая надпись: «Основанъ героемъ—покоренъ Великимъ».

Вотъ и всѣ памятники Петровскаго похода, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія.

Могилы и памятники Екатерининскаго вѣка.

Миръ съ Персіею, заключенный Петромъ въ 1723 году, укрѣпилъ за нами города Дербентъ и Баку, Ширванское ханство, и персидскія провинціи Гилянъ, Мезандеранъ и Астрабадъ. Петръ особенно былъ доволенъ пріобрѣтеніемъ Баку, «понеже она—какъ писалъ онъ Матюшкину—составляетъ всему нашему дѣлу ключъ». Но миръ этотъ былъ только номинальный. Персіяне продолжали свои враждебныя дѣйствія и намъ приходилось удерживать занятые нами провинціи только силою оружія. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда императоръ скончался, передавъ своимъ преемникамъ довершить начатое имъ великое дѣло.

Къ сожалѣнію, преемники Петра, тяготясь продолжительною войною, поторопились съ нею покончить, и 10-го марта 1735 года императрица Анна Іоанновна заключила извѣстный

ганжинскій трактатъ, по которому Россія добровольно возвратила Персіи всѣ города и земли, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ; крѣпость св. Креста была уничтожена, и русская граница опять отодвинулась на Терекъ

Съ этого времени, до вступленія на престолъ Екатерины Великой, всѣ дѣйствія русскихъ на Кавказѣ ограничиваются исключительно только геройскою борьбою нашихъ казаковъ, защищавшихъ Терскую линію. Екатерина II съ первыхъ же дней своего царствованія обратила вниманіе на эту горсть отчаянно бившихся гребенскихъ, кизлярскихъ и терскихъ казаковъ, и въ видахъ усиленія ихъ оборонительныхъ средствъ приказала укрѣпить на р. Терекѣ урочище Моздокъ.

Заложеніемъ Моздока Екатерина положила начало той великой программы, которая послѣ долгой, упорной и кровавой борьбы привела насъ наконецъ къ завоеванію Кавказа. Одновременно съ Моздокомъ на Терекъ прибыла и часть волжскихъ казаковъ, поселившаяся подъ именемъ Моздокскаго полка, между новою крѣпостью и гребенскими городками. Но новые поселенцы не успѣли еще устроиться и осмотрѣться въ чужомъ для нихъ краѣ, какъ началась турецкая война 1768 г.

Къ этой войнѣ и относятся первые памятники екатери-нинскаго времени.

II.

Курганы Убаши¹⁾.

Въ ставропольскихъ степяхъ, на большомъ Царицынскомъ трактѣ, по обоимъ берегамъ рѣки Калауса, стоятъ два кургана, насыпанные здѣсь въ память одной изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, происходившей 21-го апрѣля 1769 года.

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа, ч. I. Историческій очеркъ Кавказской войны до присоединенія Грузии. Изд. Военно-Историческаго оудѣла 1899 года.

Турецкая война, о которой мы упомянули, началась на Кавказѣ внезапнымъ нападеніемъ кабардинцевъ, черкесъ и крымскихъ татаръ на нашихъ калмыковъ, кочевавшихъ тогда между Дономъ и Волгой. Слухъ, что большая часть калмыцкаго войска ушла на Дунай, такъ возбуждительно подѣйствовалъ на горцевъ и крымскихъ татаръ, что они рѣшили воспользоваться столь удобнымъ случаемъ и разгромить улусы своихъ исконныхъ враговъ. Но слухъ оказался ложнымъ. Въ то время, какъ Максютъ и Арасланъ-Гирей вели шесть тысячъ отборныхъ панцырниковъ къ нашимъ предѣламъ, калмыцкій ханъ Убаши со своею 20-ти-тысячною конницею стоялъ уже на берегу Калауса и зорко слѣдилъ за противникомъ. Встрѣча произошла 23-го апрѣля. «Небольшого роста, черномазые, скуластые, но ловкіе, какъ черти», калмыки, превосходили въ наѣздничествѣ всѣ азіятскіе народы и представляли собою противниковъ опасныхъ и грозныхъ. Ламберти, путешествовавшій по Кавказу за сто лѣтъ передъ тѣмъ, упоминаетъ объ амазонкахъ, сражавшихся съ войсками Дадіана Мингрельскаго, и говоритъ, что эти амазонки были калмыцкія женщины, принимавшія участіе въ битвахъ наравнѣ со своими мужьями.

Само собою разумѣется, что бой, при условіи такого неравенства въ силахъ, не могъ продолжаться долго. Татары дали тылъ, и калмыки наѣли на нихъ какъ дикіе звѣри: они ихъ рубили, топтали, загоняли въ болота и топили въ Калаусѣ. Спаслись только немногіе. Всѣ пять знаменъ, множество оружія и драгоцѣнныхъ панцырей, пять тысячъ лошадей, обозы и вьюки—все осталось въ рукахъ побѣдителей.

На самомъ мѣстѣ побоища Убаши велѣлъ тогда же насыпать курганъ и назвалъ его «Курганомъ Побѣды». А на другой сторонѣ Калауса, гдѣ окончилась преслѣдованіе—второй курганъ, который былъ названъ имъ: «Курганомъ Пиршества». Оба эти курганы до сихъ поръ существуютъ въ ставропольскихъ степяхъ

Гор. Новочеркасскъ. Памятникъ графу Платову.

III.

Памятники Платову ¹⁾.

Если ѣхать съ Дона по большому Черкасскому тракту къ Кубани, то вправо отъ него, тамъ, гдѣ рѣчка Калалахъ впадаетъ въ большой Егорлыкъ, на вершинѣ весьма большой и длинной покатости, до-нынѣ замѣтны еще осыпавшіеся остатки земляного вала. Это слѣды укрѣпленія, за которымъ молодой Платовъ, — в послѣдствіе знаменитый донской атаманъ, — съ горстью казаковъ отражалъ нападеніе 20-ти-тысячнаго турецкаго корпуса.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого подвига, надо сказать, что турки, подготавливая вторженіе въ Крымъ, отлично понимали, что прежде всего надо было отвлечь куда-нибудь часть русскихъ силъ, охранявшихъ Перекопъ, и въ этомъ случаѣ Донъ, какъ искупительная жертва честолюбивыхъ замысловъ, обреченъ былъ ими на гибель. Большая часть донскихъ полковъ находилась въ это время въ походѣ за границей, и на Дону оставались только старики и подростки.

Грозовая туча собралась за Кубанью, гдѣ къ значительнымъ турецкимъ отрядамъ присоединились массы татаръ, бѣжавшихъ изъ Крыма, и закубанскіе горцы, жаждавшіе только добычи. Первый ударъ направленъ былъ ими на ногайскія орды, кочевавшія въ то время на рѣчкѣ Калалахѣ, съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ перейти на сторону Турціи. Орда однако быстро снялась съ своихъ кочевій и отодвинулась на рѣчку Ею, подъ защиту Кубанскаго корпуса, для прикрытія же имущества и провіантскихъ складовъ, которые они не успѣли перевести съ собою, оставлены были временно на Калала-

¹⁾ Смирновъ. Біографія Платова, а также объяснительная записка съ описаніемъ могилы и памятниковъ Платова, приложенная къ отзыву штаба войска Донскаго 13-го апрѣля 1905 года № 4784.

хѣ два донскіе казачьи полка полковниковъ Платова и Ларінова. Надъ ними то и разразилась гроза.

3-го апрѣля 1774 года разѣзды дали знать, что идутъ значительныя татарскія силы, а вслѣдъ затѣмъ и весь горизонтъ покрылся черною тучею татарской конницы. Это были главныя силы Девлетъ-Гирея, намѣстника крымскаго хана, калги, какъ его называли татары, который велъ за собою болѣе 20-ти тысячъ всадниковъ; казалось, что горсть казаковъ, не превышавшая въ обоихъ полкахъ тысячи коней, моментально будетъ раздавлена налетѣвшимъ на нее ураганомъ. Но Платовъ, однако, думалъ иначе. Казаки быстро вырыли ровъ и насыпали валъ передъ фронтомъ позиціи, а съ остальныхъ сторонъ огородились плотно сдвинутыми телѣгами. Въ то же время два казака посланы были съ извѣстіемъ о появленіи Девлетъ-Гирея въ ближайшій отрядъ подполковника Бухвостова. «Помните, — сказалъ имъ Платовъ, — вамъ можетъ быть придется пробиваться сквозь непріятеля; но Донъ не забудетъ вашей услуги. А если вамъ суждена славная смерть, то вы положите головы въ честномъ бою за край вашихъ отцовъ, за вашихъ братій, за православную вѣру, за Матушку-Царицу!» Восторженная рѣчь молодого Платова, ему было тогда только 23 года, одушевила казаковъ. Оборона была рѣшена, и два полка засѣли въ осаду.

Было 8 часовъ утра, когда громадная сила татаръ устремилась на приступъ. Первое нападеніе однако же было отбито, — казаки устояли. Но бѣжавшіе татары тотчасъ смѣнялись другими, и приступъ за приступомъ повторялся семь разъ безъ перерыва и отдыха. Всѣ фасы укрѣпленія сплошь завалились тѣлами побитыхъ татаръ, но по этимъ трупамъ ломились въ вагенбургъ все новыя и новыя силы. Рукъ не доставало наконецъ, чтобы вездѣ отбивать нападающихъ. Платовъ обходилъ ряды и увѣщевалъ всѣхъ постоять до конца за родимый Донъ.

Отбитые семь разъ, татары стали готовиться къ восьмому приступу. Ряды защитниковъ между тѣмъ значительно уже порѣдѣли, и сомнѣніе мало-по-малу стало закрадываться въ сердца даже этихъ желѣзныхъ людей. Тогда старый боецъ, полковникъ Ларіоновъ, отозвалъ Платова въ сторону.

— «Посланные тобою казаки, сказалъ онъ, по всей вѣроятности убиты, и намъ нельзя ожидать спасенія»...

— «Что-же ты хочешь сказать этимъ»? перебилъ его Платовъ.

— «Я думаю, что не лучше ли намъ выговорить какія-нибудь почетныя условія, чѣмъ продолжать бесполезную оборону».

«Никогда!—воскликнулъ Платовъ—лучше умремъ съ тобою, чѣмъ покроемъ стыдомъ и позоромъ честь нашего Дона».

«На что же ты надѣешься»? спросилъ Ларіоновъ. — «На Бога! И вѣрю, что онъ не оставитъ насъ своею помощію».

Ларіоновъ молча пожалъ ему руку. Рѣшено было биться на смерть.

Восьмой приступъ былъ отбитъ также, какъ предыдущіе. Начинался девятый. Но въ эту минуту на самомъ горизонтѣ показалось большое сѣрое облако, которое быстро расло, ширилось, и вдругъ зарыбило множествомъ точекъ. Зоркій глазъ степняка безошибочно отгадалъ въ нихъ скачущихъ всадниковъ.

«Наши! Наши!» закричали казаки, и сотни рукъ поднялись, чтобы сотворить крестное знаменіе.

Помощь дѣйствительно была недалеко. Отрядъ Бухвостова—эскадронъ гусаръ, драгунская команда и 200—300 казаковъ,—съ налета врѣзались въ тылъ непріятеля. Четыре орудія, прискакавшія съ ними, ударили картечью, и въ тоже время оставшіеся въ живыхъ казаки Ларіонова и Платова, вскочивъ на коней, ударили съ другой стороны. Это была атака отчаянная, безумная, не оправдываемая ничѣмъ, кромѣ слѣпой и дерзкой отваги; но именно эти то свойства ея и имѣли рѣ-

пшующее вліяніе на судьбу Калалахской битвы. Десятки тысячъ людей, несомнѣнно храбрыхъ, вдругъ дрогнули и, смѣшавшись, какъ робкое стадо, обратились въ бѣгство. Началась паника, та страшная паника, которая безотчетно охватываетъ массы и подчиняетъ ихъ одному только животному инстинкту самосохраненія.

Калалахская битва была выиграна. Донъ былъ спасенъ отъ погрома, и съ этихъ поръ яркою звѣздою загорѣлась слава Матвѣя Ивановича Платова.

Дальнѣйшая служба Платова не принадлежитъ Кавказу. Только разъ онъ еще возвратился сюда, въ званіи походнаго атамана, во время персидскаго похода графа Зубова; но этотъ кратковременный походъ не далъ ему случая совершить что-либо достойное его имени. Только великая эпоха наполеоновскихъ войнъ, озарившая Донъ безпримѣрною въ лѣтописяхъ военною славою, выдвинула «грознаго вождя казачьей орды», и имя его пронеслось изъ конца въ конецъ по Европѣ. Въ Лондонѣ, въ королевскомъ дворцѣ, большой портретъ Платова помѣщенъ рядомъ съ портретомъ побѣдителя Наполеона фельдмаршала Веллингтона; подъ этимъ портретомъ виситъ картина, изображающая знаменитаго бѣлаго коня—неразлучнаго спутника атамана во всѣхъ бояхъ, написанная по приказанію принца-регента, однимъ изъ знаменитѣйшихъ въ то время лондонскихъ художниковъ. Одновременно съ этимъ англійскій народъ поднесъ Матвѣю Ивановичу Платову драгоцѣнную саблю въ золотой художественной оправѣ. Намъ неизвѣстно, гдѣ въ настоящее время хранится эта историческая сабля; но на эфесѣ ея съ одной стороны былъ изображенъ соединенный гербъ Великобританіи и Ирландіи, а на другой—вензельное изображеніе имени Платова; рукоятка покрыта алмазами, а на ножнахъ—медальоны превосходной чеканки, изображающіе подвиги и славу героя; есть между ними и наша кавказская Калалахская битва; на клинкѣ соотвѣтствующія надписи.

Но какимъ бы ореоломъ не окружалось имя Платова послѣ наполеоновскихъ войнъ, колыбелью его извѣстности былъ все-таки нашъ Кавказъ, а потому мы считаемъ необходимымъ упомянуть, какъ о его могилѣ, такъ и о памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь его на Дону.

Вернувшись по взятіи Парижа домой генераломъ отъ кавалеріи, графомъ и съ брилліантовыми знаками андреевскаго ордена, Платовъ думалъ еще посвятить остатокъ дней своихъ внутреннему благоустройству родного казачества; но смерть уже стерегла его, и 3-го января 1818 года маститый атаманъ скончался въ своемъ небольшомъ помѣстьѣ въ слободѣ Еланчинской около Таганрога. Тѣло его перевезено было въ Новочеркасскъ и предано землѣ въ церковной оградѣ недостроеннаго еще тогда городского собора.

Прошло послѣ того 57 лѣтъ, а соборъ такъ и не былъ оконченъ. Два раза работы подходили къ концу и два раза обрушивался куполъ, вслѣдствіе особыхъ геологическихъ условій почвы. Тогда возникло предположеніе срыть возводимый храмъ до основанія, и на мѣстѣ его развести городской садъ, а для того, чтобы гробница Платова не очутилась на мѣстѣ общественныхъ прогулокъ, рѣшено было перенести прахъ атамана въ другую церковь, находившуюся верстахъ въ трехъ отъ города въ Мишкинскомъ поселкѣ, принадлежавшемъ нѣкогда также покойному графу¹⁾.

Перенесеніе праха совершено было весною 1875 года.

Когда открыли двери стараго склепа и вошли въ тѣсное, мрачное и уже полуобвалившееся помѣщеніе, увидѣли гробъ, стоявшій безъ крыши, съ полусгнившими боками и темною массою земли на днищѣ. Въ гробѣ нашли генеральскіе бот-

¹⁾ Сынъ атамана, графъ Иванъ Матвѣевичъ Платовъ, наслѣдовавшій имѣніе своего отца, пожертвовалъ эту мызу со всѣми прилегающими къ ней садами и полями архіерейскому дому, съ тѣмъ чтобы склепъ, находившійся при Мишкинскомъ храмѣ, былъ обращенъ въ родовую усыпальницу Платовыхъ. Графъ Иванъ Матвѣевичъ скончался въ 1874 году и былъ погребенъ въ тамошнемъ склепѣ, а въ 1875 году туда же рѣшено было перенести и прахъ его знаменитаго родителя

форты и пару эполетъ изъ чистаго серебра, прекрасно сохранившихся и даже мало потускнѣвшихъ; кое-гдѣ попадались еще маленькіе куски шитаго золотомъ воротника, разсыпавшіеся однако же при первомъ прикосновеніи; кости совершенно разрушились и уцѣлѣлъ только маленькій черепъ безъ волосъ и нижней челюсти. Это было все, что осталось отъ «вихря-атамана», героя Калалахской битвы, знаменитаго сподвижника императора Александра I.

Преосвященный Платонъ, архіепископъ донской, самъ спустившійся въ склепъ, благословилъ прахъ,—и затѣмъ все, что осталось отъ Платова, было переложено въ новый малиновый бархатный гробъ. Поднявшись изъ склепа, владыко обратился къ народу съ превосходной импровизированной рѣчью, въ которой сказалось глубокое впечатлѣніе, произведенное на него останками земного величія.

На другой день въ 7 часовъ утра, при огромномъ стеченіи народа и погребальномъ перезвонѣ со всѣхъ церквей, къ собору подѣхала парадная колесница, на которую поставили гробъ и процессія, предшествуемая духовенствомъ, двинулась въ путь. Въ Мишкинѣ гробъ былъ встрѣченъ снова архіепископомъ Платономъ, и, послѣ литіи, опущенъ въ склепъ внутри самой церкви.

Могильный склепъ этотъ приходится подъ правымъ клиросомъ церкви, но имѣетъ и наружный входъ, запирающійся желѣзными воротами, надъ которыми выбита надпись:

«Въ склепѣ, стоящей здѣсь церкви, находится усыпальница знаменитаго донскаго атамана Матвѣя Ивановича Платова и ближайшихъ его родственниковъ. Упокой Господи души сихъ рабовъ твоихъ и даруй имъ вѣчное блаженство въ небесномъ твоёмъ царствіи!»

Надъ самымъ мѣстомъ, гдѣ покоится усопшій вождь донскаго казачества, устроенъ невысокій мраморный саркофагъ, и передъ нимъ теплится неугасимая лампада. На гробовой

Памятникъ графу Платову въ оградѣ церкви поселка Мало-Мишкинскаго
(съ открытыми дверями показанъ склепъ).

Карачаево-Черкесская
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

плитѣ высѣчена надпись: «Войска Донского атаманъ графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Скончался 3-го января 1818 года».

Кромѣ того на дворѣ архіерейскаго дома показываютъ громаднѣй, въ три обхвата, дубъ—свидѣтель дѣтскаго возраста Платова, а въ самыхъ покояхъ хранится копія съ грамоты Императора Александра I, данная войску Донскому въ 1811 году за участіе донцовъ, подѣ предводительствомъ покойнаго графа, въ войнѣ 1807 года. Грамота въ рамѣ подѣ стекломъ, и окаймлена широкимъ бордюромъ съ чудными миниатюрами, изображающими походную жизнь донцовъ и ихъ оружіе.

92485- Роскошный памятникъ, работы извѣстнаго Мартоса, стоявшій прежде надъ могилою графа въ оградѣ Новочеркаскаго собора, былъ также перевезенъ въ Мишкинъ и стоитъ передѣ алтаремъ въ оградѣ Мишкинскаго храма. Памятникъ сдѣланъ изъ дорогаго мрамора въ видѣ колонны, поставленной на пьедесталѣ, а наверху, на мраморной-же подушкѣ — металлическій, бронзированный киверъ съ атаманскимъ перомъ.

На лицевой сторонѣ надпись: «Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Родился въ 1775 году¹⁾, августа 6-го дня въ Старочеркасской станицѣ. Скончался 3-го января 1818 года».

На другой сторонѣ, обращенной къ алтарю и украшенной превосходнымъ бюстомъ Платова, надпись: «Отцу отъ благодарнаго сына».

Это памятникъ фамилный. Но есть и другой памятникъ, воздвигнутый Платову по повелѣнію императора Николая Павловича. Этотъ прекрасный монументъ, исполненный барономъ Клодтомъ, стоитъ въ Новочеркаскѣ передѣ атаманскимъ домомъ, посреди обширной Александровской площади, и представляетъ «вихря-атамана» въ развѣвающейся буркѣ, какъ бы

¹⁾ Здѣсь очевидная ошибка. Платовъ, какъ извѣстно, родился 6-го августа 1751 года и умеръ 67 лѣтъ отъ роду.

устремляющагося съ возставшимъ населеніемъ Дона на враговъ Россіи; въ одной рукѣ у него гетманская булава, въ другой— обнаженная сабля. Бронзовое изваяніе графа поставлено на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ чугуною рѣшеткою. Передъ рѣшеткой— пушки, снятыя съ передковъ, какъ бы готовыя дѣйствовать противъ непріятеля. На самомъ пьедесталѣ выбита надпись:

Атаману
Графу Платову
за военные подвиги
съ 1770 по 1816 годъ.
Признательные Донцы.

Торжественное открытіе этого памятника послѣдовало 9-го мая 1853 года.

Нельзя не пожелать, чтобы и на Кавказѣ поставленъ былъ какой-нибудь хотя бы самый скромный памятникъ,— чугунный крестъ или каменный обелискъ на мѣстѣ Калалахской битвы. Остатки земляного вала сохранятся недолго, а вмѣстѣ съ ними исчезнутъ и послѣдніе слѣды памятной битвы, долженствовавшей бы служить поучительнымъ примѣромъ тому, какъ наши отцы умѣли умирать за родину.

Справедливо сказалъ нашъ партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ: «Если кому нибудь изъ молодыхъ офицеровъ придется быть въ такомъ же положеніи, тотъ пусть приведетъ себѣ на память подвигъ молодого Платова, и успѣхъ увѣнчаетъ его оружіе. Фортуна, не всегда слѣпая, возведетъ быть можетъ твердаго воина на ту же степень славы на которую вознесла она и маститаго героя Дона».

IV.

Церковный предѣлъ

во имя апостоловъ Варѣоломея и Варнавы въ Наурской
станицѣ

Однимъ изъ выдающихся эпизодовъ первой турецкой войны въ царствованіе Екатерины Великой на Кавказѣ служить геройская оборона Наурской станицы Моздокскаго казачьяго полка, незадолго до того переселеннаго съ Волги на Терекъ.

11-го іюня 1774 года, въ самый день праздника сошествія св. Духа, когда все населеніе станицы находилось въ церкви, татары въ числѣ 8-ми, а по сказаніямъ другихъ даже до 18-ти тысячъ ¹⁾, подъ предводительствомъ крымскаго калги Шабазъ-Гирея, подошли къ Науру и бросились на приступъ. Казаки успѣли однако встрѣтить ихъ на валу, куда, на защиту родного городка, кинулись изъ церкви и разряженные въ праздничные сарафаны моздокскія казачки. Бой начался жестокой, приступы слѣдовали за приступомъ, но казаки подъ начальствомъ своего полкового командира стараго полковника Савельева, пользовавшагося среди нихъ огромною популярностью, стойко отражали нападенія; имъ помогали, бывшіяся рядомъ со своими отцами, мужьями и братьями женщины и молодыя дѣвушки. Онѣ не пугались ни свиста вражескихъ пуль, ни стрѣлъ, ни дикаго рева нападающихъ. Вооружившись серпами и косами, онѣ спокойно встрѣчали яростныя атаки татаръ и лили на головы ихъ кипящую смолу, горячую воду и даже, какъ говорятъ преданія, щипы, готовившіяся въ тотъ день къ обѣду.

Цѣлый день длилась кровавая борьба, но къ вечеру наконецъ затихла. Въ это время изъ станицы грянулъ пушечный выстрѣлъ, и ядро попало въ самую ставку калги, стояв-

¹⁾ Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Бутковъ, ч. I.

шую на високомъ курганѣ. Молодой племянникъ Шабазы, одинъ изъ послѣднихъ представителей древняго ханскаго рода, былъ убитъ наповалъ. Говорятъ, что калга хотѣлъ было скрыть его смерть отъ войска, но молва объ этомъ уже разнеслась по татарскому стану и вызвало общее смятеніе. Курганъ, пестрѣвшій до того знаменами, мгновенно опустѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ все скопище быстро стало отходить отъ станицы и скоро скрылось за Терекѣмъ.

Спустя много лѣтъ послѣ этого событія, въ 1838 году, казаки, разрывая курганъ, на которомъ по разсказамъ ихъ дѣдовъ стояла ставка калги, дѣйствительно нашли въ землѣ челоѣческія кости, серебряный кувшинъ и золотыя украшенія съ пояса и конской сбруи. Кто знаетъ, можетъ быть это и были остатки того челоѣка, случайная смерть котораго рѣшила участь Наурской осады.

Хотя разсказъ объ удачномъ выстрѣлѣ очень популяренъ, но большинство казаковъ въ своихъ преданіяхъ приписываютъ бѣгство непріятеля только особому Божіему покровительству. Старые люди говорятъ, что во время боя 11-го іюня, въ день памяти святыхъ апостоловъ Варѣоломея и Варнавы, два всадника на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлой одеждѣ проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ паническій ужасъ. Въ ознаменованіе этого событія въ Наурской церкви тогда же устроенъ особый предѣлъ во имя названныхъ апостоловъ, и день 11-го іюня празднуется въ Моздокскомъ полку до настоящаго времени.

Если не считать уничтоженной временемъ церкви Мстислава, воздвигнутой имъ въ Тмутаракани въ память своего единокровства съ Редеемъ, то наурскій предѣлъ во имя апостоловъ является кажется единственнымъ, дошедшимъ до насъ, религіознымъ памятникомъ на сѣверномъ Кавказѣ.

Памятникъ академику Гмелину у сел. Кая-Кента, Дагестанской обл.

Памятникъ Гмелина¹⁾.

Въ Дагестанѣ, около деревни Кая-Кентъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, есть могила съ воздвигнутымъ надъ нею, болѣе нежели скромнымъ памятникомъ. Подъ нимъ покоятся кости не воина, стяжавшаго себѣ боевую славу, а мирнаго ученаго, академика Самуила-Готлиба Гмелина, запечатлѣвшаго своею жизнею любовь и преданность науки.

Въ семидесятихъ годахъ XVIII столѣтія, когда еще шла турецкая война, императрица Екатерина Великая рѣшила исполнить широко задуманный планъ изслѣдованія въ научномъ отношеніи не только Россіи, но и сосѣднихъ съ нею азіатскихъ странъ. Съ этою цѣлью императорская академія наукъ командировала нѣсколько ученыхъ экспедицій, и въ томъ числѣ академика Гмелина, на долю котораго выпало изслѣдованіе всѣхъ трехъ царствъ природы по Каспійскому побережью, находившемуся тогда подъ властью Персіи.

Изъ первой экспедиціи онъ возвратился благополучно, но вторая, предпринятая имъ въ 1772 году, къ сожалѣнію, окончилась для него трагически.

Возвращаясь изъ Энзели, въ слѣдующемъ 1773 году, почтенный академикъ пожелалъ проѣхать въ Астрахань не моремъ, на приготовленномъ для него военномъ суднѣ, а сухимъ путемъ черезъ Дагестанскія земли, рассчитывая найти содѣйствіе въ своихъ научныхъ экскурсіяхъ со стороны Каракайтагскаго уцмія. Уцмій, съ которымъ ему пришлось познакомиться во время своихъ путешествій, дѣйствительно пригласилъ его въ гости; но едва довѣрчивый Гмелинъ переступилъ порогъ его дома, какъ былъ захваченъ силой и объявленъ плѣнникомъ.

¹⁾ Дагестанскій Сборникъ, вып IV Изд Дагестанскаго областного статистическаго комитета 1904 года, стр. 189—195

Дѣло было въ томъ, что еще во времена Надиръ-Шаха часть каракайтагцевъ бѣжала изъ Каракайтага въ русскіе предѣлы и поселилась на Кумыкской плоскости. Уцмій потребовалъ ихъ выдачи. Ему отказали, и тогда онъ счелъ себя вправѣ, по обычаямъ своей страны, захватить «въ баранту» ученаго академика, потребовавъ за него или выкупа въ 30 тысячъ рублей серебромъ, или выдачу бѣжавшихъ подданныхъ. Начались переговоры; но пока шла переписка, пока пересылались гонцами, несчастному Гмелину суждено было до конца испытать горькую чашу страданій. Онъ ихъ не перенесъ, и въ глубокой тоскѣ по родинѣ скончался 27-го іюня 1774 года въ деревнѣ Ахметъ-Кентъ близъ с. Меджелиса. Отпущенные изъ плѣна ученики академика, студентъ Михайловъ и художникъ Бадеръ, взяли тѣло его съ собою для погребенія въ Кизлярѣ, но довести его при сильной жарѣ не могли и похоронили на пути 29-го іюня въ деревнѣ Кая-Кентъ. Похороны были самыя бѣдныя: гроба нигдѣ достать было нельзя, и тѣло, завернутое полотенцами, опустили въ могилу на доскѣ, а сверху прикрыли еще двумя другими досками. Такова была печальная участь извѣстнаго ученаго, трудами котораго начато было первое научное изслѣдованіе природы Дагестана.

Когда императрица получила извѣстіе о плѣненіи и смерти Гмелина, она была возмущена вѣроломствомъ уцмія и приказала генералу Медему, командовавшему тогда войсками на Кавказской линіи, разорить его владѣнія. Медемъ выступилъ въ походъ только въ мартѣ 1775 года и прибылъ въ Дагестанъ въ то время, когда каракайтагцы осаждали Дербентъ. Уже девять мѣсяцевъ тянулась осада, и крѣпость, томимая голодомъ, близка была къ паденію, когда извѣстіе о приближеніи русскихъ заставило уцмія отступить отъ города. Въ битвѣ при Иранъ-хараба (погибель Персін) онъ былъ разбитъ, и наши войска произвели страшный погромъ въ его владѣ-

ніяхъ. Имя «глухого генерала» (Медемъ былъ глухъ на одно ухо) долго оставалось въ преданіяхъ горскихъ племенъ.

Надъ прахомъ Гмелина долгое время не было ни креста, ни камня, ни огорожи, — ничего, что могло бы напомнить и указать путешественнику мѣсто погребенія ученаго труженика. Лишь въ 1869 году, спустя почти столѣтіе, другой профессоръ академикъ Дорнъ, посѣтившій тѣ же мѣста, вспомнилъ несчастнаго собрата и началъ разыскивать его забытую могилу. Долго никто не могъ указать ее. Наконецъ одинъ изъ жителей сообщилъ, что дѣйствительно въ Кая-Кентѣ существуетъ могила какого то ученаго гяура, имѣющая даже чудотворную силу по отношенію къ заболѣвшимъ животнымъ. По этимъ то признакамъ и было наконецъ разыскано мѣсто погребенія Гмелина. 22-го мая Дорнъ приказалъ насыпать небольшой надгробный холмъ и водрузилъ на немъ деревянный крестъ, возложивъ на него вѣнокъ изъ набранныхъ тутъ же полевыхъ цвѣтовъ горькой полыни. Это была элблема расцвѣта науки и горькой участи ея жреца. На крестѣ была выбита надпись: «Академикъ Гмелинъ. 27-го іюня 1774 года».

Обрядъ водруженія креста произвелъ на татаръ, присутствовавшихъ при этой церемоніи такое впечатлѣніе, что они, какъ бы желая загладить преступленіе своихъ единовѣрцевъ, совершенное за 87 лѣтъ передъ тѣмъ, сами вызвались принять на себя дальнѣйшія заботы по охраненію этой могилы. Гмелинъ, конечно, заслуживалъ лучшаго памятника. Но величественно хорошъ былъ и этотъ простой деревянный крестъ Спасителя, здѣсь, вдали отъ христіанскаго міра, среди мусульманскихъ народовъ, — лучший и вѣрнѣйшій символъ страданій за любовь къ человѣчеству.

Время шло, крестъ повалился, и на могилѣ Гмелина появляется новый памятникъ, доселѣ неизвѣстно кѣмъ сооруженный: одни полагаютъ, что онъ поставленъ академіею наукъ, другіе приписываютъ это начальнику южнаго Дагестана

генераль-маіору Лорисъ-Меликову ¹⁾). Памятникъ былъ сложенъ изъ каменныхъ плитъ и имѣеть видъ усѣченной пирамиды, высотой въ одну саж., увѣнченной на верху большимъ деревяннымъ крестомъ. На лицевой сторонѣ, на камняхъ, выбита слѣдующая надпись: «Въ память академика С. Г. Гмелина, умершаго 27-го іюня 1774 года». Кругомъ памятника поставлены четыре каменные столба. Но съ теченіемъ времени столбы эти покосились, крестъ упалъ и надпись стала изглаживаться. Возникъ вопросъ о новой реставраціи памятника. Императорская академія наукъ отпустила на этотъ предметъ въ 1902 году 86 рублей. Этого было мало; но нашлись другіе благотворители, которые взяли на себя всѣ необходимые расходы. Такъ, управляющій владикавказской желѣзной дорогой И. Д. Иноземцевъ, извѣстный своею отзывчивостью на всякое доброе дѣло, заготовилъ всѣ металлическія части памятника въ своихъ мастерскихъ, а для установки монументальной желѣзной рѣшетки выслалъ своихъ же рабочихъ. Весь расходъ въ 245 рублей былъ принять имъ на счетъ желѣзной дороги. Такимъ образомъ, памятникъ приведенъ былъ въ порядокъ; всѣ изъяны, царапины и углубленія, причиненныя временемъ, задѣланы камнемъ и цементомъ. На верху, вмѣсто деревяннаго, водруженъ кованный желѣзный ажурный крестъ, въ одинъ аршинъ 12 вершковъ, выкрашенный черною масляною краскою, съ бронзированнымъ на немъ сіяніемъ. Старые столбы соединены между собою каменными плитами, образовавшими цоколь, на которомъ утверждена красивая желѣзная рѣшетка. Тогда же рѣшено было развести вокругъ памятника, внутри деревянной огорожи, небольшой садикъ и при немъ цвѣтникъ. Старая надпись оставлена въ цѣлости, но на восточной сторонѣ пирамиды, обращенной къ почтовому тракту, вдѣлана мѣдная доска со слѣдующею надписью: «Этотъ памятникъ, воздвигнутый въ 1861 году академи-

¹⁾ Впослѣдствіе графу.

Гор. Ставрополь Суворовский крестъ.

комъ Б. А. Дорномъ на могилѣ академика С. Г. Гмелина, перваго изслѣдователя природы Дагестана, павшаго въ 1774 году жертвою преданности наукѣ, реставрированъ въ 1903 году стараніемъ Дагестанскаго статистическаго комитета при содѣйствіи императорской академіи наукъ и управляющаго владикавказской желѣзной дороги».

Торжественное открытіе и освященіе памятника, въ присутствіи множества народа, совершено было 24-го мая 1903 года.

VI.

По поводу памятника Суворова въ Ставрополѣ¹⁾.

Въ Ставрополѣ есть старинный каменный крестъ, который народная молва, благодаря ошибочной надписи, сдѣланной на немъ городскою управою, связываетъ съ именемъ Суворова, но который вовсе не является памятникомъ великому полководцу и не имѣетъ къ нему никакого отношенія; онъ даже не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ предметовъ, описаніе которыхъ предпринято Военно-Историческимъ отдѣломъ.

Въ Ставрополѣ, имѣются только два старинные каменные креста,—оба въ районѣ бывшей крѣпости: одинъ изъ нихъ небольшой, обнесенный желѣзною рѣшеткой, стоитъ посреди двора интендантскаго вещевого склада, и, по сказаніямъ мѣстныхъ жителей, поставленъ здѣсь въ 1817 году купцомъ Плотниковымъ въ память, какъ говорятъ одни, проѣзда черезъ Ставрополь бывшаго главнокомандующаго въ Грузіи генерала Ртищева, а по рассказамъ другихъ—въ знакъ из-

¹⁾ Матеріаломъ служилъ отзывъ начальнику Военно-Историческаго Отдѣла Ставропольскаго губернскаго статистическаго комитета 8-го июля 1905 г. № 502 и «Историческій очеркъ кавказской войны до присоединенія Грузіи». Изд. Военно-Истор. Отдѣла 1899 г.

бавленія Ставрополя отъ чумы, которая дѣйствительно была здѣсь въ 1810 году. Третье преданіе, — что крестъ поставленъ на могилѣ какого-то убитого офицера, вовсе не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ никто не помнитъ ни имени офицера, ни обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ убитъ. Вообще, судя по наружному виду, крестъ этотъ принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ христіанскихъ памятниковъ; надписи на немъ никакой нѣтъ, а потому онъ и не можетъ имѣть для насъ никакого особаго значенія.

Другое дѣло крестъ, съ которымъ такъ или иначе, связывается имя Суворова. Онъ стоитъ на Соборной горѣ, противъ ставропольскаго кафедральнаго собора, на мѣстѣ, гдѣ, какъ говорятъ, когда то находилась церковь Владимірскаго драгунскаго полка, современная самому основанію города. Прежде крестъ былъ вдѣланъ въ стѣну, стоявшаго здѣсь же небольшого каменнаго зданія въ родѣ часовни; но кѣмъ и когда построено было это зданіе никто не помнитъ даже изъ старожиловъ ¹⁾. Соборный староста Г. Я. Локтіоновъ уже въ наше время обратилъ вниманіе городской управы на то, что зданіе это ветхо, загрязнено, и что содержать его въ порядкѣ невозможно, а между тѣмъ оно находится въ самой видной части города, вмѣщаетъ въ себѣ крестъ, служащій, по преданіямъ, памятникомъ основанія города, и въ то же время видомъ своимъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Обращаясь за этимъ къ управѣ, соборный староста предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и проектъ сооруженія на мѣстѣ обветшавшаго зданія новаго памятника, который былъ бы достоинъ города ²⁾.

Управа приняла это заявленіе, и въ 1900 году часовня была сломана, а крестъ, вдѣланный въ одну изъ ея стѣнъ, установленъ на особомъ пьедесталѣ, посреди небольшой пло-

¹⁾ Архивъ городского общественнаго управленія. Заявленіе соборнаго старосты въ январѣ 1898 года.

²⁾ Тамъ же.

щадки, залитой асфальтомъ и обсаженной кругомъ деревьями; здѣсь же разбиты цвѣточныя клумбы, а самый памятникъ обнесенъ желѣзною рѣшеткою. На пьедесталѣ укрѣплена большая металлическая досочка съ надписью: «По преданіямъ поставленъ распоряженіемъ Александра Васильевича Суворова». Надпись эта, какъ видно изъ официальныхъ документовъ, ¹⁾ проектирована гласнымъ Кувшинскимъ и утверждена городскою управою съ согласія полицеймейстера.

Эта именно надпись, не имѣющая за собой ничего историческаго, и вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, кто, посѣщая Ставрополь, пишетъ о суворовскомъ памятникѣ.

Имя Суворова, конечно, извѣстно и здѣсь, какъ на всемъ Кавказѣ, но никакихъ народныхъ преданій о нашемъ великомъ полководцѣ среди мѣстныхъ жителей не сохранилось. И это будетъ понятно, если сказать, что Суворовъ никогда не былъ въ Ставрополѣ, а тѣмъ болѣе не могъ быть въ моментъ самаго зарожденія его, случившагося въ 1777 году. Суворовъ въ это время командовалъ Кубанскимъ корпусомъ и дѣйствовалъ на Кубани, а Ставрополь, находившійся на Азовско-Моздокской линіи входилъ въ районъ Кавказскаго корпуса генерала Якоби. Такимъ образомъ Суворовъ не имѣлъ къ нему никакого отношенія и не могъ распоряжаться ничѣмъ въ чужомъ, не подвѣдомственномъ ему районѣ.

Бентковскій въ своемъ историко-статистическомъ описаніи Ставрополя, хотя и говоритъ, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ 1780 году, по личному указанію Суворова, въ ставропольской крѣпости выстроена была первая перковь для квартировавшаго тамъ Владимірскаго драгунскаго полка ²⁾, но и это замѣчаніе почтеннаго изслѣдователя ставропольской старины подлежитъ большому сомнѣнію. Во первыхъ, Суворова въ 1780 году не было на Кавказѣ, онъ находился въ Астра-

¹⁾ Дѣло Ставропольской городской управы 1899 г. № 87.

²⁾ Сборникъ свѣдѣній о Ставропольской губернии, выпускъ IV.

хани, гдѣ занимался дѣлами, совершенно не касавшимися Кавказской линіи, а во вторыхъ съ Владимірскимъ драгунскимъ полкомъ онъ встрѣтился впервые только въ 1783 году на Кубани, когда воевалъ съ ногайцами. Слѣдовательно, нельзя предположить, чтобы Суворовъ заботился о постановкѣ церкви для полка, котораго никогда не видѣлъ, и съ которымъ не связывали его никакія служебныя или личныя отношенія. Владимірскій драгунскій полкъ, правда квартировалъ въ Ставрополь, но какъ онъ, такъ и самый Ставрополь, имѣли своихъ непосредственныхъ начальниковъ, сперва въ лицѣ генерала Якоби, а потомъ графа Павла Сергѣевича Потемкина.

Исторія Ставропольскаго креста, связаннаго городскою управою съ именемъ Суворова, объясняется гораздо проще архивными документами Ставропольскаго губернскаго правленія, изъ которыхъ видно, что крестъ этотъ поставленъ на Соборной горѣ въ половинѣ 1817 года въ знакъ того, что на этомъ мѣстѣ было предположено поставить новую каменную церковь. Приступая къ сбору пожертвованій и прося исходатайствовать разрѣшеніе на это со стороны астраханскаго архіепископа, Ставропольская городская дума въ іюнѣ 1827 года писала между прочимъ начальнику Кавказской области генералъ-лейтенанту Эмануелю слѣдующее ¹⁾:

«По изъявленному жителями г. Ставрополя желанію выстроить церковь во имя святаго чудотворца Николая на открышемся послѣ уничтоженія крѣпости приличномъ мѣстѣ, кавказское губернское правленіе еще въ февралѣ 1817 года предписало бывшему городничему Яншіеву, чтобы онъ, назначенное съ согласія гражданъ, мѣсто,—на которомъ *въ знакъ таковаго намѣренія поставленъ каменный крестъ*,—никому не позволялъ застраивать частными строеніями».

Суворову на Кавказѣ нѣтъ памятника; но его слѣдовало

¹⁾ Дѣло архива Ставроп. губ. прав. 1827—1836 г. № 325. Рапортъ городской думы отъ 3-го іюня 1827 г. № 357.

бы поставить, потому что Суворову мы обязаны тѣмъ, что обширныя степныя пространства, лежавшія къ югу отъ Дона до самой Кубани, были прочно закрѣплены имъ за Россією, и самый Донъ на всегда обезпеченъ отъ непрерывныхъ кровавыхъ погромовъ.

Хищныя, полудикія ногайскія орды, кочевавшія на этомъ пространствѣ, служили вѣчной угрозой нашимъ южнымъ предѣламъ, и до тѣхъ поръ пока существовала на Кубани орда, нечего было и думать о заселеніи богатыхъ степей нынѣшней Ставропольской губерніи какимъ бы то не было осѣдлымъ мирнымъ населеніемъ. И вотъ, какъ только окончилось присоединеніе къ Россіи Тавриды, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ рѣшилъ положить предѣлъ необузданному своеволю ногайскаго народа и приказалъ переселить его въ обезлюдѣвшія послѣ пугачевского бунта уральскія степи. Дѣло это по своей важности поручено было Суворову, который для этой цѣли и вызванъ былъ изъ Крыма.

Онъ прибылъ на Кубань весною 1783 года.

Слухъ о переселеніи до того поразилъ умы дикихъ ногайцевъ, что мятежъ разомъ охватилъ всѣ кочевыя орды; русскіе караулы повсюду были вырѣзаны, г. Ейскъ осажденъ, и ногайцы съ бѣшенствомъ штурмовали крѣпостную ограду. Къ счастью, появленіе Суворова положило предѣлъ ихъ успѣхамъ. Разбитые войсками, они укрылись за Кубань и тамъ отдались подъ покровительство черкесовъ. Это грозило нашимъ границамъ болѣею опасностью, и Суворовъ рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ возстаніемъ. 1-го октября 1783 года онъ скрытно перешелъ Кубань и внезапно напалъ на ногайскія становища, раскинувшіяся на берегу р. Лабы, близъ урочища Керменчукъ. Расчитывая на безопасность въ турецкихъ предѣлахъ, ногайцы стояли оплошно и были захвачены Суворовымъ врасплохъ. Кровавая битва длилась съ ранняго утра до полудня. Не видя спасенія, ногайцы въ припадкѣ

безсильной злобы сами истребляли свои драгоцѣнности, рѣзали женъ и бросали въ воду младенцевъ. Пространство на десять верстъ завалено было ихъ трупами; четыре тысячи взято въ плѣнъ; 30 тысячъ лошадей, 40 тысячъ рогатаго скота и 200 тысячъ овецъ достались въ добычу казакамъ.

Страшный уронъ, данный мятежникамъ, былъ такъ поучителенъ, что навелъ паническій страхъ на все Закубанье и даже на крымскихъ татаръ. Только злѣйшіе враги Россіи изъ числа ногайцевъ остались у черкесовъ, остальные явились съ повинной головой и были переселены Суворовымъ въ Крымъ. Вся мѣстность между Кубанью и Дономъ опустѣла. Прошло девять лѣтъ, и эти привольныя, но тогда еще дикия, не культивированныя степи отданы были подъ поселенія русскихъ людей. Съ береговъ Буга пришло сюда Черноморское казачье войско, и поставивъ свои курени по Кубани и въ древне-русскомъ Тмутараканскомъ княжествѣ, взяло на себя защиту русской границы.

Вселеніе ногайцевъ, прочно умиротворившее край, связало имя Суворова съ Кавказомъ, а дальнѣйшая дѣятельность поставила его наряду съ знаменитѣйшими полководцами всѣхъ временъ и народовъ.

VII.

Памятники Баталпашинской битвы и могила графа де-Бальмена ¹⁾).

Въ городѣ Георгіевскѣ, на самой окраинѣ предмѣстья, называемаго Тифлисской слободкой, на юго-западъ отъ старой крѣпости, видны еще и по-нынѣ остатки когда то большого,

¹⁾ Бугковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа, ч. II «Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ до присоединенія Грузіи», изданіе Военно-историч. отдѣла при Штабѣ Кав. Воен. Округа 1899 г Журналъ военныхъ дѣйствій генерала Германа съ 22-го по 30-е сентября 1790 г. Отечественныя записки 1825 г. № 68.

Гор. Георгиевскъ. Могила графа де-Бальмена въ слободкѣ и отдѣльно надгробная плита.

но давно покинутого кладбища, современнаго самому основанію города. Три-четыре надгробныхъ памятника, полуразрушенныхъ временемъ и разбросанныхъ теперь по срединѣ улицы, уныло смотрятъ своими развалинами, и старое грушевое дерево, тоже изсохшее и покривившееся, одиноко сторожить этотъ пріютъ забвенія и смерти. На одной изъ этихъ могилъ лежитъ на каменномъ основаніи разбитая по поламъ чугунная плита, не привлекающая къ себѣ ничьего вниманія. А между тѣмъ это могила крупнаго историческаго лица, генераль-поручика графа Де-Бальмена, командовавшаго кавказскими войсками въ то смутное, но богатое событіями и результатами время Екатерины Великой, когда положенъ былъ конецъ всѣмъ притязаніямъ Порты, стремившейся ниспровергнуть на Кавказѣ русское владычество. На плитѣ, изготовленной, какъ видно по сохранившемуся на ней клейму, на Тульскомъ оружейномъ заводѣ, отчетливо сохранилась и трогательная надпись-эпитафія во вкусѣ XVIII вѣка, — надпись, которая можетъ служить прекрасною характеристикой того, надъ кѣмъ она начертана.

Надпись эта слѣдующая:

«Здѣсь лежитъ графъ Оттонъ Богдановичъ Де-Бальменъ, Ея Императорскаго Величества отъ арміи генераль-поручикъ, командовавшій Кавказскимъ корпусомъ, правившій должность Орловскаго и Курскаго генераль-губернатора, войскъ Ея Величества инспекторъ, Таганрогскаго драгунскаго полка шефъ и орденовъ Россійскихъ: святаго Александра Невскаго, военнаго святителя великомученника Георгія и велико-княжескаго Голстинскаго — святыя Анны, кавалеръ.

«Преставился 4-го октября 1790 года, 49-ти лѣтъ отъ рожденія.

«Прохожіи! Сей былъ твой другъ, ибо между добродѣтелями, которыя онъ почиталъ, которымъ онъ слѣдовалъ, благотѣльность и человеколюбіе преобладающую степень зани-

мали; онѣ столько сердцу его были драгоцѣнны, что даже въ первомъ восторгѣ побѣды онѣ щадили кровь побѣжденнаго непріятеля.

«Почти же ты сію гробницу, которую супруга, орошенная слезами, воздвигла памяти его, и пожелай ты съ нею и со всѣми людьми добродѣтельными, чтобы сей другъ челоуѣчества, чтобы сей достойный и добрый гражданинъ, чтобы лучший изъ супруговъ и отцевъ въ покоѣ почиваль».

Графъ Де-Бальмень, назначенный командиромъ Кавказскаго корпуса, прибылъ въ Георгіевскъ 21-го іюня 1790 года. Онѣ пріѣхалъ больной, слегъ въ постель, и не могъ самъ предводительствовать войсками. Но за короткій промежутокъ времени командованія Кавказскимъ корпусомъ, онѣ, не смотря на смертельный недугъ, обнаружилъ такъ много энергіи, такое пониманіе людей и окружавшей его обстановки, что сѣверный Кавказъ, можно сказать, только ему обязанъ спасеніемъ.

Въ то время шла вторая турецкая война, и Кавказъ переживалъ тяжелое время. Недавній бѣдственный походъ генерала Бибикова къ Анапѣ, помимо громадной потери въ людяхъ, повлекъ за собою порчу оружія, разстройство войскового хозяйства и въ особенности обоза. Кавказскій корпусъ почти лишенъ былъ возможности дѣйствовать. Все это внушило самоувѣренность туркамъ, и сорока-тысячный корпусъ ихъ, подѣ начальствомъ извѣстнаго сераскира Баталь-паши, выступилъ изъ Анапы къ нашимъ границамъ.

Умирающій Бальмень, не жалѣя себя, работалъ день и ночь, и въ два-три мѣсяца не только привелъ въ порядокъ разстроенный корпусъ, не только снабдилъ его оружіемъ и аммуниціей, но собралъ обозы и заготовилъ продовольствіе. Умѣлый выборъ начальниковъ и удачныя распоряженія по занятію пограничныхъ пунктовъ—рѣшили остальное. На Кубань выдвинуты были имѣ три отряда: первый, генераль-маіора Германа, сталъ у Кумскаго редута, второй, бригадира Беер-

Видъ кургана, гдѣ погребены убитые въ сраженіи 30-го сентября
1790 года, въ окрестностяхъ Баталпашинска, Кубанской обл.

30 x 40

вица, — въ Невинномыскѣ, а третій, генерала Булгакова, — у Прочнаго Окопа. Въ это время Баталь-паша съ сорока-тысячною арміею (25 тысячъ турокъ и свыше 15-ти тысячъ закубанскихъ горцевъ) уже перешелъ Лабу и стоялъ на р. Урупѣ. Дѣла принимали серьезный оборотъ. Замыслы у турокъ были обширные. Баталь-паша полагалъ, что при первыхъ успѣхахъ его на Кавказской линіи легко будетъ поднять всѣхъ мусульманъ, живущихъ подъ скипетромъ русской имперіи, и не только отторгнуть отъ Россіи древнія татарскія царства, но распространить мятежъ по Волгѣ и Уралу до самой Сибири.

Чтобы ближе слѣдить за непріятелемъ и запереть ему пути въ Кабарду, Германъ передвинулся къ Кубанскому редуту, куда форсированнымъ маршемъ прибылъ также отрядъ Беервица изъ Невинномыска. Такимъ образомъ у насъ составилось три съ половиною тысячи пѣхоты и конницы при шести полевыхъ орудіяхъ. Большаго числа войскъ взять уже было негдѣ. Отрядъ Булгакова находился далеко, а о Кубанскомъ корпусѣ не было никакихъ извѣстій. Непріятель между тѣмъ послѣ полудня 28-го сентября перешелъ Кубань близъ устья рѣчки Джеганаса и сталъ у тахтамышскихъ горъ. Германъ со своей стороны передвинулся на рѣчку Подбаклею и расположился въ 15-ти верстахъ отъ турецкаго лагеря. Сравнивая свои силы съ силами Баталь-паши, онъ видѣлъ ясно, что только быстрота и внезапность могутъ доставить ему побѣду и потому рѣшилъ самъ атаковать непріятеля. Предложеніе его было принято отрядомъ единодушно.

Съ разсвѣтомъ 30-го сентября авангардъ, выступившій изъ лагеря, внезапно захватилъ высоты, командовавшія долиною рѣчки Тахтамыша и тотчасъ на нихъ укрѣпился. Замѣтивъ наше движеніе, турки двинулись къ тѣмъ же высотамъ, но въ это время Германъ подошелъ съ остальными войсками и сталъ въ боевой порядокъ: правый его флангъ составила колонна Беервица (три баталіона егерей); въ центрѣ — бригада

Матцена (Кавказскій и Тифлисскій пѣхотные полки), на лѣвомъ флангѣ—Воронежскій пѣхотный полкъ съ полковникомъ Чесодановымъ. Кавалерія размѣстилась частью на флангахъ, а частью въ резервѣ за центромъ.

Турецкая армія подоспѣла почти одновременно съ нами; но такъ какъ командующія высоты уже были заняты русскими, то сераскиръ расположилъ свои силы за рѣчкой Тахтамышемъ и открылъ огонь изъ 30-ти орудій. Имъ отвѣчали 6 орудій батареи Офросимова. Пока бой разгорался по фронту, огромное скопище горцевъ ударило на нашъ лѣвый флангъ и появилось въ тылу. Эта смѣлая атака, грозившая намъ въ случаѣ успѣха серьезными послѣдствіями, была отбита полковникомъ Буткевичемъ съ двумя кавалерійскими Ростовскимъ и Каргопольскимъ карабинерными полками. Въ тоже время турецкая батарея, стоявшая вправо, была сбита огнемъ нашей артиллеріи. Этимъ рѣшительнымъ моментомъ воспользовался Германъ—и съ безоглядной отвагой двинулъ впередъ всю боевую линію. Полковникъ Мухановъ съ Астраханскимъ драгунскомъ полкомъ первый понесся въ атаку и врѣзался въ ряды турецкой пѣхоты; на помощь къ нему подоспѣла кавалерійская бригада Буткевича и егеря Беервица. Турецкая батарея была взята, и весь лѣвый флангъ непріятеля смятъ, опрокинуть и обращенъ въ бѣгство; Кавказскій и Тифлисскій полки прорвали центръ, и правое крыло, охваченное тремя казачьими полками (Волжскій линейный и два донскіе: Луковкина и Поздѣева), уже не могли держаться. Разгромъ былъ полный. 40 тысячъ турокъ и черкесъ бѣжали передъ тремя тысячами русскихъ, которые ворвались въ лагерь и завладѣли всѣми обозами, имуществомъ, боевыми и продовольственными запасами. Самъ Баталь-паша, настигнутый казаками, былъ взятъ въ плѣнъ войсковымъ старшиною Луковкинымъ. Его помощникъ Аджи-Мустафа-паша былъ убитъ. Въ нашихъ рукахъ остались всѣ 30 орудій и, кромѣ того, знамя, бунчукъ и булава, принад-

лежавшіе сераскиру. Въ нашемъ отрядѣ убитъ одинъ офицеръ и 26 нижнихъ чиновъ и 115 человѣкъ ранены.

Побѣда Германа навсегда останется памятной въ исторіи Кавказа. Она разсѣяла страшную тучу, собиравшуюся надъ нами и не только изгладила дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ походомъ Бибикова подъ Анапу, но и утвердила надолго среди кавказскихъ племенъ страхъ передъ русскимъ оружіемъ. Императрица пожаловала Герману прямо орденъ св. Георгія 2-го класса—награда рѣдкая въ генераль-майорскомъ чинѣ.

Впослѣдствіе, въ 1826 году, на мѣстѣ славной побѣды была основана станица Хоперскаго линейнаго казачьяго полка, названная въ честь ея «Баталпашинскою». Конечно, справедливѣе было бы назвать ее «Германовскою», въ честь побѣдителя, а не побѣжденнаго, но названіе это уже укрѣпилось въ народѣ и теперь перешло даже на цѣлый уѣздъ. Казаки, тѣмъ не менѣе, помнятъ и чтутъ заслугу Германа, большой портретъ котораго, писанный маслянными красками, хранится въ станичномъ правленіи,—это даръ станичному обществу состоящаго при Особѣ Его Величества генераль-адъютанта Оттона Борисовича Рихтера. Этотъ портретъ и самое названіе станицы, свидѣтельствующее о совершенномъ имъ подвигѣ, составляютъ уже сами по себѣ лучшій и вѣковѣчный ему памятникъ.

Любопытно, что уже въ наше время, въ послѣднихъ годахъ минувшаго XIX вѣка, на самомъ полѣ битвы случайно найдена была брошенная старинная мѣдная пушка съ яснымъ изображеніемъ на ней двуглаваго російскаго орла. Судя по конструкции и типу, а также по надписи на ней «1728-й годъ», орудіе это, повидимому, принадлежитъ ко времени царствованія Петра II; но почему оно очутилось здѣсь, входила ли пушка въ составъ той артиллерійской роты, которая принимала участіе въ сраженіи, или же просто почему-либо

была покинута и позабыта, — опредѣлить невозможно. Ни Германъ, ни командиръ артиллерійской роты Офросимовъ нигдѣ въ своихъ донесеніяхъ не упоминаютъ о потерѣ пушки; остается предположить, что она принадлежала или одному изъ нашихъ пограничныхъ редутовъ, или, быть можетъ, даже стояла когда-то на вооруженіи самой Баталпашинской станицы. Но все это однако только предположенія, а достовѣрныхъ свѣдѣній о найденномъ орудіи никакихъ не имѣется. Въ настоящее время пушка эта хранится гдѣ то въ Баталпашинскомъ уѣздѣ, — но настоящее мѣсто ей, разумѣется, въ Кавказскомъ Военно-Историческомъ музеѣ.

Наконецъ, послѣднимъ и самымъ важнымъ памятникомъ Баталпашинской битвы можетъ служить, находящійся недалеко отъ станицы, высокій курганъ, на которомъ во время боя стояла ставка турецкаго сераскира. Вотъ этотъ то курганъ, обращенный тогда въ братскую могилу, и принялъ въ свои нѣдра останки павшихъ русскихъ героевъ, имена которыхъ вѣдомы только Богу. Не слѣдуетъ ли однако поставить на этой могилѣ хотя какой-нибудь крестъ. Пройдетъ мимо кургана русскій человѣкъ, увидитъ онъ крестъ, и вспомнивъ наши старыя славныя былины, сниметъ шапку и помолится за тѣхъ, кто сложилъ свои головы въ честномъ бою, исполнивъ свято свой долгъ передъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ.

Графъ Де-Бальменъ имѣлъ утѣшеніе получить рапортъ о блестящей побѣдѣ за нѣсколько дней до своей кончины. Депеша Германа доставлена была въ Георгіевскъ 1-го октября и въ тотъ же день уже дрожащею рукою, онъ подписалъ свое послѣднее донесеніе императрицѣ. Смертельный недугъ развивался быстро, и утромъ 4-го октября графъ тихо скончался въ кругу своей семьи и сослуживцевъ. Тѣло его погребено въ Георгіевскѣ на общемъ городскомъ кладбищѣ, и

Мѣдная пушка 1728 года, найденная въ окрестностяхъ Баталпашинска

18 x 24

тогда же на гробницу его возложена была чугунная доска, о которой мы говорили.

Впослѣдствіе, въ 1800 году, кладбище это было упразднено, и теперь, вслѣдствіе расширенія города, оно очутилось на самой улицѣ Тифлисской слободки. Оставшіяся могилы ничѣмъ не огорожены и находятся въ полномъ запустѣніи. По нимъ свободно бродитъ домашній скотъ, въ могильныя ямы сыплется соръ и навозъ. Гробница графа Де-Бальмена, оставленная безъ всякаго призора, съ теченіемъ времени была окончательно утеряна, и честь открытія ея принадлежитъ уже нашему времени. Въ 1858 году, бывшій тогда полицеймейстеромъ въ Георгіевскѣ М. Ф. Федоровъ, объѣзжая городъ, случайно обратилъ вниманіе на чугунную плиту и прочелъ на ней эпитафію. О своей находкѣ Федоровъ немедленно сообщилъ въ Тифлисъ, и князь Барятинскій, бывшій въ то время кавказскимъ намѣстникомъ, пожелалъ почтить память своего отдаленнаго предмѣстника. Онъ приказалъ привести въ порядокъ могилу покойнаго графа, поставить на ней приличный памятникъ и устроить вокругъ него рѣшетку изъ стараго оружія и чугунныхъ пушекъ, хранившихся въ георгіевскомъ арсеналѣ.

Прекрасная мысль эта не получила однако своего осуществленія, вслѣдствіе скорого отъѣзда изъ края князя Барятинскаго. Черезъ шесть лѣтъ, въ 1864 году, снова возникъ вопросъ: точно ли находится прахъ покойнаго графа въ могилѣ или же, какъ утверждали нѣкоторые, онъ былъ перевезенъ на родину? Вслѣдствіе этого мѣстный приставъ Кургузкинъ, мѣстный инженеръ подполковникъ Анфинагеновъ и георгіевскій протоіерей отецъ Димитрій Поповъ приступили къ открытію могилы и подробно осмотрѣли склепъ, гдѣ, въ хорошо сохранившемся сосновомъ гробѣ, лежали останки графа Де-Бальмена, насколько можно было судить по уцѣлѣвшимъ еще принадлежностямъ генеральскаго мундира. Ка-

менный сводъ настолько оказался прочнымъ, что наверху его свободно можно было поставить памятникъ. Объ этомъ составленъ былъ актъ, но этимъ все и окончилось: о дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла свѣдѣній не имѣется.

Въ третій разъ вопросъ о забытой могилѣ былъ поднятъ въ 1903 году штабсъ-капитаномъ Георгіевскаго резервнаго баталіона Шаблонскимъ, уже въ командованіе войсками на Кавказѣ князя Голицина, — но и на этотъ разъ никакого рѣшенія не послѣдовало.

Между тѣмъ, казалось бы, что генераль, стоявшій во главѣ кавказскихъ войскъ въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ моментовъ кавказской борьбы, ко времени котораго относится блестящая побѣда, подготовленная его трудами и заботами, заслуживалъ большаго вниманія нашего къ своей памяти. Не мѣшало бы вспомнить мысль князя Барятинскаго. И если въ настоящее время нельзя почему либо обнести могилу рѣшеткой изъ старыхъ орудій, то слѣдовало хотя сдѣлать надъ ней каменное возвышеніе и на него положить плиту, которую надо беречь какъ характерное надгробіе XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ перенести съ улицы прахъ усопшаго командующаго кавказскими войсками или во внутрь стариннаго Георгіевскаго собора, или же на новое городское кладбище, гдѣ сохраняется могила другого героя, генерала Лисаневича, о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Могила, поставленная рядомъ, могли бы быть прикрыты однимъ общимъ сводомъ и на немъ воздвигнута часовня, или другой, соотвѣтствующій заслугамъ этихъ лицъ, памятникъ.

По обѣ стороны описанной нами могилы, хорошо сохранились еще два каменные склепа, на которыхъ однако же нѣтъ ни плитъ, ни памятниковъ, ни надписей; но судя по сосѣдству этихъ могилъ съ могилой командующаго войсками, по прочности каменныхъ сводовъ, можно предположить, что эти двѣ могилы принадлежатъ также какимъ нибудь значи-

тельными лицамъ и заслуживаютъ быть сохраненными, такъ какъ въ будущемъ быть можетъ и явится возможность опредѣлить, кто именно въ нихъ похороненъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ Николай Ивановичъ Васильевъ, отставной артиллерійскій фельдшеръ, и понынѣ здравствующій въ собственномъ домикѣ въ Тифлисской слободѣ, утверждаетъ, что лѣтъ за пятьдесятъ тому назадъ, онъ помнитъ самъ, что на этомъ кладбищѣ стояло еще около 25 памятниковъ и изъ числа ихъ нѣкоторые, судя по выдающейся архитектурѣ и надписямъ, свидѣтельствовали о похороненныхъ здѣсь офицерахъ, занимавшихъ видные посты въ военной іерархіи. На могилѣ графа Де-Бальмена, по его словамъ, лежала всегда одна только чугунная плита—ни часовни, ни памятники никогда надъ нею не было. Часовня стояла посреди кладбища и въ ней вѣроятно отпѣвали умершихъ; но это было давно, и ни Васильевъ, ни другіе старики не помнятъ этой часовни, а слышали о ней только отъ своихъ отцевъ. Часовня эта была разобрана около 1800 года, когда закрыто было самое кладбище, а ея матеріаломъ воспользовался городъ для постройки Петровской церкви на новомъ погостѣ. Затѣмъ всѣ остальные могильные камни и памятники были растащены мѣстнымъ населеніемъ на свои потребности. Уцѣлѣла только какимъ то чудомъ одна, разбитая пополамъ, чугунная плита графа Де-Бальмена; но, по словамъ стариковъ, даже и эта плита была унесена городскимъ секретаремъ и долго лежала у него во дворѣ, служа вмѣсто садовой скамейки; только при вмѣшательствѣ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ и городской полиціи удалось, наконецъ, возвратить ее обратно на могилу, хотя могила и до настоящаго времени стоитъ заброшенная и всѣми забытая, вмѣстѣ съ заслугами графа Де-Бальмена.

Первые памятники Черноморскаго казачьяго войска.

Въ самомъ концѣ 1792 года, когда сѣверныя предгорія Кавказа еще не имѣли крѣпкихъ границъ, которыя могли бы служить оплотомъ отъ вторженій горцевъ въ наши степныя пространства,—на нижней Кубани появляется старая запорожская сѣчь, переброшенная сюда силой историческихъ судебъ съ береговъ родного Днѣпра.

Съ покореніемъ Россію Крыма и Новороссіи, запорожская сѣчь, въ теченіе двухъ вѣковъ охранявшая южные предѣлы Украйны, не только потеряла свое прежнее значеніе, но, напротивъ, необузданная гайдамацкая вольница, не признававшая никакихъ международныхъ договоровъ, ежеминутно грозила своими набѣгами на Турцію и Польшу втянуть Россію въ новыя войны съ сосѣдями. И сѣчь пала 4-го іюня 1775 года, разгромленная генераломъ Текелли. Часть казаковъ, не понимая иной жизни, кромѣ прежней казачьей, ушла «до турка за синій Дунай»; другая, подчиняясь необходимости, повѣсила свои сабли на гвоздь и принялась за плугъ, не теряя надежды воскресить когда нибудь на Украйнѣ бывшее казачество. И ихъ надежды не замедлили сбыться. Въ 1780 году, спустя всего пять лѣтъ послѣ уничтоженія сѣчи, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ посѣтилъ Новороссію, и, убѣдившись на мѣстѣ, что только имѣя значительную армію и прежде всего казаковъ, можно охранять ея обширныя границы, — вспомнилъ о запорожцахъ. Рѣшено было вновь вызвать къ жизни эту бездѣйствующую, мощную силу и заставить ее служить родинѣ хотя и по старому сѣчевому уряду, но только уже на новыхъ мѣстахъ, отведенныхъ между Днѣстромъ и Бугомъ. Едва молва объ этомъ пронеслась по Малороссіи, какъ старые сѣचेвики отовсюду стали стекаться на Бугъ и скоро

Гор. Екатеринодаръ. Блюдо. Даръ Екатерины II Черномор-
скому войску въ 1792 году.

образовали цѣлое за-Бугское войско, названное «кошемъ вѣрныхъ казаковъ» въ отличіе отъ тѣхъ, которые ушли за Дунай.

Между тѣмъ началась вторая турецкая война, и кошевой атаманъ Сидоръ Бѣлый повелъ свое войско въ походъ. Въ одномъ изъ первыхъ сраженій, 16-го іюня 1788 года, онъ былъ убитъ, и казаки избрали на мѣсто его Харько (Захарія) Чепѣгу, командовавшего дотолѣ запорожскою конницею. Пѣхота и учебная флотилія остались по прежнему подъ начальствомъ войскового судьи Антона Головатаго. Рядъ боевыхъ отличій, оказанныхъ казаками во время этой войны, при истребленіи турецкой эскадры въ Днѣстровскомъ лиманѣ, при взятіи Березани, при осадѣ Очакова и на штурмѣ Измаила доставили «кошу вѣрныхъ казаковъ» названіе «Черноморскаго казачьяго войска» и выдвинули впередъ имена Чепѣги и Головатаго. Съ этого момента и начинается крупная историческая роль этихъ лицъ въ судьбахъ новаго, еще не совсѣмъ окрѣпшаго Черноморскаго казачества.

Едва казаки, вернувшись изъ похода, стали селиться на новыхъ мѣстахъ и образовали по берегамъ Днѣстра и Буга 25 куреней, съ главною резиденціей войсковыхъ властей въ Слободзеѣ, какъ пронеслась молва, что Черноморское войско хотятъ преобразовать въ легко-конные полки, которые по очередно и будутъ высылаться изъ своего Забужья на Нижнюю Кубань для порубежной службы уже «солдатскимъ обычаемъ». Казаки встревожились. Они предпочитали лучше покинуть совсѣмъ привольныя мѣста на р. Бугѣ и переселиться на Кубань цѣлымъ войскомъ, лишь бы сохранить свой вѣковой казачій укладъ. Съ этою цѣлью войсковая рада порѣшила немедленно отправить въ Петербургъ войскового судью Головатаго, чтобы просить императрицу пожаловать казакамъ при Кубанскія земли въ ихъ вѣчное владѣніе съ тѣмъ, что они одни возьмутъ на себя охрану русскихъ предѣловъ. Посольство Головатаго увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Императрица Екате-

рина II милостиво приняла депутацію и Высочайшею грамотою 30-го іюня 1792 года пожаловала Черноморскому войску островъ Фанагорію (древнюю Тмутаракань) со всею землею, лежащею по правой сторонѣ Кубани отъ ея устья до Усть-Лабинской крѣпости, «такъ, чтобы съ одной стороны р. Кубань, съ другой же стороны Азовское море, до Ейскаго города и самая рѣчка Ея служили границею войсковой земли». Существуетъ любопытный разсказъ о пребываніи Головатаго при дворѣ императрицы Екатерины Великой.

Лѣтомъ 1792 года, въ воскресный день, въ пріемную залу царскосельскаго дворца собрался весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ, министры, и генералитетъ. Ожидали выхода государыни изъ церкви. Въ это время въ залу вошли депутаты Черноморскаго войска. Впереди всѣхъ Головатый, средняго роста, коренастый, смуглый, съ большими усами и оселедцемъ, замотаннымъ нѣсколько разъ за лѣвое ухо. Онъ былъ въ зеленомъ чекменѣ съ полковничьими галунами, въ бѣломъ, съ закинутыми назадъ рукавами, жупанѣ, въ широчайшихъ шароварахъ и въ красныхъ сапогахъ, подбитыхъ высокими серебряными подковками. Георгіевскій крестъ на груди и орденъ св. Владиміра на шеѣ свидѣтельствовали о его боевыхъ отличіяхъ. Закручивая свой длинный усъ, онъ сурово окинулъ глазами собраніе и сталъ на указанное ему мѣсто; свита помѣстилась позади его.

Обѣдня окончилась; въ залу вступила императрица и, замѣтивъ черноморцевъ, направилась прямо къ нимъ. Головатый выдвинулся впередъ, поклонился, и громко на чистомъ русскомъ языкѣ сказалъ привѣтственную рѣчь. «Тамань,—говорилъ онъ между прочимъ,—даръ твоего благоволенія будетъ вѣчнымъ залогомъ твоихъ милостей къ намъ, вѣрнымъ казакамъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ села и сохранимъ тебѣ безопасность русскихъ предѣловъ».

Императрица изъ собственныхъ рукъ вручила Головатому

золотую саблю и вмѣстѣ съ нимъ отправила войску въ богатомъ ковчегѣ милостивую грамоту на владѣніе землею, большое бѣлое знамя съ надписью: «Въ воздаяніе усердной и ревностной службы войска Черноморскаго, доказанной въ теченіи благополучно оконченной войны съ Портой Оттоманской храбрыми и мужественными подвигами на сушѣ и водѣ»; серебряные литавры, убранныя шелковыми занавѣсками съ бахрамою и кистями, двѣ серебряныя трубы и, наконецъ, войсковую печать, изображавшую воина съ мушкетомъ въ одной и знаменемъ въ другой рукѣ—символь сторожеваго поселенія у воротъ государства.

Кромѣ того, по русскому обычаю, императрица пожаловала войску на новоселье хлѣбъ-соль на серебряномъ, крытомъ густою позолотою, блюдѣ, съ такою же солонкою, осыпняемой двуглавымъ орломъ. На блюдѣ вычеканена надпись: «Даръ Екатерины Великой войску вѣрному Черноморскому 1792 года іюля 13-е въ Царскомъ Селѣ черезъ войсковаго судью и кавалера Антона Головатаго»; а на солонкѣ: «Подарена съ хлѣбомъ войску Черноморскому 1792 года іюля 13-го». Кошевому атаману императрица отправила съ Головатымъ золотую саблю, осыпанную драгоценными камнями.

Торжественное принятіе войскомъ этихъ клейнодъ состоялось 15-го августа 1792 года. Получивъ извѣстіе о приближеніи Головатаго, Чепѣга командировалъ навстрѣчу къ нему за 30 верстъ конный пятисотенный полкъ, который встрѣтилъ и сопровождалъ его до самой Слободзеи, гдѣ собрано было все Черноморское войско: четыре конныхъ и три пѣшихъ полка съ войсковою артиллеріею. Не было только гребной флотилии, которая въ то время находилась въ походѣ къ Тамани Чепѣга расположилъ полки ппалерами по главной улицѣ, гдѣ было устроено особое возвышеніе, покрытое богатыми турецкими коврами; на немъ стоялъ кошевой со всѣми знаками своего атаманскаго достоинства, а позади его раз-

ставлены были столы для возложенія на нихъ царскихъ даровъ. Напротивъ этого амвона, широкимъ полукружіемъ, стояли куренные атаманы и старшины съ клейнодами, запечатлѣвшими собою первое возрожденіе коша вѣрныхъ казаковъ изъ-подъ пепла запорожской сѣчи. Здѣсь были: войсковая булава, желѣзная съ золотою насѣчкой, 17 куренныхъ перначей, большое голубое знамя и 14 малыхъ куренныхъ знаменъ съ изображеніемъ на нихъ эмблемы привязанности войска къ вѣрѣ христіанской—это крестъ съ сіяющимъ въ срединѣ его солнцемъ и съ надписью на другой сторонѣ: «за вѣру и вѣрность».

Какъ только показалась процессія, началась пальба изъ пушекъ и ружей. Впереди четыре штабъ-офицера несли на золотомъ блюдѣ Монаршіи хлѣбъ, покрытый дорогою матеріею; за ними самъ Головатый несъ на особомъ блюдѣ: солонку, ковчегъ съ высочайшею грамотою и войсковую печать, а далѣе малолѣтніе дѣти его: Афанасій—царское письмо къ кошевому, а Юрій—драгоценную, осыпанную алмазами, саблю. Шествіе замыкалось казачьимъ эскортомъ, впереди котораго развѣвалось большое бѣлое знамя. Когда Головатый, поднявшись на возвышеніе, сказалъ привѣтственную рѣчь кошевому, Чепѣга опоясался жалованной саблей и, поцѣловавъ хлѣбъ - соль, прочиталъ войску высочайшую грамоту на владѣніе землею со всѣми ея угодьями. Затѣмъ процессія двинулась въ войсковую церковь, и послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго архіепископомъ херсонскимъ, царскіе дары перенесены были въ домъ кошеваго атамана, а хлѣбъ раздѣлили на четыре части: одну положили въ войсковую церковь, гдѣ она хранится, вмѣстѣ съ остатками соли по-нынѣ, другую отправили въ тамань, къ Черноморской флотиліи, третью раздѣлили въ полки, а четвертую поставили на столъ у кошевого. Тутъ старшины пили горилку и закусывали этимъ хлѣбомъ, а остатки его перенесли съ церемоніей въ домъ войскового судьи, гдѣ при-

Гор. Екатеринодаръ. Солонка. Даръ Екатерины II
Черноморскому войску въ 1792 году.

готовленъ былъ столъ для почетнѣйшихъ гражданъ. Казаки размѣстились на церковной площади, и пиръ продолжался до глубокой ночи.

Мѣжду тѣмъ наступила осень, и войско начало готовиться къ далекому походу въ обширныя, богатая всѣми дарами природы, но тогда еще совершенно пустынные и безлюдныя прикубанскія степи. Ранѣе другихъ отправилась, какъ было сказано, гребная флотилія, которая 25-го августа была уже въ Тамани; а вслѣдъ за нею, въ октябрѣ, двинулся сухимъ путемъ и самъ кошевой со всѣмъ своимъ куреннымъ товариществомъ. Войско перезимовало у Ейскаго городка, и только весною 1793 года окончательно поставило на Кубани свои курени—эти обширныя казацкія казармы, принявшія тѣ же названія, которыя существовали нѣкогда въ Запорожьѣ. Исключеніе сдѣлано было только для главнаго войсковаго города, названнаго въ честь императрицы Екатеринодаромъ.

Такъ началась новая жизнь Черноморскаго войска, почти 70 лѣтъ стоявшаго съ тѣхъ поръ живою изгородью на рубежѣ Россіи, и отстаивавшаго Кубань, какъ отстаивало нѣкогда свои днѣпровскія степи. Не смотря однако на обязательное присутствіе въ немъ уже семейнаго начала,—чего не допускала сѣчь—большинство казаковъ, самъ кошевой и старшины оставались до конца закаленными сѣчевиками, и сѣчевой урядъ положенъ былъ ими въ основаніе первоначальнаго населенія Кубанскаго края. Вотъ почему войско это, со своими оригинальными особенностями, совсѣмъ было не похоже на тѣхъ казаковъ, что сидѣли на верхней Кубани и Терекѣ. Новые казаки ходили съ длинными, опущенными къ низу усами, брили головы, и лихо закручивали за ухо свой оселедецъ. Алыи, по запорожски червонный, кунтушъ, широчайшія шаровары, красные сапоги, высокія шапки изъ черныхъ смушекъ съ красною тульею, и длинная—предлинная пика, которой только и было простора, что въ днѣпровскихъ степяхъ, со-

ставляли ихъ повседневный нарядъ и вооруженіе, если прибавить къ тому турецкую саблю, пару пистолетъ, да крымскую винтовку. Впослѣдствіе все это измѣнилось, и древній живописный костюмъ запорожца встрѣчался только уже на однихъ старикахъ, не хотѣвшихъ разстаться съ кунтушемъ, и по прежнему ходившихъ съ бритой головой и сѣдымъ оселедцемъ за ухомъ. Но если подъ вліяніемъ времени измѣнились обычаи, нравы и самая одежда, то неизмѣнными остались качества запорожца—упорство и стойкость въ бою, перешедшія наслѣдіемъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ черноморцевъ.

И не на одномъ Кавказѣ, а въ Польшѣ и Персіи одинаково прогремѣло тогда ихъ славное имя. Не успѣли казаки еще устроить свои курени, какъ кошевой Чепѣга потребованъ былъ уже съ двумя конными полками въ Польшу, въ край, переполненный стародавнею казацкою славою. Вотъ какую пѣсню пѣли черноморцы, выступая въ походъ:

Ой, крикнула качка,
Шукаючи ряски,
Утеряли паны-ляхи
Отъ Царицы ласки.
Ой, крикнула лебедь,—
Край лимана чутко:
То вамъ буде вражі ляхи
Отъ казацтва жутко...

Отправивъ полки въ походъ, Чепѣга заѣхалъ съ дороги въ Петербургъ, чтобы представиться императрицѣ, которую никогда не видѣлъ. Екатерина обласкала стараго сѣчевика и, вручая ему драгоцѣнную саблю, осыпанную алмазами, сказала: «Возьми сынку, и бей ею враговъ». Какъ исполнили черноморцы въ Польшѣ завѣтъ царицы лучше всего видно изъ частнаго письма Чепѣги къ одному изъ своихъ знакомыхъ:

«Походъ въ Польшу былъ, слава Вседержителю нашему Богу, благополучный. Корпусъ нашъ, подъ начальствомъ

генерала Дерфельдена, шелъ до Слонима, и мы, бывши съ польскими мятежниками на восьми сраженіяхъ, гнали ихъ, якъ зайцевъ, ажъ до самой Праги, что насупротивъ столичнаго города Варшавы; и тутъ уже, по соединеніи съ батькомъ Александромъ Васильевичемъ, доклали ихъ воза, и всѣхъ непріятелей, въ Прагѣ бывшихъ, выкосили, а решту вытопили въ Вислѣ. Тутъ ихъ наклали, якъ мосту. На Варшаву жъ якъ взяли съ гарматъ стрѣлять, — то вона за-разъ и сдалася. Послѣ сего все ихъ людъске воинство истреблено, а жители обезоружены. Батько нашъ, графъ Александра Васильевичъ, также, бачу, по нашему ляхивъ не любитъ и я думаю, що Польша сего гостя по вѣкъ не забуде».

Едва Чепѣга возвратился изъ Польши, какъ два пѣшіе полка черноморцевъ, подъ начальствомъ Антона Головатаго, приняли участіе въ персидскомъ походѣ графа Зубова. Не богаты были военными событіями этотъ походъ, но и здѣсь черноморцамъ случалось не разъ показать старинную казацкую доблесть. Однажды, напримѣръ, небольшая партія казаковъ на лодкахъ сдѣлала поискъ къ персидскимъ берегамъ, разбила нѣсколько приморскихъ городовъ, освободила множество плѣнныхъ армянъ и овладѣло цѣлой флотиліей лодокъ, струговъ и чаекъ. На возвратномъ пути ихъ захватила страшная буря, и одна изъ казачьихъ лодокъ была отнесена къ персидскому берегу.

До полутораста персіянъ, замѣтивъ русское судно, боровшееся съ бурей, тотчасъ бросились въ свои кержимы, чтобы захватить его, какъ легкую добычу. Лейтенантъ Епанчинъ и оба матроса, управлявшіе судномъ, бѣжали на шлюпкѣ, но восемь черноморцевъ, выбравъ изъ своей среды предводителемъ казака Игната Саву, приготовились къ бою.

Какъ только персидская флотилія стала сближаться, и непріятель открылъ батальный огонь, казаки съ своей стороны «ударили изъ ружей, съ уговоромъ безъ промеху».

Первымъ залпомъ они уложили персидскихъ начальниковъ, а потомъ, по словамъ Головатаго, «перебили и ихъ підстаршихъ панковъ». Непріятель бѣжалъ, а Головатый, описывая этотъ случай Чепѣгѣ, восклицаетъ въ концѣ своего донесенія: «Не загинула ще казацька слава, коли восемь человекъ могли дать персіянамъ почувствовать, що въ черноморцевъ за сила»!

Но Головатому не суждено было вернуться изъ этого похода. Назначенный начальникомъ каспійской флотилии и десантныхъ войскъ, онъ поселился на островѣ Сары, съ климатомъ до того убійственнымъ, что въ теченіе одного мѣсяца, одинъ за другимъ, умерли два его предмѣстника. Не выдержалъ и этотъ закаленный багатырь болотныхъ мѣзмовъ, и заболѣлъ гнилою горячкою. Долго перемогался онъ, долго не хотѣлъ ложиться въ постель, и даже въ самый день смерти, сидя въ креслахъ совершенно одѣтый, еще писалъ проектъ объ улучшеніи быта Черноморскаго войска; но болѣзнь сломила желѣзный организмъ — и Головатый скончался 29-го января 1797 года.

А на Кубани, въ самой землѣ Черноморскаго войска, почти въ то же время, 14-го января 1797 года умеръ и Харько Чепѣга, — этотъ отецъ черноморской семьи, который, и подостиженіи высокаго сана, сохранилъ до самой смерти старозавѣтную простоту въ образѣ жизни, служившей примѣромъ для всѣхъ черноморцевъ.

Сохранился любопытный церемоніаль погребенія этого перваго кошеваго атамана Черноморскаго войска. По выстрѣлу изъ пушки начался въ городѣ погребальный звонъ, и процессія двинулась отъ дома атамана къ войсковому собору. Впереди несли церковныя хоругви и крестъ, предшествуемый двумя свѣтильниками; за нимъ шли архимандритъ екатеринодарскаго монастыря, войсковою протоіереемъ Романъ Порохня и десять священниковъ съ большими зажженными свѣчами въ рукахъ; далѣе псаломщики, діаконы и монахи; по-

томъ погребальная колесница, запряженная шестью воронными лошадьми, изъ которыхъ каждую вели подъ узды выборные казаки; передъ колесницей—большое евангеліе съ зажженнымъ свѣтильникомъ, а по сторонамъ открытаго гроба, поддерживая его руками, шли въ глубокомъ траурѣ съ каждой стороны по шести казачьихъ старшинъ. Гробъ окружали два войсковыя знамени, голубое и бѣлое, 12 прапоровъ, 12 золотыхъ, 4 серебряныхъ и 16 мѣдныхъ перначей, вмѣстѣ съ атаманскою булавою. Непосредственно за колесницею несли гробовую крышу, и на ней двѣ крестообразно положенныя драгоцѣнныя сабли,—даръ императрицы. Далѣе на двухъ подушкахъ зеленого сукна, обложенныхъ серебрянымъ позументомъ, несли ордена покойнаго: Владимірскій крестъ со звѣздою и Георгій 3-го класса; за подушками вели двухъ любимыхъ лошадей атамана въ богатыхъ уборахъ; за ними слѣдовала трехъ-фунтовая войсковая пушка, потомъ на сѣрой лошади ѣхалъ довбыщъ съ жалованными войску серебряными литаврами, покрытыми чернымъ сукномъ, и, наконецъ, два трубача съ серебряными же вызолоченными трубами, перевитыми чернымъ флеромъ. Шествіе замыкалось двумя казачьими полками, коннымъ и пѣшимъ, впереди которыхъ ѣхалъ полковникъ на вороной лошади съ обнаженной саблей въ рукѣ.

Во время погребальнаго шествія отъ дома до церкви, 12 разъ служились литіи, 12 разъ читалось евангеліе, и каждое чтеніе сопровождалось выстрѣломъ изъ пушки и залпомъ изъ ружей. На другой день, 16-го января, соверщено было отпѣваніе, и похоронный кортежъ слѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ до самой могилы, которая приготовлена была въ крѣпости, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предположено было строить новую соборную церковь. При опусканіи тѣла въ могилу сдѣлано было девять пушечныхъ выстрѣловъ.

По смерти Чепѣги, казаки единодушно избрали коцевымъ атаманомъ Антона Головатаго, находившагося въ пер-

сидскомъ походѣ. Но пока посланный съ извѣстіемъ объ этомъ доскакалъ до Каспійскаго побережья, Головатый лежалъ уже въ могилѣ: онъ пережилъ Чепѣгу всего 15-ю днями.

Чепѣгою и Головатымъ оканчивается привилегія казаковъ самимъ выбирать кошевого атамана, который съ этихъ поръ назначается уже императоромъ. Первымъ такимъ атаманомъ въ Черноморскомъ войскѣ и является войсковою писарь Тимошей Котляревскій.

Прошло съ тѣхъ поръ почти 80 лѣтъ. Старый обвѣтшавшій соборъ рѣшено было перестроить на новый, и подъ его разобранными стѣнами открыты были въ склепѣ три гроба: въ первомъ изъ нихъ найденъ былъ кусокъ узорчатой парчи, свернутый на манеръ широкаго казачьяго пояса, въ среднемъ — остатки золотого мундирнаго шитья, и въ третьемъ — небольшой образокъ, живопись на которомъ совершенно почернѣла до неузнаваемости.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ первомъ изъ этихъ гробовъ покоился вѣчнымъ сномъ Захарій Чепѣга. О двухъ другихъ гробахъ историческихъ документовъ не имѣется; но, судя потому, что въ тѣ далекія времена только самыя сильныя и вліятельныя лица въ войскѣ могли рассчитывать на честь быть погребенными въ соборной оградѣ, не говоря уже о самой церкви, можно съ полною достовѣрностію заключить, что въ другомъ гробѣ хранились бранные останки атамана Тимошея Котляревскаго, а въ третьемъ — войсковаго протоіерея Романа Порохня. Оба погребены были въ одинъ и тотъ же день 14-го марта 1880 года.

И эти гробницы, нѣмныя свидѣтели прошедшаго, ясно говорятъ намъ о характерѣ и дѣлахъ самихъ людей того стараго времени. Покойный атаманъ Чепѣга былъ врагъ честолюбивой роскоши и въ гробѣ его нѣтъ ничего, кромѣ куска обычнаго

казацьяго пояса. Котляревскій былъ уже другой человекъ, и человекъ иного времени. Это былъ уже не простой куренный товарищъ, а настоящій вельможа павловской эпохи, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ императора, и далеко не соблюдавшій въ образѣ жизни той патріархальной простоты, какой отличался его предмѣстникъ казакъ Чепѣга. И вотъ, въ гробѣ Котляревскаго находятся остатки пышнаго, шитаго золотомъ генеральскаго мундира. Со скромнымъ служителемъ церкви, пришедшимъ вмѣстѣ съ казаками изъ-за Буга и посвятившаго всю жизнь свою молитвѣ за черноморцевъ, въ гробѣ лежитъ образокъ—эмблема вѣры и молитвы.

Къ сожалѣнію, нигдѣ не сохранилось никакихъ изображеній Чепѣги, ни Головатаго. «Только Богівъ малюють»—сказалъ суровый Харько, когда въ Петербургѣ одинъ изъ художниковъ предложилъ написать съ него портретъ. Головатый придерживался того же образа мыслей. Но отъ Чепѣги осталась хотя гробница, а кто скажетъ намъ, гдѣ покоятся кости Антона Головатаго. Можно предполагать только, что онъ былъ погребенъ на томъ же пустынномъ, дикомъ, негостепріимномъ островѣ Сары, гдѣ кончилъ свои дни, и могила этого важнаго дѣятеля въ возрожденіи коша вѣрныхъ казаковъ окончательно затеряна.

IX.

Бзіюкская битва.

Въ первое время переселенія Черноморскаго войска на нижней Кубани царило совершенное спокойствіе. Казаки безпрпятственно ѣздили на лѣвый берегъ охотиться, ловить рыбу, или рубить лѣсъ для своихъ куреней. Черкесы являлись къ нимъ на сатовку (мѣновая торговля), и обѣ стороны старались поддерживать мирныя сношенія. Не безъ того, конечно, чтобы

не случалось иногда отдѣльныхъ убійствъ, захвата въ плѣнъ, или какихъ нибудь хищничествъ, но случаи эти бывали рѣдко и въ порубежной жизни обоихъ народовъ имъ не придавалось особаго значенія. Впрочемъ, надо сказать, что черкесамъ въ то время было и не до набѣговъ на своихъ сосѣдей.

По странному совпаденію, одновременно съ французской революціей, въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка въ земляхъ шапсуговъ и абадзеховъ обнаружились яркіе признаки революціоннаго движенія. Шапсуги, конечно, ничего не знаящіе о французахъ, тѣмъ не менѣе въ тѣхъ же годахъ возстали противъ своихъ князей, и гордая, блестящая дотолѣ аристократія ихъ пала въ неравной борьбѣ съ народомъ. Князья были изгнаны изъ отечества, и народъ ввелъ у себя чисто демократическіе порядки. Въ глухихъ и далекихъ кавказскихъ горахъ происходило въ миниатюрѣ то же, что происходило въ цивилизованныхъ странахъ Европы, но и между черкесскими племенами далеко не всѣ сочувственно отнеслись къ революціи. Такъ, бжедуги не только сохранили вѣрность своимъ князьямъ и старинному феодально-рыцарскому устройству, но дали убѣжище шапсугской и абадзехской эмиграціи. Тогда шапсуги и абадзехи пошли войной на бжедуговъ, а бжедуги обратились за помощью къ черноморскимъ казакамъ.

Нельзя не сказать, что всегда дальновидный Чепѣга на этотъ разъ не рассчиталъ послѣдствій, которыя должны были вызвать наше вмѣшательство во внутреннія распри горскихъ народовъ и выслалъ на помощь бжедугамъ казачью сотню съ однимъ орудіемъ.

30-го іюня 1796 года, на берегу небольшой рѣчки Бзіюко, противныя стороны встрѣтились, и тутъ произошло такое кровопролитіе, какого не бывало еще въ междоусобныхъ войнахъ черкесскихъ племенъ. Казачья сотня не принимала непосредственнаго участія въ битвѣ и только содѣйствовала бжедугамъ своимъ орудійнымъ огнемъ. Шапсуги, сильнѣйшіе числомъ,

напали съ ожесточеніемъ на бжедугскую конницу, сбили ее, но, разгоряченные погоней, попали въ засаду и потерпѣли полное пораженіе. Побѣда стоила однако дорого и побѣдителямъ. Бжедуги потеряли храброго своего предводителя князя Батгирея, лично извѣстнаго императрицѣ Екатеринѣ ¹⁾, а изъ числа эмигрантовъ былъ убитъ одинъ изъ знатнѣйшихъ натухайскихъ князей Колабадъ. Народъ бжедугскій, остановившій потокъ революціи, помнитъ эту битву, и имена главнѣйшихъ участниковъ ея передаетъ потомству въ своихъ былинахъ и пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ говорится:

Его (Батгирея) конь Хоаре былъ съ красивою шеей, и на немъ онъ отважно вступилъ въ бой со врагами.

Сражайся Батгирей!

Не много прошло времени, а конь Хоаре уже весь былъ устѣянъ стрѣлами.

Сражайся Батгирей!

Шишакъ у него блестялъ, какъ солнце, и какъ солнце онъ самъ сіялъ между нами.

Сражайся Батгирей!

Но вотъ изъ рукъ его выпала шелковая плетъ, и онъ закатился отъ насъ, какъ молодая луна.

Сражайтесь храбрые Бжедуги!

Заплакали Бжедуги, потерявъ въ бою любимаго вождя Батгирея. Оплакала смерть его и великая русская царица.

Сражайтесь храбрые Бжедуги!

«Отомстимъ врагамъ» раздался крикъ въ воздухѣ и балка Кегиде завалилась вражескими тѣлами.

Сражайтесь храбрые Бжедуги!

Далѣе въ этой пѣснѣ—образчикъ простой поэзіи горъ—воспѣваются уже личные подвиги замѣчательнѣйшихъ бжедуговъ: Батокова, Хаджимуковыхъ, Берзекова и другихъ.

¹⁾ Батгирей въ концѣ 1794 года ѣздилъ въ Петербургъ къ императрицѣ съ просьбой принять его со всѣмъ народомъ въ русское подданство. Просьба эта была отклонена, такъ какъ вызвала бы значительныя политическія осложненія съ Турціей; но Батгирей, обласканный государыней, получилъ разрѣшеніе пасти табуны и стада бжедугскаго народа на черноморской землѣ, и черноморцамъ повелѣно охранять ихъ «по вольному найму» отъ хищничества сосѣднихъ горцевъ. Съ своей стороны бжедуги обѣщали хранить на границѣ миръ и быть врагами враговъ Россіи. Этимъ и объясняется отчасти желаніе Чепѣги помочь бжедугамъ въ борьбѣ ихъ съ шапсугами и абадзехами.

Въ долині р. Адагума, гдѣ некогда стояла штасъ-квартира Крымскаго полка, и доселѣ видны два кургана, на которыхъ грозно стояли бастіоны нашего укрѣпленія. На вопросъ: чьи это могилы? мѣстные жители отвѣтятъ вамъ, что подѣ меньшимъ курганомъ погребенъ Колабадѣ, вмѣстѣ со своими сподвижниками, а въ большемъ—лежатъ 800 шапсуговъ и абадзеховъ, погибшихъ въ Бзіюкской битвѣ. Могила Батгирея неизвѣстна; но указываютъ мѣсто, гдѣ смертельно раненый князь лежалъ подѣ небольшимъ дубкомъ, до того молодымъ, что вѣтви его гнулись подѣ тяжестью бурки, защищавшей князя отъ солнца. Дубокъ этотъ разросся впослѣдствіе въ могучій дубъ, и народъ назвалъ его «Батгиреевскимъ дубомъ». Онъ сберегался долго, но палъ наконецъ подѣ ударами топоровъ нашихъ солдатъ при окончательномъ покореніи Западнаго Кавказа.

Бзіюкская битва памятна еще тѣмъ, что согласіе, нарушенное тогда между казаками и черкесами, съ тѣхъ поръ уже не возстановлялось болѣе и повело за собою долгую, упорную и кровавую войну на Нижней Кубани.

Екатериноградъ, Терской обл. Триумфальная арка.

Эпоха присоединенія Грузіи.

1.

Тріумфальная арка въ Екатериноградѣ.

5-го мая 1783 года, когда Ставропольскія степи стали заселяться цѣлыми деревнями крестьянъ, переходившихъ сюда изъ Россіи, и гражданское развитіе края установилось прочно, — сенатъ призналъ своевременнымъ учредить кавказское намѣстничество изъ двухъ губерній: Кавказской и Астраханской. Намѣстникомъ назначенъ былъ генераль-поручикъ графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, двоюродный братъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго. Въ его рукахъ сосредоточилось теперь все управленіе краемъ, и самыя почести, присвоенныя намѣстнику, являлись въ немъ уже настоящаго представителя особы государя. При всѣхъ торжественныхъ случаяхъ Потемкинъ выѣзжалъ не иначе, какъ въ сопровожденіи блестящаго эскорта легкой кавалеріи, окруженный адъютантами и молодыми дворянами лучшихъ фамилій, которые подъ его руководствомъ начинали свою служебную карьеру.

Такимъ образомъ, Кавказъ получилъ самостоятельное управленіе и губернскія присутственныя мѣста перенесены были изъ Астрахани въ Екатериноградъ, гдѣ Потемкинъ основалъ свою резиденцію. Екатериноградъ, занимавшій важный стратегическій пунктъ при сліяніи двухъ рѣкъ Терека и Малки, заключалъ въ себѣ въ то время станицу Волжскихъ казаковъ, солдатскую слободку и небольшую крѣпостцу, въ которой соб-

ственно и находился домъ или вѣрнѣе дворецъ намѣстника, выстроенный съ необычайною для Кавказа роскошью. Длинная анфилада комнатъ оканчивалась обширною круглою залою, по срединѣ которой величественно возвышался императорскій тронъ, а за нимъ во всю стѣну красовался портретъ императрицы Екатерины II. При самыхъ ступеняхъ трона стояло богатое раззолоченное кресло, и на немъ при пріемахъ въ торжественные дни возсѣдалъ намѣстникъ. Самъ Потемкинъ служилъ олицетвореніемъ стариннаго русскаго барства и не жалѣлъ издержекъ тамъ, гдѣ нужно было поддерживать свое представительство. Онъ окружилъ себя многочисленною свитой, давалъ роскошные праздники, и горскіе князья знатнѣйшихъ фамилій всегда толпились около него со своими уорками и узденями. Екатериноградъ кипѣлъ тогда жизнію.

Въ 1787 году, съ открытіемъ второй турецкой войны, когда Потемкинъ отозванъ былъ на Дунай, управленіе Сѣвернымъ Кавказомъ было перенесено его преемниками въ Георгіевскъ, а въ 1790 году повелѣно было, въ виду военныхъ обстоятельствъ, и всѣ губернскія присутственныя мѣста перевести изъ Екатеринограда обратно въ Астрахань, при чемъ Екатериноградскій уѣздъ былъ раздѣленъ между двумя сосѣдними уѣздами Моздокскимъ и Георгіевскимъ. Теперь Екатериноградъ—большая казачья станица Горско-Моздокскаго полка, ничѣмъ не напоминающая былую обстановку намѣстническаго города. Отъ пышнаго дворца не осталось даже слѣдовъ, и только, какъ остатки древняго величія, сохраняются въ станицѣ большой Божій храмъ, стоящій на площади, да триумфальная арка, гостепріимно пріютившая въ своихъ темныхъ углахъ и трещинахъ цѣлыя стаи летучихъ мышей. Триумфальныя ворота эти представляютъ, впрочемъ, весьма величественный видъ: громадный карнизъ, имѣющій видъ свода, покоится на прочныхъ столбахъ, сложенныхъ изъ тесанныхъ каменныхъ плитъ и украшенныхъ еще цѣлымъ рядомъ другихъ меньшихъ и круглыхъ

колонокъ. Въ которомъ году и по какому поводу воздвигнуты были Потемкинымъ эти ворота, неизвѣстно, такъ какъ ни архивныхъ документовъ, ни даже народныхъ преданій о томъ не сохранилось. Старики слышали однако отъ дѣдовъ, что на этихъ воротахъ была когда-то знаменательная надпись: «Дорога въ Грузію». Это весьма вѣроятно, если припомнить, что именно къ этой эпохѣ относится принятіе Грузинскаго царства подъ протекторатъ Россіи и проложеніе перваго колеснаго пути черезъ главный Кавказскій хребетъ, по которому Потемкинъ проѣхалъ восмериюкомъ въ коляскѣ. Теперь надписи этой давно не существуетъ, но она замѣнена другою: «Построены попеченіемъ Генералъ-Губернатора Потемкина въ царствованіе Екатерины II. Возобновлены Главнокомандующимъ и Намѣстникомъ Кавказскаго края М. С. Воронцовымъ въ 1847 году».

II.

Забытая Тифлисомъ могила.

Ко времени намѣстничества графа Павла Сергѣевича Потемкина относится одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ, рѣшившій навсегда судьбу грузинскаго народа и давшій впервые твердую опору Россіи за кавказскими горами. Это былъ трактатъ, заключенный между Россіей и Грузіей 24-го іюля 1783 года, въ силу котораго Грузинское царство становилось подъ верховный протекторатъ Россіи, и грузинскій царь со всѣмъ своимъ народомъ вступалъ въ подданство русской императрицы. Для занятія Тифлиса тотчасъ же посланы были Бѣлорусскій и Горскій егерскіе баталіоны ¹⁾ съ четырьмя орудіями, которые подъ командою полковника Бурнаше-

¹⁾ Въ 1797 году оба эти баталіона поступили на сформированіе 17-го, переименованнаго затѣмъ въ 16-й егерскій полкъ, который въ 1830 году вошелъ въ составъ нынѣшняго Кременчугскаго пѣхотнаго полка.

ва заняли столицу Грузіи 3-го ноября 1783 года. Появленіе русскихъ войскъ по ту сторону кавказскихъ горъ переполошило всю Анатолю и Малую Азію. Особенно волновалась Персія, считавшая Кахетію и Карталиню древнимъ своимъ достояніемъ. Не имѣя однако повода къ открытому вмѣшательству, она постаралась поднять въ Грузіи внутреннія смуты и обратила ее въ кровавую арену лезгинскихъ нашествій. Посѣтивъ Тифлисъ лѣтомъ 1784 года, Потемкинъ лично убѣдился въ тревожномъ положеніи края и, возвращаясь обратно на линію, оставилъ здѣсь генерала Самойлова, приказавъ ему сдѣлать большую экспедицію за р. Алазань, чтобы внести огонь и мечъ въ лезгинскія земли. Въ то же время для усиленія отряда онъ оставилъ въ Тифлисѣ, изъ числа своего конвоя, еще эскадронъ драгунъ и 180 донскихъ и уральскихъ казаковъ.

Самойловъ выступилъ въ походъ осенью 1784 года и 14-го октября на Алазани у муганлинской переправы открылъ значительныя силы непріятеля. Здѣсь и произошла первая встрѣча русскихъ войскъ съ лезгинами. Послѣдніе дрались отчаянно, но то были уже послѣднія вспышки дикой энергіи, послѣдніе отблески грозной и кровавой славы, нѣкогда озяравшей лезгинскія знамена. Толпы ихъ были разбиты на голову, бѣжали и понесли такое пораженіе, какого еще никогда не испытывали. Ихъ древняя боевая репутація была подорвана окончательно. Потеря съ нашей стороны была ничтожная, но, къ сожалѣнію, въ числѣ немногихъ смертельно раненыхъ находился подполковникъ принцъ Эрнестъ Гессенъ-Рейнфельскій, командовавшій въ бою передовымъ отрядомъ. Приводимъ нѣкоторыя подробности его жизни и смерти.

Принцъ Эрнестъ Гессенъ-Рейнфельскій — дальній родственникъ императрицы Екатерины Великой, принадлежалъ къ одному изъ владѣтельныхъ домовъ Германіи и въ 1783 году былъ принятъ въ русскую службу подполковникомъ, съ наз-

наченіемъ командиромъ Кабардинскаго егерскаго баталіона на Кавказѣ. Осенью въ томъ же году онъ участвовалъ уже въ экспедиціи генерала Самойлова за р. Сунжу и здѣсь то въ дремучихъ чеченскихъ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ Валерика, Гойты, Рошни и Гехи, впервые услышавшихъ тогда громъ русскаго оружія, онъ сблизился съ русскимъ солдатомъ и заслужилъ общую любовь въ отрядѣ своею блестящею храбростію, ровнымъ и симпатичнымъ характеромъ. Одинъ изъ современниковъ ¹⁾ въ своихъ запискахъ о Грузіи говоритъ, что принцъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, «съ добрымъ воспитаніемъ, много ѣздившій по чужимъ краямъ и имѣвшій обо всемъ великія свѣдѣнія; его разговоры были всегда интересны, полезны и наставительны». Въ Тифлисъ онъ прибылъ въ свитѣ Потемкина и здѣсь остался добровольно при отрядѣ генерала Самойлова. Вотъ нѣкоторыя подробности этого боя, закончившагося, какъ мы сказали, смертію храбраго принца.

Подойдя къ Алазани, Самойловъ простоялъ нѣсколько дней, пока наконецъ прибылъ сюда самъ царь Ираклій II съ грузинскою конницею, составленною изъ знатнѣйшихъ князей и отборныхъ всадниковъ. Грузинская пѣхота запоздала и находилась еще въ одномъ переходѣ, когда у насъ получилось извѣстіе, что сильная партія лезгинъ, возвращаясь изъ Ганжинскаго ханства, направилась къ дремучему лѣсу, очевидно намѣреваясь перейти обратно за Алазань у муганлинской переправы. Царь съ грузинскою конницею, драгуны и казаки— все понеслось впередъ, чтобы раньше захватить лѣсную опушку. Но лезгины были ближе къ лѣсу, чѣмъ мы, и успѣли захватить ее прежде. Въ эту минуту подошли два егерскіе баталіона, и лѣсъ рѣшено было взять штурмомъ. Двѣ колонны, каждая по 200 егерей, подъ общемою командою принца Рейнфельскаго, начали атаку; остальные остались въ резервѣ. Лезгины, забравшіеся на деревья, осыпали атакующихъ

¹⁾ Записки Пишчевича.

сильнымъ огнемъ, но послѣ упорной продолжительной схватки были отброшены и егерямъ удалось утвердиться на опушкѣ. Но дальше подвигаться было нельзя, такъ какъ весь лѣсъ занятъ былъ непріятелемъ, и принцъ послалъ просить подкрѣпленія. Видя, что бой разгорается, Самойловъ самъ поскакалъ въ лѣсъ, и нашелъ принца въ сильномъ огнѣ, но продолжавшемъ упорное наступленіе. Лично распоряжаясь боемъ, принцъ все время стоялъ рядомъ съ Самойловымъ, и оба были верхами, не соглашаясь ни на какія просьбы окружающихъ сойти съ лошадей. «Мы на то и начальники, — говорилъ весело принцъ, — чтобы насъ видѣли всѣ и наши, и непріатели». Вдругъ онъ пошатнулся въ сѣдлѣ и, слабо вскрикнувъ, опрокинулся навзничь: пуля, пущенная съ верхушки сосѣдняго дерева, попала въ плечо, и, пройдя черезъ грудь, вышла въ спину. Кровь, бившая фонтаномъ, заливала Самойлова, который, подхвативъ падающаго принца, поддерживалъ его своими руками. Подбѣжавшіе егеря быстро устроили носилки, и, уложивъ на нихъ раненаго, вынесли его изъ лѣса. Между тѣмъ съ быстротою молніи пронесся слухъ, что принцъ и генералъ, котораго видѣли залитаго кровью — оба убиты; въ нѣкоторыхъ частяхъ произошло замѣшательство. Понимая, какія гибельныя послѣдствія можетъ имѣть эта минута, Самойловъ тотчасъ объѣхалъ всю линію, появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, чтобы ободрить людей и возстановить порядокъ.

Но еще большее впечатлѣніе произвелъ этотъ слухъ въ грузинскомъ войскѣ, при которомъ находился самъ царь. Ираклій былъ до того пораженъ этимъ извѣстіемъ, что, забывъ и царскій санъ, и древность своихъ лѣтъ, самъ поскакалъ на мѣсто битвы лишь съ небольшою свитою и успокоился только тогда, когда подъ сильнымъ огнемъ отыскалъ генерала. Онъ выразилъ скорбь по поводу раны принца и объявилъ, что послѣ этого долгъ и совѣсть повелѣваютъ ему раздѣлить опасность наравнѣ со всѣми.

Но бой подходилъ уже къ концу, и лезгины послѣ пяти-часового упорнаго боя отброшены были къ Алазани, гдѣ попали подъ картечь четырехъ орудій и почти поголовно погибли. Истребленіе сильной партіи, можно сказать, на глазахъ Бѣлоканцевъ и Джарцевъ, стоявшихъ по ту сторону рѣки, водворило спокойствіе въ краѣ, и отрядъ, переночевавъ на полѣ сраженія, направился обратно въ Тифлисъ.

Донося о своей экспедиціи, Самойловъ называлъ главнымъ виновникомъ побѣды принца Рейнфельскаго, «который во все время боя съ отличною храбростью и присутствіемъ духа, одинъ, съ своимъ передовымъ отрядомъ, сражался со всею непріятельскою силою». О самомъ себѣ Самойловъ не упомянулъ ни единымъ словомъ, точно онъ не былъ въ бою и не подвергался никакимъ опасностямъ. Черта эта въ характерѣ Самойлова была весьма замѣчательной. За годъ передъ тѣмъ, послѣ осенней экспедиціи въ Чечнѣ, Потемкинъ также доносилъ императрицѣ, «что Самойловъ изъ единой скромности не упомянулъ въ своемъ рапортѣ о томъ, что лично велъ войска на штурмъ гехинскаго лѣса, и что подъ нимъ была убита лошадь». Потемкинъ и на этотъ разъ узналъ о Самойловѣ только окольнымъ путемъ черезъ письма Ираклія, передававшего ему подробности боя.

Тифлисъ, между тѣмъ, переживалъ въ эти дни страшныя минуты тревогъ и опасеній. Въ самый день битвы кто-то прискакалъ съ Алазани и распустилъ зловѣщій слухъ, что русскій генералъ и принцъ убиты, что всѣ офицеры забраны въ плѣнъ, а солдаты или истреблены, или уведены лезгинами въ горы. Что случилось съ царемъ—вѣстникъ умалчивалъ. Весь городъ былъ пораженъ потрясающею вѣстью. Царица была неутѣшна. «Если эти слухи вѣрны,—говорила она своимъ приближеннымъ,—то больше уже нѣтъ на свѣтѣ и Ираклія». Она знала рыцарскій характеръ своего царственнаго супруга

и была убѣждена, что онъ никогда бы не пережилъ такой катастрофы. Убитая горемъ, босая и въ разорванномъ платьѣ, царица пошла пѣшкомъ изъ своего дворца, стоявшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ экзарховъ Грузіи, въ Сіонскій соборъ. Но едва она переступила порогъ древняго храма, какъ ее нагналъ новый вѣстникъ съ письмомъ отъ Ираклія. Царь извѣщалъ о блестящей побѣдѣ, писалъ о ранѣ принца и восторженно отзывался о русскомъ войскѣ. «Я долго былъ въ Персіи при славномъ Шахъ-Надирѣ, — говорилось въ этомъ письмѣ, — я видалъ войска персидскія, индійскія и турецкія, сражался съ лезгинами, но, увидавъ теперь русскихъ, не могу представить, чтобы какія-нибудь въ свѣтѣ войска могли бы быть подобными по храбрости русскимъ». Молва объ этомъ письмѣ мгновенно разнеслась по городу, и весь Тифлисъ хлынулъ ко дворцу. Народъ потребовалъ, чтобы царица вышла на балконъ. Она появилась въ царскомъ уборѣ, радостная, съ сіяющимъ лицомъ и письмо Ираклія прочитано было всенародно.

Между тѣмъ русскія войска уже возвращались назадъ и 20-го октября торжественно вступали въ Тифлисъ. Царь и Самойловъ верхами, на богато убранныхъ коняхъ, открывали шествіе; за ними шли два баталіона, двигались пушки, ѣхали драгуны и казаки съ своими длинными пиками. Шествіе при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ со всѣхъ городскихъ церквей при громѣ пушекъ со стѣнъ Метехской цитадели и старой крѣпости, при восторженныхъ крикахъ народа, направилось прямо въ Сіонскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ его самъ католикосъ и отслужилъ благодарственное молебствіе. Народъ ликовалъ сердечно и искренно.

А между тѣмъ въ это самое время въ бѣдной и глухой грузинской деревушкѣ тихо угасала жизнь молодого принца. Вотъ что доносилъ объ этомъ Самойловъ: „По невозможно-

сти принцу Рейнфельскому по тяжелой ранѣ продолжать свой путь, я принужденъ былъ оставить его въ деревнѣ Мачханахъ у подполковника Самарина, поручивъ уходъ за нимъ лекарю Горскаго баталіона и снабдивъ его всѣмъ необходимымъ. Передъ моимъ отъѣздомъ принцу было гораздо лучше, такъ что всѣ мы возымѣли было надежду на благополучный исходъ его раны; но съ вечера 18-го октября боль въ ранахъ весьма усилилась, а на разсвѣтъ 19-го и жизнь принца кончилась. Имѣніе его я приказалъ опечатать и описать, но извѣстно, что экипажъ его былъ бѣденъ, долгу же осталось немало“.

Принцъ Рейнфельскій былъ первой жертвой, принесенной Россіею за освобожденіе Грузіи, — и эта первая пролитая кровь должна была освятить братскій союзъ двухъ единовѣрныхъ народовъ.

Тѣло принца привезено было въ Тифлисъ и погребено со всѣми военными почестями, въ присутствіи царя и многочисленнаго стеченія народа, «въ одной изъ городскихъ церквей», какъ говоритъ Самойловъ въ своемъ донесеніи. Невольно возникаетъ вопросъ: какая это церковь? Гдѣ искать затерянную теперь могилу принца? Грузинскій историкъ Платонъ Юсселиани, въ своемъ описаніи древностей Тифлиса, говоритъ, между прочимъ, что въ Благовѣщенской католической церкви, стоявшей на нынѣшней Католической улицѣ въ предѣлахъ Армянскаго базара, былъ похороненъ какой то нѣмецкій принцъ, одинъ изъ германскихъ владѣтелей, убитый въ Кахетіи при царѣ Иракліи. Теперь этой церкви не существуетъ; она давно продана въ частныя руки, и нынѣ храмъ, посвященной молитвѣ, превращенъ въ амбары и склады транспортной конторы. Вотъ здѣсь то, въ этихъ амбарахъ, подъ каменнымъ поломъ, покрывавшемъ собою нѣкогда могильные склепы, по всей вѣроятности и надо искать забытую всѣми могилу принца Рейнфельскаго, такъ какъ другого германскаго принца, убитаго во времена Ираклія, не было. Забвеніе — это удѣлъ

человѣчества, но стыдно и грѣшно намъ утерять могилу того, чье имя открываетъ собою длинный рядъ въ нашемъ славномъ боевомъ закавказскомъ синодикѣ.

III.

Памятники нашествія Ага-Магометъ-хана въ Тифлисѣ.

На крутой и высокой Сололакской горѣ въ Тифлисѣ еще до сихъ поръ виднѣются развалины старыхъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ, нѣкогда сторожившихъ столицу Грузинскаго царства. Въ теченіе своего почти тысячу-пятьсотъ лѣтняго существованія Тифлисъ неоднократно подвергался полному разрушенію и вновь возникалъ изъ развалинъ. Онъ видѣлъ въ своихъ крѣпкихъ стѣнахъ гунновъ, персовъ и византійцевъ, арабовъ, монголовъ, турокъ сельджуковъ и турокъ османлизовъ. Одни изъ нихъ налетали и проносились грозною тучею, оставляя по себѣ лишь слѣды смерти и разрушенія; другіе, какъ на примѣръ арабы, турки и особенно персы, надолго водворялись въ городѣ и налагали на него печать своего культурнаго вліянія.

Въ длинномъ ряду бѣдствій, испытанныхъ Грузіею въ ея долгой исторической жизни, — послѣднимъ было нашествіе персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана въ сентябрѣ 1795 года, когда, по словамъ его исторіографа, «храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ, образецъ того, чего они должны ожидать для себя въ день судный». Вотъ эти то башни и руины старыхъ стѣнъ тифлисской крѣпости были нѣмыми свидѣтелями именно этого «страшнаго суднаго дня».

Грузія въ то время находилась подъ протекторатомъ русской императрицы. Но не установились и не окрѣпли еще эти нравственные связи, не успѣла Россія оградить крѣпкимъ щитомъ свою пріемную дочь, какъ самое стремленіе Грузіи подчиниться Россіи навлекло на нее уже новое бѣдствіе.

Гор. Тифлисъ. Развалины старой крѣпости съ башней Соломи (а).

«Отстань отъ Россіи, отрекись отъ русскихъ—писалъ Ираклію новый властитель Персіи Ага-Магометъ-ханъ,—и дружба наша не будетъ нарушена во вѣки». Царь отклонилъ предложеніе. «Я признаю дружбу,—отвѣчалъ онъ,—только съ единовѣрнымъ русскимъ народомъ и только въ немъ вижу опору и спасеніе отечества». Война сдѣлалась неизбѣжною.

Въ маѣ 1795 года 80-ти-тысячная персидская армія вошла въ Карабагъ, но послѣ двухъ-мѣсячной бесплодной осады Шуши, ¹⁾ двинулась черезъ Агдамъ и Ганжу къ Тифлису, гдѣ ожидалъ ее Ираклій, занявшій сильную позицію въ семи верстахъ отъ города у соганлугскихъ садовъ.

Боевыя средства Ираклія находились однако въ самомъ печальномъ положеніи. Вслѣдствіе раздоровъ въ царской семьѣ и послушанія царевичей, владѣвшихъ удѣлами, но не спѣшившихъ на защиту родины, Ираклію удалось собрать всего около 3000 воиновъ, да кромѣ того въ Тифлисъ прибыло еще до 2000 имеретинъ вмѣстѣ со своимъ царемъ Соломономъ II.

9-го сентября передъ Соганлугомъ показался, наконецъ, авангардъ Ага-Магометъ-хана, но былъ разбитъ наголову смѣлымъ нападеніемъ дружины царевича Давида. Это первое столкновеніе сдѣлало Ага-Магометъ-хана весьма осторожнымъ. Онъ зналъ Ираклія за опытнаго, отважнаго полководца, и потому, опасаясь атаковать его на крѣпкой позиціи, избралъ обходный путь черезъ каменистый кряжъ Шавнабади къ Карцанисскимъ садамъ.

Вѣсть о приближеніи непріятеля произвела въ Тифлисъ страшную панику. Царица Дарья со всѣмъ дворомъ и католикосъ Антоній изъ первыхъ покинули городъ, а за ними бросилось бѣжать изъ столицы и все населеніе, спѣша укрыться

¹⁾ Виля упорную защиту Карабагскаго хана, Ага-Магометъ ханъ приказалъ пустить въ его станъ стрѣлу, къ которой прикрѣпленъ былъ лоскутъ бумаги съ слѣдующими стихами: «Изъ небесной каменометной машины бросаются побѣдоносныя камни, а ты по глупости защищаешься отъ нихъ въ стеклянной крѣпости» Стрѣла Карабагскаго хана принесла ему такой отвѣтъ: «Если Тотъ, въ кого я вѣрую, мой хранитель, то Онъ сохранитъ и стекло подъ мышцею камня». Это были стихи извѣстнаго армянскаго поэта Вакафа.

въ сосѣднія горы. Въ числѣ сопровождавшихъ царицу была молодая жена Алавердъ-Едигарашвили, представителя одной изъ лучшихъ татарскихъ фамилій. Она прискакала верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ, съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать за царицею и, если нужно, умереть вмѣстѣ съ нею.

— Но гдѣ твой мужъ, гдѣ Алавердъ-бекъ? спросила царица.

— Онъ тамъ, гдѣ ему быть слѣдуетъ! отвѣтила красавица. — Мужчины нашего дома всѣ въ станѣ Ираклія.

Между тѣмъ Ираклій, понимая опасность своего положенія у Соганлуга въ случаѣ обхода, приказалъ отступить къ Тифлису. Тамъ, гдѣ нынѣ виднѣются развалины старинныхъ башенъ, въ тѣ времена возвышалась древняя крѣпость, вѣрнѣе цитадель, Нари-Кала, воздвигнутая на обрывистой скалѣ Сололакского гребня. Напротивъ нея, на правой сторонѣ Дабаханскаго ущелья, съ протекающимъ по немъ Цавкисскимъ ручьемъ, было построено передовое укрѣпленіе Хоша-Кала, а на высокому скалистому уступу лѣваго берега Куры возвышался Метехскій замокъ.

Эти три сильныя укрѣпленія обороняли подступы къ городу со стороны Соганлуга. Кромѣ того Тифлисъ, съ его многочисленными храмами и царскими дворцами на правой сторонѣ Куры, былъ окруженъ каменными стѣнами съ туръ-бастіонами. Эта часть города называлась Кала, т. е. крѣпость. Съ южной стороны Тифлисъ защищался двойными стѣнами, изъ которыхъ одна тянулась къ Авлабарскому мосту, другая направлялась вдоль Цавкисскаго ручья. За этою послѣднею стѣною, у горячихъ минеральныхъ источниковъ, было расположено предмѣстье Сеидъ-Абадъ, а еще далѣе внизъ по ущелью Куры растилалось карцанисское поле съ его знаменитыми садами, существующими понынѣ.

Ираклій расположилъ свои силы слѣдующимъ образомъ: царевичъ Давидъ, съ дружинами князей Отара Амилахвари, Ивана Багратіона-Мухранскаго, Захарія Андроникова и имере-

тины князя Зураба Церетели, всего около тысячи человекъ съ семью орудіями, занялъ позицію въ Крцанисскихъ садахъ; царевичъ Юлонъ, съ другою тысячею грузинъ и двумя орудіями, стоялъ въ передовомъ укрѣпленіи Хоша-Кала; остальные силы Ираклія расположились у предмѣстья Сеидъ-Абада; небольшіе гарнизоны защищали укрѣпленія Нарі-Кала, Метехскій замокъ и башню Шахъ-тахти, находившуюся на Сололакскомъ гребнѣ въ юго-западномъ углу городскихъ стѣнъ. Не смотря на происходившій переполохъ въ городѣ, Ираклію все-таки удалось собрать до 1500 горожанъ, изъ которыхъ 300 человекъ отправились къ царевичу Юлону, а остальные составили главный резервъ.

Наступило утро 10-го сентября. Около 8-ми часовъ утра у Крцанисскихъ садовъ раздались первые пушечные выстрѣлы. Царевичъ Давидъ встрѣтилъ непріятеля сначала дружными залпами, а затѣмъ стремительно бросился въ шашки и обратился въ бѣгство передовыя персидскія полчища. Въ это время на одномъ изъ отроговъ шавнабадскихъ высотъ, окруженный многочисленной свитой показался повелитель Ирана.

—«Ужели эти несчастные думаютъ загородить мнѣ дорогу?» сказалъ съ презрительной улыбкой Ага-Магометъ-ханъ и двинулъ къ Крцаниссамъ свѣжія войска.

—«Товарищи!—крикнулъ тогда Ираклій.—Видите ли вы шаха? Покажите же ему, какъ воюютъ воины Ираклія!». Съ этими словами онъ выслалъ отъ себя на помощь къ царевичу Давиду около тысячи воиновъ.

Жестокій рукопашный бой закипѣлъ съ новой силой и приковалъ вниманіе властителей Ирана и Грузіи. Сумрачно смотрѣлъ шахъ съ своего возвышенія; съ восторгомъ любовался царь пыломъ своихъ воиновъ, насѣдавшихъ на непріятеля. Наконецъ кровь стараго бойца заговорила въ немъ и, схвативъ царское знамя, съ изображеніемъ Божіей Матери и св. Георгія, онъ бросился въ бой съ пятьюстами отборнѣйшихъ

всадниковъ. Крцаниское поле огласилось побѣдными кликами. Все устремилось за царемъ, мчавшимся впереди своего отряда со знаменъ, развѣвавшимся надъ его бѣлою, какъ лунъ головою. Ага-Магометъ-ханъ поспѣшно удалился съ своего наблюдательнаго пункта, а черезъ нѣсколько м^инутъ Ираклій былъ уже на оставленной имъ высотѣ. Налетъ царя былъ такъ стремителенъ, что все персидское войско вслѣдъ за своимъ вождемъ обратилось въ бѣгство. Эта первая побѣда вызвала общее ликованіе въ грузинскомъ станѣ, но царь продолжалъ быть осторожнымъ.

Ночью, утомленные жестокимъ боемъ, дружины царевича Давида отозваны были назадъ въ главные силы, а на мѣсто ся въ Крцанискіе сады выдвинутъ былъ свѣжій отрядъ, подъ начальствомъ другого внука Ираклія, царевича Іоанна. Главныя силы расположились слѣдующимъ образомъ: царевичъ Давидъ сталъ на верхней тифлисской дорогѣ тамъ, гдѣ она, спускаясь въ городъ, пересѣкалась другими дорогами изъ Сололакъ и Табахмели. Это былъ правый флангъ Ираклія. Центръ его, — дружины царевича Вахтанга и князя Отара Амилахвари занимали Сеидъ-Абадъ, а еще лѣвѣе, въ сеидъ-абадскихъ садахъ расположились отряды князей Багратіона-Мухранскаго и Зураба Церетели. Городское ополченіе по прежнему составляло резервъ, а царевичъ Юлонъ защищалъ передовое укрѣпленіе Хоша-Кала.

Такъ наступилъ роковой день 11-го сентября. Рано утромъ Ага-Магометъ-ханъ снова поднялся на шавнабадскія высоты и, обзрѣвъ оттуда грузинскій станъ, убѣдился въ его малочисленности; въ тоже время огромныя толпы народа, бѣжавшія изъ города по всѣмъ направленіямъ, показали ему, что Тифлисъ сопротивляться не можетъ. Штурмъ города былъ рѣшенъ. Вся персидская армія развернулась на скалистыхъ высотахъ Соганлуга, Шавнабада, Телети и Карцанисси, выставивъ на болѣе выгодныхъ пунктахъ орудія и

фальконеты; лучшая мазандеранская пѣхота осталась въ резервѣ. Одновременно съ этимъ Ага-Магометъ-ханъ приказалъ карабагскому мелику Межнуну съ особою колонною пробраться горными тропами въ тылъ Крцанисскимъ садамъ и отрѣзать грузинъ отъ города.

Было 8 часовъ утра; громадная персидская армія спустилась съ горъ и всѣми силами обрушилась на авангардъ царевича Іоанна. На крцанисскомъ полѣ завязалась жестокая битва. Уже грузинскій авангардъ потерялъ большую половину людей, когда на помощь къ нему явился царевичъ Юлонъ изъ Хоша-Калы и подошло городское ополченіе, подъ начальствомъ извѣстнаго народнаго пѣвца князя Давида Мачабели. Послѣдній, взявъ свой чонгури, запѣлъ боевую грузинскую пѣсню и кинулся впередъ съ такой отвагой, что отрядъ его пробился до самыхъ персидскихъ знаменъ, и многіе изъ нихъ были взяты на глазахъ самого шаха. Битва колебалась.

— «Я не помню, — проговорилъ Ага-Магометъ-ханъ, чтобы когда-либо враги мои сражались съ такимъ упорствомъ», и онъ двинулъ въ бой мазандеранскую пѣхоту; съ своей стороны и Ираклій выслалъ царевича Вахтанга съ лучшими грузинскими войсками: пшавами, хевсурами и арагвцами, поклявшимися царю побѣдить или умереть. Быть можетъ военное счастье еще разъ озарило бы лучами славы грузинскія знамена, но въ эту рѣшительную минуту появилась въ тылу обходная колонна мелика Межнуна. Это былъ роковой поворотъ сраженія. Охваченные съ двухъ сторонъ, грузины едва успѣли пробиться на соединеніе съ царемъ, и битва перешла въ сеидъ-абадскіе сады и въ предмѣстье Харпухъ. Три раза грузины отбрасывали непріятеля отъ городскихъ стѣнъ; комендантъ Метехскаго замка съ большимъ успѣхомъ обстрѣливалъ сады, уже занятые непріателемъ; гарнизонъ Хоша-Кала и царевичъ Давидъ, занявшій высоты Таборисъ-Мта (гора Фаворъ), продолжали мужественно удерживать свои передовыя позиціи.

Но когда имеретины оставили ряды и бросились грабить городъ, Ираклій не видѣлъ уже болѣе возможности отстаивать Тифлисъ и, предпочитая смерть позорному бѣгству или плѣну, съ нѣмымъ отчаяніемъ одинъ устремился въ густыя толпы персіянъ. Царь навѣрное бы погибъ, если бы внукъ не спасъ своего знаменитаго дѣда: царевичъ Іоаннъ съ тремястами конныхъ грузинъ вырвалъ его изъ рукъ непріятеля и увлекъ черезъ Авлабарскій мостъ въ то время, когда персіяне уже врываются въ городъ.

Было пять часовъ пополудни, когда царь, наконецъ, покинулъ Тифлисъ. Тогда и гарнизонъ Хоша-Кала, сдѣлавъ послѣдній залпъ по непріятелю, сбросилъ орудія въ цавкисскій оврагъ и съ боемъ сталъ отходить къ сел. Табахмели. Царевичъ Давидъ держался еще до ночи, но узнавъ, что царь покинулъ столицу, также уничтожилъ свою артиллерію и окольными путями отступилъ къ Анануру.

На другой день, 12-го сентября, Ага-Магометъ-ханъ совершилъ свой вѣздъ въ Тифлисъ, который приказалъ предать огню и разрушенію. Но то былъ уже послѣдній разгромъ, послѣдній громовый ударъ, разразившійся надъ несчастной Грузіей. Сквозь мракъ народнаго бѣдствія на горизонтѣ уже занималась заря ея свѣтлой будущности. ¹⁾

IV.

Легенды, сохранившіяся въ Тифлисѣ со временъ нашествія Ага-Магометъ-хана ²⁾.

Разореніе Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ давно уже отошло въ область преданій, но грозный образъ шаха и доселѣ живетъ еще въ памяти народной. Ага-Магометъ-ханъ принадле-

¹⁾ Къ первымъ тремъ статьямъ источниками служили: «Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи», изд. Воен.-Истор. Отдѣла при Штабѣ Кавказ. воен. округа 1899 г. и другіе.

²⁾ Иллюстрированное прибавленіе къ газетѣ «Тифлисскій Листокъ» 1899 г. № 1.

жалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ восточныхъ государей, но несомнѣнно, что самая наружность грознаго шаха служила уже отраженіемъ его злого и мрачнаго характера. Маленькій ростомъ, сухошавый, со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ евнуха, онъ превосходилъ жестокостью всѣхъ бывшихъ властителей Персіи, и слово пощады, милости или человѣколюбія никогда не срывалось съ устъ этого государя-евнуха.

Когда Тифлисъ былъ взятъ, Ага-Магометъ-ханъ поднялся на вершину Сололакской горы, и отсюда самъ распоряжался его разрушеніемъ. По мановенію его жестокой руки пламень лился по тѣснымъ улицамъ города, и въ мукахъ жесточайшихъ пытокъ гибло все христіанское населеніе. На авлабарскомъ мосту персіяне выставили мощи св. Евстафія и заставляли плѣнныхъ издѣваться надъ ними, а ослушниковъ бросали въ Куру. И рѣка скоро запрудилась трупами, такъ какъ къ чести грузинъ и армянъ не нашлось никого, кто бы пошелъ на сдѣлку со своею совѣстью. Грузинскій митрополитъ заперся съ духовенствомъ въ Сіонскомъ соборѣ, но персіяне, вломившись въ храмъ, сожгли иконостасъ, перебили священниковъ, а старца-митрополита сбросили въ Куру съ виноградной террасы его собственнаго дома. Та же участь постигла и все армяно-григоріанское духовенство, собранное по приказанію шаха въ Ванкскомъ соборѣ. Царскія палаты, общественныя учрежденія, соборы и церкви, дома именитыхъ князей и сакли бѣдныхъ горожанъ—все превращено было въ груды развалинъ. Сколько погибло людей въ эти страшные дни—неизвѣстно, но тысячи грузинъ и армянъ были уведены въ рабство.

Существуетъ преданіе, что изъ всего населенія Тифлиса, не успѣваго бѣжать изъ города заблаговременно, только и спаслось 50 человѣкъ, которые укрылись на святой горѣ, Мта-цминда, въ обители св. Давида и даже въ той самой пещерѣ, гдѣ теперь стоитъ гробница нашего писателя Грибоѣдова. Замѣчательно, что персіяне по какому то неизъяснимому стра-

ху не попытались даже войти въ эту старую, никѣмъ не охраняемую, пустынь, долженствовавшую, казалось бы, привлечь къ себѣ алчныхъ грабителей. Очень можетъ быть, что они опасались найти тамъ скрытую засаду; но какъ бы то ни было, святая обитель укрыла и спасла всѣхъ, которые въ ней искали спасенія.

Бѣдственные дни, испытанные Тифлисомъ въ то время нашли себѣ отраженіе въ народной поэзіи и создали много легендъ, которыя въ старое время жили, да и теперь живутъ еще во многихъ грузинскихъ и армянскихъ семействахъ. Существуетъ, напримѣръ, разсказъ о смерти въ эти кровавые дни знаменитаго народнаго пѣвца Сайятъ-Нова, имя котораго было славно повсюду отъ царскаго дворца до сакли ремесленника. Это былъ бѣдный армянинъ, ткачъ по ремеслу, ашугъ (народный пѣвецъ) по призванію. Дивно звучала подъ рукой его «тяманча», ¹⁾ вдохновенно лились его пѣсни, но это были пѣсни только чисто лирическія; въ нихъ совершенно отсутствовалъ эпосъ, который, подобно древнимъ рапсодамъ, передавалъ бы народу поэтическія сказанія стародавнихъ временъ о подвигахъ и бѣдствіяхъ отчизны. Въ его поэзіи являлся исключительно внутренній міръ человѣка, самая жизнь, какъ она есть, со всѣми ея разнообразными мотивами и неразрѣшимыми вопросами. Онъ передавалъ людямъ тончайшія струны, мельчайшія движенія человѣческаго сердца, пѣлъ о чистой святой любви, способной поднимать душу до самыхъ высокихъ благородныхъ стремленій, и народъ, внимая его импровизаціямъ, жилъ его жизнію, потому что каждое слово пѣвца покоряло ему людей. Въ глазахъ толпы онъ являлся глубокимъ мыслителемъ и учителемъ жизни. И пѣвецъ пользовался своею духовною силою, чтобы учить людей только добру. Подъ старость онъ все чаще и чаще начинаетъ задумываться надъ постоянными контрастами, которые представляла жизнь. Подъ вліяніемъ этого, постоянно воз-

¹⁾ Родъ грузинской чонгури.

Гор. Тифлисъ. Могила Сайягъ-Нова (А) въ армянской церкви Сурпъ-Геворкъ (св. Георгія).

раставшаго въ немъ пессимистическаго настроенія, онъ удалился отъ міра и нашелъ себѣ тихое пристанище въ Ахпатскомъ монастырѣ, пріютившимся на окраинѣ Лорійской степи.

Но вотъ, однажды, до тихой обители донесся слухъ, что на Грузію идетъ Ага-Магометъ-ханъ, превосходившій жестоко-стью самого Шахъ-Аббаса. Любовь къ отчизнѣ, какъ угасающій пламень, вспыхнула въ душѣ стараго пѣвца, и, взявъ свою «тяманчу», давно покрытую пылью, онъ, не сказавъ никому ни слова, отправился въ Тифлисъ, рассчитывая еще быть полезнымъ народу въ тѣ скорбные дни, которые онъ предвидѣлъ. Когда персіане ворвались въ Тифлисъ, Сайятъ-Новъ находился въ церкви св. Георгія. Заслышавъ приближеніе враговъ, онъ взялъ въ руки крестъ и сталъ въ дверяхъ, желая остановить ихъ на порогѣ. Два стиха, двѣ звучныя риѣмы на татарскомъ языкѣ сорвались съ устъ его:

Не отступлю отъ Іисуса,

Не выйду изъ церкви. . . .

Это была послѣдняя пѣсня стараго ашуга. Персіане изрубили маститаго старца и черезъ его трупъ вломились въ церковь.

Спустившись на Майданъ со стороны армянскаго базара, изъ-за тѣсно скученныхъ кровлей домовъ виднѣется и теперь коническій куполь армянской церкви Сурпъ-Геворкъ (св. Георгій), стоявшей тогда внутри самой крѣпости. На дворѣ этой то церкви, у самаго порога входныхъ дверей, тамъ, гдѣ въ послѣднюю минуту своей жизни стоялъ Сайятъ-Новъ съ крестомъ въ рукахъ и было зарыто окровавленное тѣло славнаго пѣвца. Гробницу его прикрываетъ простая каменная плита. Она уцѣлѣла до нашего времени, но надпись на ней совершенно изглажена безчисленными стопами богомольцевъ. Трудно было бы даже найти могилу Сайятъ-Нова, если бы не оберегали ее отъ забвенія любовь и память народная. Нальзя не пожелать, чтобы старая надпись была восстановлена, и надгробный камень, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, былъ

бы окруженъ какой-нибудь скромной рѣшеткой. Могилу эту слѣдовало бы сохранить для Тифлиса, какъ одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ изъ временъ нашествія Ага-Магометъ-хана.

Народная молва указываетъ въ Тифлисѣ еще на другой подобный же памятникъ—одну изъ башенъ, сохранившихся понынѣ среди развалинъ старой Тифлисской крѣпости. Съ этою башнею связана легенда объ одной грузинской княгинѣ Соломѣ, закончившей жизнь подвигомъ, ярко отразившимъ въ себѣ высшіе идеалы ея какъ женщины и какъ христіанки. Мужъ этой княгини былъ убитъ при защитѣ Тифлиса; грудной младенецъ ея былъ разможженъ о каменные плиты на ея же глазахъ, а сама она сдѣлалась плѣнницею. Только замѣчательная красота спасла ей жизнь, и она представлена была Ага-Магометъ-хану. «Этого добра мнѣ не нужно», злобно засмѣялся евнухъ-шахъ и прибавилъ: «кто ее купить?» Купилъ ее за баснословную сумму одинъ изъ знатнѣйшихъ татарскихъ бековъ, по имени Джафаръ. Княгиню заперли въ тѣсную мрачную башню, и новый властитель предложилъ ей на выборъ: отрѣчься отъ Христа и сдѣлаться его женою, или остаться христіанкой, и тогда онъ силой обратитъ ее въ наложницу. Она просила нѣсколько часовъ на размышленіе и послѣ долгой и горячей молитвы она сказала рѣшительно: «я желаю быть женою славнаго бека».

Недалеко отъ башни находился небольшой каменный гротъ и въ немъ на разостланномъ коврѣ лежалъ Джафаръ, ожидая отвѣта. Наступилъ вечеръ, и стража привела къ нему молодую княгиню. Она повторила ему то, что сказала слугамъ, прибавивъ: «это моя судьба, она мнѣ предсказана».

— Кѣмъ предсказана, спросилъ изумленный Джафаръ.

— Развѣ ты не знаешь того, отвѣтила княгиня, что знаетъ цѣлая Грузія? Я наслѣдовала отъ матери своей тайну проорицанія будущаго.

Джафаръ смутился.

— Дай мнѣ руку твою. Я хочу знать долго ли продлится мое счастье, сказала Соломія.

Но едва взоръ ея упалъ на могучую руку Джафара, какъ она вскочила съ мѣста. «Господинъ мой! вскричала она, — тебя ждетъ близкая смерть, смерть сегодня же ночью».

Джафаръ поблѣднѣлъ.

— Не смущайся! прибавила она спокойно. Я спасу твою жизнь, я заговорю оружіе твоего врага.

— Ты можешь заговорить оружіе? вскричалъ Джафаръ. Княгиня засмѣялась.

— Могу ли я заговаривать оружіе? Дай мнѣ твой кинжалъ, господинъ. Не бойся, прибавила она, я пока еще христіанка и не могу стать ни убійцею, ни самоубійцею.

Не отдавая отчета, Джафаръ вынулъ изъ ноженъ и подалъ ей свой острый кинжалъ. Она взяла его въ руки, а глаза ея устремились къ небу, уста шептали молитву.

— Готовъ! сказала она. Возьми свой кинжалъ, онъ никуда не годится. . . . Не вѣришь? Смотри, и она наставила лезвіе кинжала противъ своего сердца. — Ударь по немъ, сказала она, и твой острый кинжалъ отскочитъ отъ моей слабой груди. . . .

Разсудокъ Джафара помутился. Онъ въ какомъ то туманѣ ударилъ сильной рукой по кинжалу, который впился въ грудь Соломіи по самую рукоять. Кровь брызнула фонтаномъ, и Соломія упала. Джафаръ окаменѣлъ отъ ужаса, а когда онъ опомнился и бросился къ Соломіи, жизнь отъ нея уже отлетѣла.

Преданіе указываетъ даже самое мѣсто, гдѣ скончалась Соломія. Это та полуразвалившаяся круглая башня, которая стоитъ на краю Сололакской горы и точно въ раздумьи нависла надъ ботаническимъ садомъ. Тотъ же шумъ потока, какъ и тогда, оглашаетъ окрестности; тотъ же гротъ, но уже обдѣланный въ современномъ вкусѣ, находится неподалеку.

Въ лѣтніе знойные дни этотъ гротъ переполняется тифлисскою публикою, любующеюся отсюда чуднымъ видомъ на городъ и живописными развалинами старинной крѣпости. Давно уже забыты ужасы послѣдняго персидскаго погрома, но имя Соломіи и донынѣ живетъ въ народныхъ преданіяхъ.

V.

Могила Царя Ираклія.

Въ 1795 году, когда Ага-Махометъ-ханъ овладѣлъ Тифлисомъ, слухъ о приближеніи русскихъ войскъ заставилъ шаха покинуть городъ и отступить въ Ганжу. Только тогда царь Ираклій II, скрывавшійся въ Ананурѣ, возвратился въ Телавъ, съ которымъ соединялись лучшія воспоминанія всей его жизни. И вотъ, прошли 52 года царствованія Ираклія, и онъ возвратился въ тотъ же Телавъ, но только для того, чтобы покончить здѣсь остатокъ своихъ дней, когда звѣзда его угасла, и онъ, удрученный годами и горемъ, не имѣлъ уже силъ смотрѣть на пепелище Тифлиса.

Грустно протекли послѣдніе дни престарѣлаго вѣнценосца. Лишенный наружнаго величія и блеска, онъ умеръ 11-го января 1798 года среди народнаго плача, стоявшаго надъ Грузіей и погребенъ въ старинномъ, нѣкогда столичномъ городѣ Мцхетѣ, въ соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ. Тамъ, вправо отъ царскихъ вратъ у самаго амвона лежитъ мраморная плита, указывающая мѣсто, гдѣ успокоились останки царственнаго труженника. Долго могила Ираклія стояла въ соборномъ храмѣ, ничѣмъ не отмѣченная и первый обратилъ на это вниманіе русскій главнокомандующій въ Грузіи генераль-лейтенантъ маркизь Пауллучи, обладавшій въ высокой степени благороднымъ характеромъ и много заботившійся о томъ, чтобы научить людей

Мухеть, Тифлисской губ. Гробница царя Ираклія II въ соборѣ
Дѣвѣнцати Апостоловъ.

уважать заслуги другихъ. Онъ донесъ объ этомъ императору Александру I, прибавивъ, что могила царя, котораго исторія назвала великимъ, должна служить народу священнымъ залогомъ его дальнѣйшаго благоденствія. Государь повелѣлъ немедленно соорудить надъ ней приличный саркофагъ, и мраморная плита была получена со слѣдующею надписью:

«Здѣсь покоится царь Ираклій, который родился въ 1716 г., вступилъ на престолъ Кахетинскій въ 1744 г., а на Карталинскій въ 1762 г. и скончался въ 1798 г. Дабы оставить въ памяти потомства славное 54-хъ-лѣтнее царствованіе сего царя, отъ имени Его Императорскаго Величества Александра I-го воздвигнуть сей памятникъ въ 1812 году, главноначальствующимъ въ Грузіи Маркизомъ Пауллучи» ¹⁾).

Спустя 48 лѣтъ по кончинѣ Ираклія, намѣстникъ Кавказа князь М. С. Воронцовъ, проѣзжая г. Телавъ осенью 1845 года, посѣтилъ старую телавскую крѣпость и на мѣстѣ дворца, гдѣ жилъ и умеръ Ираклій, нашелъ печальныя руины, заваленныя горами обвалившихся камней. Дворецъ, который принялъ послѣдній вздохъ царственного старца, осужденъ былъ на полное забвеніе, стоялъ заброшенный и никому не нужный. Грустная картина запустѣнія видимо произвела на стараго князя удручающее впечатлѣніе. Въ глубокомъ уваженіи не только къ стариннымъ памятникамъ, но и къ великимъ дѣяніемъ покойнаго царя, онъ тутъ же рѣшилъ возстановить на свои собственные средства часть дворца, и на первый разъ раставрированы были огромный залъ и по концамъ его двѣ комнаты, изъ которыхъ одна служила царской опочивальней.

Работы шли медленно, потому что приходилось возстановлять все, какъ было при Иракліи, и только 3-го марта 1851 года онѣ были окончены. Послѣ литургіи въ соборной церкви крестный ходъ, въ сопровожденіи тифлискаго военнаго губернато-

¹⁾ А. Натроевъ. Мцхетъ и его соборъ Свѣти-Цховели. 1901 г.

ра князя Ивана Малхазовича Андроникова, представителей грузинскаго дворянства, почетныхъ лицъ городскаго сословія и множества народа, направился въ возобновленные чертоги, и тамъ въ царской опочивальнѣ отслужена была панихида. Въ то же время на стѣнѣ, возлѣ которой стояло нѣкогда предсмертное ложе царя, прибита была доска, съ изображеніемъ на ней царскихъ регалій и съ надписью, начертанной по черному полю золотыми буквами на русскомъ и грузинскомъ языкахъ:

«Здѣсь послѣдовала кончина Грузинскаго царя

Ираклія Теймуразовича 11-го января 1798 года».

Въ тотъ же день въ три часа пополудни, въ обновленномъ залѣ, былъ парадный обѣдъ замѣчательный тѣмъ, что на немъ присутствовало нѣсколько стариковъ, лично знавшихъ почившаго царя, имѣвшихъ доступъ въ этотъ дворецъ, и не разъ присутствовавшихъ въ этотъ самомъ залѣ за царскою трапезою. Много произнесено было рѣчей и провозглашено тостовъ, на этомъ обѣдѣ, но особенно сильное впечатлѣніе произвела на всѣхъ рѣчь стараго грузина, начальника Телавскаго уѣзда.

«Не стало Ираклія, сказалъ онъ, но исполнился завѣтъ великаго царя, и Грузія, истомленная тяжкимъ тысячилѣтнимъ искусомъ, нашла покой на материнскомъ лонѣ единовѣрной Россіи. Въ сознаніи важности этого событія прежде всего почтимъ сердечною признательностью блаженную память въ Бозѣ почившаго вѣнценосца, а затѣмъ въ изъявленіе нашихъ чувствъ да поднимутся наши бокалы и за виновника нынѣшняго торжества, за императорскаго намѣстника, давшего жизнь этимъ священнымъ развалинамъ. Съ этого дня величественный образъ Ираклія будетъ вѣчно жить въ памяти нашей, будетъ жить между нами и между будущими поколѣніями.

«Пусть же это молодое поколѣніе, заключилъ онъ свою рѣчь, вспомнить теперь прошедшее, воздастъ дань уваженія старому и благословитъ настоящее, давшее ему новую жизнь, новую сферу дѣятельности, счастья и довольствія. Пусть же

Памятникъ на р. Іорѣ, у сел. Какабети, Тифлисской губ., въ память
побѣды 7-го ноября 1800 г. надъ Омаръ-ханомъ.

несокрушимо стоитъ этотъ памятникъ и передастъ въ роды родовъ славное имя Ираклія, принесшаго такую высокую, благородную и спасительную жертву своему отечеству».

Подъ вліяніемъ всѣхъ пережитыхъ въ тотъ день впечатлѣній, дворянство Телавскаго уѣзда, чиновники и горожане открыли между собой подписку, и посильно стекавшіяся лепты дали возможность возстановить изъ развалинъ и остальную часть дворца, заключавшую въ себѣ обширную конференцъ-залу, парадныя комнаты, домашніе покои и галлерей, сохранившіе еще свой древній характеръ и стиль современный самой эпохи постройки дворца. Тогда же, по распоряженію князя Воронцова, приведенъ въ порядокъ старый дворцовый садъ, съ его бассейнами и вѣковыми чинарами, который нынѣ служитъ мѣстомъ народныхъ гуляній для телавскихъ жителей ¹⁾.

VI.

Памятникъ на р. Іорѣ ²⁾.

По смерти грузинскаго царя Ираклія, на престолъ Грузіи, какъ законный наслѣдникъ, вступилъ старшій сынъ его отъ перваго брака Георгій XIII. Онъ наслѣдовалъ лучшія свойства своего отца, но не имѣлъ достаточной твердости противостать внутреннимъ крамоламъ и смутамъ. Его мачиха, царица Дарья, сдѣлалась центромъ интригъ, съ цѣлью содѣйствовать устраненію отъ престола потомство Георгія и доставить его своимъ сыновьямъ. Она и дѣти ея не хотѣли признать верховной власти царя и стали искать покровительства Персіи.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, чтобы успокоить родину, истомленную непосильной борьбой, Георгій обратился къ императору Павлу I съ просьбой принять Грузію въ

¹⁾ Газета «Кавказъ» 1851 г.

²⁾ «Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи». Изд. Воен.-Ист. Отд. 1899 г. Развѣдчикъ 1902 г. № 585 —Освященіе памятника на рѣкѣ Іорѣ.

подданство Россіи и прислать въ Тифлисъ войска для защиты страны отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Императоръ Павелъ повелѣлъ отправить 17-й Егерскій (нынѣ лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества) полкъ съ четырьмя орудіями 7-го полевого артиллерійскаго полка (нынѣ 20-я артиллерійская бригада) изъ роты подполковника Ахвердова. Полкъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Лазарева, вступилъ въ Тифлисъ 26-го ноября 1799 года, а вслѣдъ за нимъ прибылъ сюда же и полномочный русскій министръ для постоянного пребыванія при дворѣ Георгія. Онъ объявилъ всенародно, что русскій императоръ принимаетъ Грузію подъ свой верховный покровъ и утверждаетъ Георгія законнымъ преемникомъ грузинскаго царства, а старшаго сына его, царевича Давида, будущимъ по немъ наслѣдникомъ.

Персія, подстрѣкаемая бѣглыми грузинскими царевичами, протестовала открыто. Въ Тифлисъ явилось даже персидское посольство, но царь принялъ его не во дворцѣ, а въ домѣ русскаго министра, стоя подъ большимъ портретомъ императора Павла I. На заявленіе посла, что онъ желалъ бы имѣть секретную аудіенцію, царь отвѣчалъ, что, находясь подъ покровительствомъ Россіи, онъ ни въ какіе секретные переговоры вступать не можетъ. Тогда посолъ объявилъ уже прямо, что шахъ, считая Грузію древнимъ достояніемъ своихъ предковъ, требуетъ полного подчиненія се себѣ, и что царю остается только покориться, чтобы не испытать горшей противу прежняго участи.

— Я не могу не удивляться вашимъ словамъ, отвѣчалъ на это русскій министръ, вы какъ будто совершенно забыли о томъ покровительствѣ, которое русскій императоръ оказываетъ Грузіи.

— Я объ этомъ помню, отвѣчалъ посланникъ, но подаю совѣты единственно изъ усердія къ царю, потому что непріятель уже приближается къ границамъ его владѣній.

Персидская армія дѣйствительно вошла въ Эриванское ханство, распуская слухъ, что двинется на Тифлисъ съ единственною цѣлью возвести на престолъ царевича Александра. Грузію охватило общее смятеніе: одни радовались ожидаемой перемѣнѣ, другіе готовились ей противоборствовать. Двухъ баталіоновъ, занимавшихъ Тифлисъ, очевидно было недостаточно для обороны Гуріи и подавленія внутреннихъ смуть, и государь приказалъ отправить на помощь къ нимъ еще два баталіона Кабардинскаго мушкетерскаго полка съ четырьмя орудіями 7-го артиллерійскаго полка, которые прибыли въ Тифлисъ, подъ командой шефа полка генераль-маіора Гулякова, 23-го апрѣля 1800 года. Персіане остановились; но вмѣсто оружія, они пустили въ ходъ золото, и на границахъ Кахетіи появилось 20 тысячъ лезгинъ, предводимыхъ Омаръ-ханомъ аварскимъ, тѣмъ самымъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ конца въ конецъ опустошилъ уже Грузію. Омаръ-ханъ былъ человекъ предприимчивый, способный и смѣлый до дерзости. Собственныя владѣнія его въ Аравіи были не велики, но велико было то значеніе, которымъ онъ пользовался во всемъ Дагестанѣ, гдѣ по малѣйшему знаку его собирались толпы, слѣпо вѣрившія въ неизмѣнное счастье своего отважнаго вождя. При общей паникѣ, охватившей населеніе, положеніе дѣлъ являлось весьма затруднительнымъ. Но въ то время, когда населеніе столицы Грузіи готовилось уже искать спасенія въ бѣгствѣ, Лазаревъ и Гуляковъ съ двумя русскими баталіонами, всего 1200 штыковъ при четырехъ орудіяхъ, быстро двигались навстрѣчу непріятеля ¹⁾. На пути къ отряду присоединились милиціи царевичей Баграта и Іоанна, и противники встрѣтились 7-го ноября 1800 года на берегу рѣки Іоры, близъ кахетинской деревни Какабети.

Бой начался около 8 часовъ утра. Съ сторожевой башни, стоявшей на небольшомъ холмѣ близъ самой деревни и заня-

¹⁾ Полки въ то время были двухъ баталіонные; два баталіона выступили въ походъ, а два остались для охраны внутренняго спокойствія въ Грузіи.

той уже непріателемъ, грянулъ первый выстрѣлъ, и по этому сигналу двадцать тысячъ лезгинъ съ дикимъ ревомъ понесли на русскіе баталіоны. Но баталіоны не дрогнули. Дружный залпъ и картечь четырехъ орудій отбросили непріателя. Съ безумною отвагою повторяли лезгины атаку за атакой, — но чѣмъ яростнѣе становились нападенія, тѣмъ хлоднокровнѣе и спокойнѣе шла оборона. Не успѣвъ не только разстроить, но даже пошатнуть русскіе баталіоны, Омаръ-ханъ со всѣми силами вдругъ бросился на грузинское ополченіе, стоявшее въ центрѣ нашей позиціи. Грузины, собранные на-скоро, и на половину не имѣвшіе ружей, конечно, были бы раздавлены, но въ этотъ моментъ егеря и кабардинцы охватили непріателя разомъ съ обоихъ фланговъ «Побѣдоносное російское ура, — доносилъ Лазаревъ, — раздалось тогда по обоимъ крыльямъ и съ послѣднимъ выстрѣломъ, съ послѣднимъ ударомъ штыка погибла вся непріательская сила». Отрядъ двинулся впередъ, захватилъ холмъ вмѣстѣ съ сторожевою башнею и отсюда провожалъ артиллерійскимъ огнемъ въ безпорядкѣ бѣжавшія скопища лезгинъ.

Сраженіе окончилось въ темную ночь, а потому только на слѣдующее утро глазамъ побѣдителей открылась полная картина страшнаго побоища. Камышъ, кустарники, рвы и виноградники — все было завалено трупами, а за рѣкой стоялъ еще непріательскій станъ, съ развѣвавшимися въ немъ значками и пестрѣвшій палатками; но онъ былъ пустъ и мертвенно-недвижимъ: непріатель бѣжалъ мимо, не успѣвъ ничего спасти изъ своего имущества. Потеря лезгинъ простиралась свыше двухъ тысячъ, и самъ Омаръ-ханъ, не знавшій доселѣ пораженія, былъ раненъ смертельно и умеръ въ сел. Джарахъ, не успѣвъ возвратится на родину.

Сраженіе на Іорѣ навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ Кавказской войны, такъ какъ оно было послѣднимъ сраженіемъ, даннымъ въ защиту Тифлиса. Съ тѣхъ поръ ни

лезгинны, ни турки, ни персіане уже не осмѣливались приближаться къ городу. Большое счастье, что во главѣ горсти русскихъ людей, пришедшихъ тогда въ Грузію, стояли такіе генералы какъ Лазаревъ и Гуляковъ. Оба они оказались достойными носителями русскаго имени, и оба въ послѣдствіе запечатлѣли своею кровью братскую помощь, оказанную Грузіи. Лазаревъ погибъ въ Тифлисѣ 19-го апрѣля 1803 года, а Гуляковъ убитъ за Алазанью, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего друга и бывшаго начальника.

Прошло сто лѣтъ, и два полка: Кабардинскій и потомки славныхъ егерей Лазарева, лейбъ-эриванцы, по инициативѣ своихъ командировъ, полковника Руссо и флигель-адъютанта полковника Вольскаго, пожелали воздвигнуть на полѣ бывшаго сраженія памятникъ въ честь своихъ славныхъ предковъ. Мѣстомъ для него былъ избранъ тотъ самый холмъ, гдѣ во время боя стояла сторожевая башня, отъ которой теперь остались однѣ развалины. Памятникъ готовъ былъ въ 1901 году и обошелся въ 1124 рубля, собранные частью по подпискѣ между офицерами, а частью отпущенные главноначальствующимъ краемъ. Памятникъ вытесанъ изъ сѣраго алгетскаго камня и имѣетъ видъ пирамиды, установленной на высокомъ четырехугольномъ пьедесталѣ съ каменными ступенями. Крестъ, попирающій луну, вѣнчаетъ пирамиду, высота которой вмѣстѣ съ пьедесталомъ достигаетъ свыше двухъ съ половиною сажень. По сторонамъ пьедестала имѣются надписи. Съ одной стороны:

«7-го ноября 1800 года 17-й Егерскій генерала-маіора Лазарева и Мушкетерскій генерала-маіора Гулякова полки, при участіи грузинскаго ополченія царевичей Баграта и Іоанна, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Лазарева, разбили полчища Омаръ-хана аварскаго, вторгнувшагося въ Грузію».

На другой сторонѣ:

«При благосклонномъ содѣйствіи командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа генераль-адъютанта князя Г. С. Голицина, Эриванцы и Кабардинцы своимъ доблестнымъ предкамъ 1-го октября 1901 года».

Въ этотъ день, именно 1-го октября 1901 года, и былъ освященъ памятникъ. Для присутствованія при торжествѣ назначены были отъ cadaго полка (Эриванскаго и Кабардинскаго) по одной сводной ротѣ со знаменемъ и депутація офицеровъ во главѣ со своими полковыми командирами. Общее начальство надъ этимъ отрядомъ поручено было командиру 1-й бригады Кавказской гренадерской дивизіи генераль-маіору Рыльскому. День 1-го октября выдался пасмурный, но несмотря на то стеченіе народа со всѣхъ окрестныхъ деревень было громадное. Въ десять часовъ утра войска выстроились у подножья памятника, и генераль Рыльскій, объѣхавъ роты, въ краткой рѣчи выяснилъ передъ ними великое значеніе боя на Іорѣ, и то вліяніе, которое онъ оказалъ на весь дальнѣйшій ходъ политическихъ событій въ Грузіи. Послѣ панихиды «по убіеннымъ на брани», торжественно отслужено было благодарственное молебствіе и произведено освященіе памятника. Дружный ружейный залпъ и затѣмъ церемоніальный маршъ закончили военное торжество, послѣ чего всѣмъ присутствовавшимъ предложенъ былъ походный обѣдъ, устроенный на самомъ полѣ сраженія. Нѣсколько тысячъ грузинъ, собравшихся на праздникъ и изъявившихъ желаніе провести этотъ знаменательный день вмѣстѣ съ русскими войсками, расположились тутъ же вокругъ нихъ живописными группами. Тосты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, переводились на грузинскій языкъ, и русское «ура», вмѣстѣ съ грузинскимъ «ва́ша» ¹⁾, до поздней ночи гремѣло надъ полемъ, гдѣ за сто лѣтъ передъ

¹⁾ Знаки одобренія.

тѣмъ кипѣла кровавая битва и гибли грозныя, не знавшія дотолѣ пораженія, полчища Омаръ-хана.

Во время обѣда послана была Государю-Императору слѣдующая телеграмма:

«Лейбъ-эриванцы и кабардинцы, освящая сегодня памятникъ, воздвигнутый въ селеніи Какабети въ память столѣтія пораженія полчищъ Омаръ-хана аварскаго на Іорѣ 17-мъ Егерскимъ генерала Лазарева и Мушкетерскимъ генерала Гулякова полками, повергаютъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, своего Державнаго Шефа, безпредѣльную преданность и беззавѣтную готовность, по примѣру предковъ, жертвовать жизнью за престолъ и отечество».

Въ тотъ же день полки осчастливлены были отвѣтною телеграммою Государя Императора:

«Искренно благодарю лейбъ-эриванцевъ и кабардинцевъ за выраженныя чувства по случаю освященія памятника на мѣстѣ славнаго боя ихъ предковъ сто лѣтъ тому назадъ».

«Н И К О Л А Й».

Такая же телеграмма послана была флигель-адъютантомъ полковникомъ Вольскимъ Великому Князю Михаилу Николаевичу, бывшему августѣйшему намѣстнику и главнокомандующему кавказскою арміею.

«Радуюсь,—отвѣчалъ Великій Князь—что лейбъ-эриванцы и кабардинцы почтили память своихъ героевъ, павшихъ сто лѣтъ тому назадъ на рѣкѣ Іорѣ. Искренно благодарю васъ и полковника Руссо за депешу».

«МИХАИЛЬ».

Прошло сто лѣтъ со времени битвы, говоритъ одинъ изъ участниковъ этого праздника. Дожди и вѣтры размыли и разметали поле. Молодой, тощій дубнякъ разросся въ могучіе дубы, и, привѣтливо кивая своими верхушками, шепчутъ они о былой порѣ, которой были свидѣтелями. Обагренная кровью земля поросла травой, и только одинокій памятникъ, стоящій на холмѣ, наводитъ косаря-грузина на размышленіе о кро-

вавомъ прошломъ и настоящей спокойной жизни его родины. Миръ праху вашему честные воины! И пусть этотъ памятникъ явится нѣмымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтелемъ того, какъ лейбъ-эриванцы и кабардинцы чтили подвиги своихъ героевъ, положившихъ начало русскому могуществу въ Закавказьѣ.

VII.

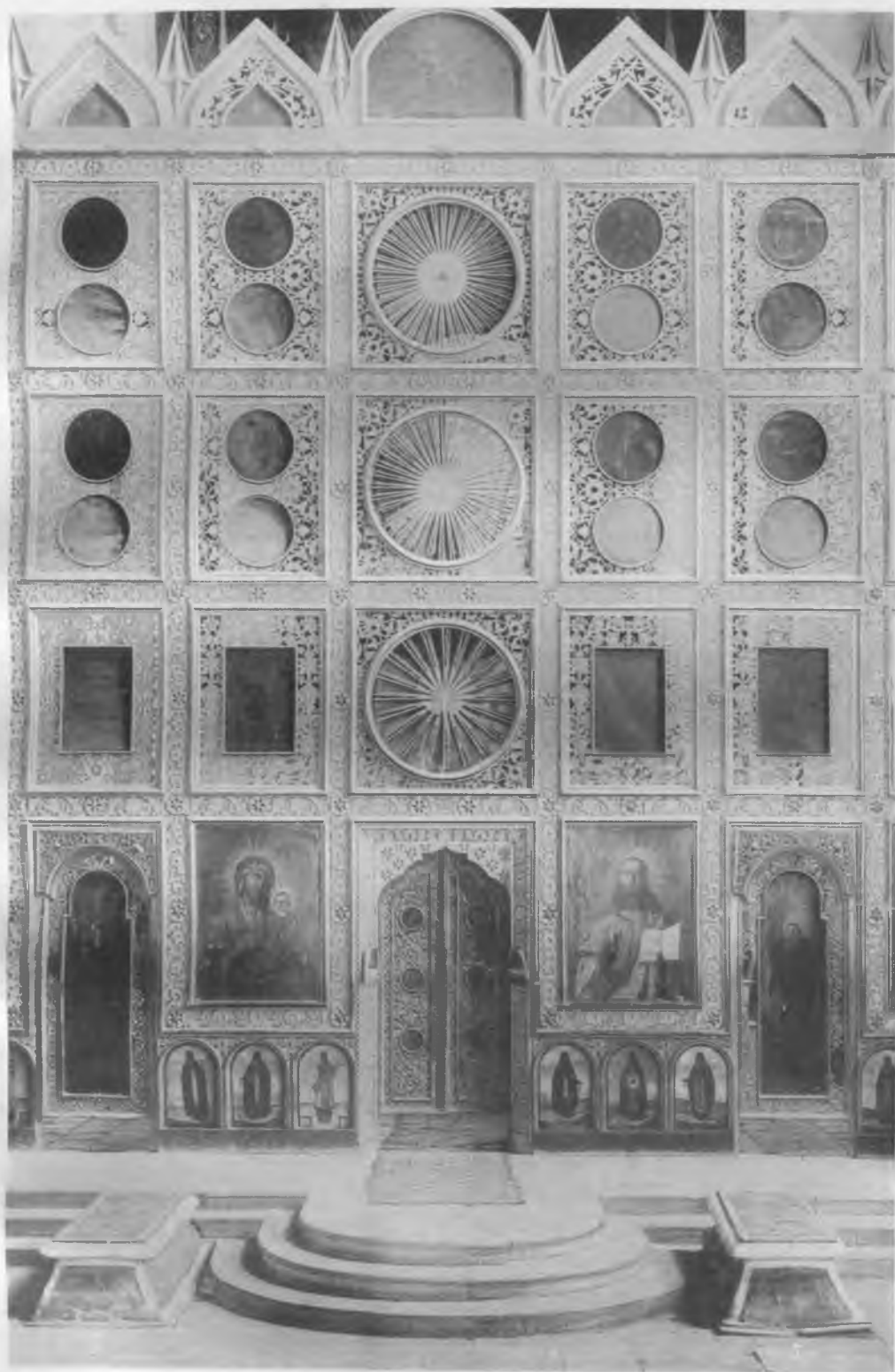
Могила царя Георгія XIII ¹⁾.

Непродолительно было царствованіе преемника Ираклія, Георгія XIII, вступившаго на престолъ въ январѣ 1798 года. Непосильныя государственныя заботы, опасенія новыхъ нашествій, внутреннія смуты и даже крамола въ собственной царской семьѣ, сломили крѣпкое отъ природы здоровье царя и развили въ немъ смертельный недугъ—водяную болѣзнь. Въ половинѣ ноября 1800 года, вслѣдъ за извѣстіемъ объ іорской побѣдѣ, онъ окончательно слегъ въ постель, и врачи не подавали никакой надежды на его выздоровленіе. А между тѣмъ для всѣхъ было ясно, что немедленно по кончинѣ Георгія начнется междоусобная война между его сыновьями и братьями. Лучше другихъ понималъ это самъ умирающій царь и съ одра болѣзни писалъ императору Павлу I, что Грузія должна покончить свое самобытное политическое существованіе, и что грузинскій народъ желаетъ теперь же единственно и навсегда вступить въ составъ Россійской Имперіи, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца.

Императорскій манифестъ послѣдовалъ въ этомъ смыслѣ въ С.-Петербургѣ 18-го декабря 1800 года, а 28-го декабря въ Тифлисѣ скончался царь Георгій XIII.

Такимъ образомъ, грузинскій престолъ былъ упраздненъ

¹⁾ «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», т. I, гл. 1, Изд. Воен.-Истор. Отд. 1901 г. А. Нагровъ. Михетъ и его соборъ Свѣти-Цховели.

Мцхетский соборъ Двѣнадцати Апостоловъ (внутренний видъ) съ гробницами грузинскихъ царей Георгія XIII (I) и Ираклія II (II)

и династія Багратидовъ, считавшая за собою цѣлое тысячилѣтіе, перестала царствовать въ Грузіи. 16-го февраля 1801 года всѣ грузинскіе князья, дворянство и народъ, имѣя во главѣ царевича Давида и прочихъ членовъ царскаго дома, принесли присягу въ Сіонскомъ соборѣ на вѣрность новому своему государю императору Павлу Петровичу, а 17-го—то же самое исполнено было армянскимъ населеніемъ столицы, сопровождавшимъ этотъ обрядъ особенною церемоніею.

Утромъ, по первому удару соборнаго колокола, духовенство въ числѣ восьми архимандритовъ и до ста священниковъ выступило со всѣхъ армянскихъ церквей и, соединившись въ общій крестный ходъ, направилось черезъ Тифлисъ къ загородному монастырю Ванкъ. За этой процессіей двое именитѣйшихъ гражданъ Тифлиса несли портретъ императора Павла, а за нимъ шествовалъ самъ митрополитъ въ торжественномъ облаченіи, но безъ митры, держа надъ головой серебряное блюдо, а на немъ манифестъ, покрытый розовымъ флеромъ. Народъ, предшествуемый царевичемъ Давидомъ и генералами Лазаревымъ и Гуляковымъ, шелъ за крестнымъ ходомъ тысячными толпами. Патріархъ Арменіи Іосифъ Аргутинскій, въ полномъ облаченіи древнихъ святителей, встрѣтилъ процессію въ оградѣ соборной церкви. Окадивъ портретъ императора, онъ палъ передъ нимъ на землю, поцѣловалъ его и, высоко приподнявъ его надъ головами присутствующихъ, громогласно произнесъ:

«Да здравствуетъ великій и августѣйшій монархъ нашъ со всѣмъ домомъ!» Народъ отвѣчалъ шумными и радостными кликами. Затѣмъ процессія вступила въ церковь. Тамъ передъ алтаремъ на особомъ аналоѣ, покрытомъ богатою парчею, положенъ былъ манифестъ и рядомъ поставленъ портретъ императора. Патріархъ самъ совершалъ литургію, а затѣмъ, по окончаніи благодарственного молебствія, весь народъ приведенъ имъ къ присягѣ.

Какъ въ этотъ, такъ и въ предшествовавшій дни, русскіе офицеры, сопровождаемые казачьимъ эскортомъ, ѣздили по улицамъ Тифлиса и читали народу манифестъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ.

По окончаніи всѣхъ церемоній, грузинскіе царевицы Іоаннъ, Багратъ и Михаилъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ князьями Аваловымъ и Палавандовымъ, отправились въ Петербургъ, «чтобы передъ лицомъ русскаго монарха засвидѣтельствовать цѣлому свѣту, что принятіе Грузіи въ подданство Россіи совершилось по общему единодушному желанію всего грузинскаго народа».

И Божья благодать сошла
На Грузію. Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаясь враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ. . . . ¹⁾

Такъ закончила свое самобытное, политическое существованіе Грузія. Всѣ знаки царской инвеституры: тронъ, государственное знамя, мечъ, корона, скипетръ и держава отправлены были въ Москву и нынѣ хранятся въ московской императорской оружейной палатѣ.

Прахъ Георгія XIII, послѣдняго царя изъ дома Багратидовъ, покойся во Мцхетѣ, въ соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ,— въ этой вѣковой усыпальницы грузинскихъ царей. Тамъ, передъ царскими вратами, по одну сторону амвона, какъ было сказано,—могила Ираклія II, по другую—Георгія XIII. Это та семья могильныхъ плитъ,—

Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой, и о томъ,
Какъ удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой то царь, въ такой то годъ
Вручилъ Россіи свой народъ. . . . ²⁾

¹⁾ Лермонтовъ. «Мцыри».

²⁾ Тамъ же.

Надъ могилой Георгія возвышается такой же саркофагъ какъ и надъ могилой Ираклія, а на мраморной плитѣ вырѣзана слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится царь Георгій, который родился въ 1750 и вступилъ на престолъ Грузинскій въ 1798 году. Для благоденствія подданныхъ своихъ въ 1799 году уступилъ Грузію Русской Имперіи и скончался въ 1800 году. Чтобы оставить въ памяти потомства царствованіе сего царя, отъ имени Его Императорскаго Величества Государя Александра I, воздвигнуть памятникъ сей въ 1812 году главноначальствующимъ въ Грузіи Маркизомъ Паулуччи».

VIII.

Крестъ св. Нины¹⁾.

Къ памятникамъ первыхъ временъ утвержденія русскаго владычества за Кавказомъ, мы должны отнести крестъ св. Нины,—эту величайшую народную святыню Грузіи, возвращенную ей императоромъ Александромъ I, какъ особый актъ благоволенія его къ грузинскому народу.

Крестъ этотъ, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и переплетенный собственными волосами св. Нины, врученъ былъ ей, какъ передаютъ церковныя преданія, самою Богородицею въ сонномъ видѣніи. Съ этимъ крестомъ она явилась въ Иверію въ началѣ IV вѣка и проповѣдовала евангеліе среди картвельскихъ племенъ. Послѣ 35-ти-лѣтнихъ апостольскихъ подвиговъ, она опочила въ Кахетіи, близъ нынѣшняго города Сигнаха, и царь Миріанъ на самомъ мѣстѣ ея кончины соорудилъ первую церковь во имя св. Георгія, въ предѣлѣ которой и положилъ

¹⁾ А. Натроевъ. Михетъ и его соборъ Свѣти-Цховели. «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ». Изд. Воен. Истор. Отдѣла, 1901 г., т. I, гл. 2.

мощи святой проповѣдницы. Впослѣдствіе при этой церкви учредилась митрополія Бодбійская и возникъ Бодбійскій монастырь, откуда распространилась евангельская проповѣдь въ горахъ Кавказа. Бодбійскому митрополиту принадлежало исключительное право вѣнчать на царство Кахетинскихъ царей и хранить боевое знамя, которое во дни войны вручалось вождю передоваго грузинскаго войска. По кончинѣ равноапостольной Нины, крестъ, оставленный ею, сохранялся во время вражескихъ нашествій то въ Мцхетѣ, то въ Ананурѣ, и изъ этого послѣдняго города былъ тайно увезенъ въ Россію въ 1749 году тифлисскимъ митрополитомъ Романомъ, который и передалъ его въ Москвѣ царевичу Бакару, сыну царя Вахтанга VI, переселившагося въ царствованіе Петра Великаго въ Россію. Съ тѣхъ поръ святыня эта находилась въ селѣ Лысковѣ, Нижегородской губерніи, въ имѣніи князей грузинскихъ, потомковъ царя Вахтанга VI. Когда манифестъ 12-го сентября 1801 года возвѣстилъ объ окончательномъ присоединеніи Грузіи къ русскому царству, князь Георгій Александровичъ Грузинскій, внукъ царевича Бакара, принесъ этотъ крестъ въ даръ императору Александру I, который повелѣлъ возвратить его обратно въ Грузію.

«Зная—сказано было въ рескриптѣ 15-го октября 1801 г. на имя генерала Кнорринга, временно управлявшаго Грузіей—сколь благоговѣйное уваженіе народъ грузинскій издревле питалъ къ честному и животворящему кресту св. Нины, и что сохраненіе сей святыни среди него было знаменемъ благосостоянія, тогда какъ удаленіе ея отъ предѣловъ иверійскихъ было эпохою браней, раздоровъ и бѣдствій, постигавшихъ страну,—мы давно уже помышляли возвратить Грузіи сей залогъ Божьяго къ ней благоволенія и таинственную печать ея блаженства. Нынѣ Всевышній, благословляющій подвиги наши въ пользу сего народа, ниспослалъ и сей безцѣнный даръ въ сокровищницу нашу. Воспріявъ его съ подобающимъ благодареніемъ къ всесиль-

Гор. Тифлисъ. Крестъ св. Нины въ Сіонскомъ
соборѣ.

ному Его промыслу, мы съ чувствомъ истиннаго удовольствія препровождаемъ его грузинскому народу. . . .

«Мы поручаемъ вамъ, возвѣстивъ всенародно о перенесеніи честнаго креста просвѣтительницы Иверіи въ страну грузинскую, учредить срѣтеніе его, съ подобающею честью теплою вѣрѣ и твердому упованію сообразное и поставить его въ главномъ храмѣ тифлисскомъ. Водруженный среди народа, къ нему благоговѣющаго, да будетъ онъ залогомъ и утвержденіемъ его счастія, да вмѣстѣ съ нимъ возвратятся въ страны сіи миръ и благоустройство, да исцѣлитъ чудесная сила креста безчисленныя раны, мятежомъ и внутренними раздорами нанесенныя, и да увѣнчаетъ благодать Вышняго намѣреніе и подвиги наши во спасеніе народа грузинскаго, во славу его и въ преуспѣваніе предпріятыя» ¹⁾).

Въ началѣ 1802 года крестъ, отправленный изъ Петербурга, былъ доставленъ въ сел. Степанъ-цминда (нынѣ Казбекъ), гдѣ его встрѣтила депутація отъ духовенства и администраціи Грузіи. По пути въ Ананурѣ, древнемъ мѣстопробываніи бывшихъ владѣльцевъ Арагвскихъ, потомъ въ сел. Гартискари, въ мѣстечкѣ, нѣкогда составлявшемъ предмѣстье древней грузинской столицы, и, наконецъ, въ Мцхетѣ, св. крестъ останавливался, и высшее духовенство соборне служило при громадномъ стеченіи народа благодарственные молебны. Въ Мцхетѣ духовную процессію встрѣтилъ самъ католикосъ всей Грузіи Антоній со всѣмъ священническимъ чиномъ кахетинскихъ и карталинскихъ церквей, а на другой день, 9-го апрѣля 1802 года, крестъ торжественно внесенъ былъ въ Тифлисъ и, встрѣченный восторженною радостію народа, положенъ въ Сіонскомъ соборѣ.

Нынѣ онъ хранится въ особомъ кіотѣ у сѣверныхъ дверей иконостаса этого храма и представляетъ крестообразно сложенную толстую виноградную лозу, связанную собственны-

¹⁾ Акты Кавк. археогр. комиссіи, т. I, № 652.

ми власами св. Нины на шелковыхъ нитяхъ. Крестъ обвить парчевымъ покрываломъ, а по сторонамъ его на серебряной вызолоченной доскѣ изображены событія и чудеса, сопровождавшія проповѣдь и апостольское служеніе св. Нины въ Грузіи, съ надписями на нихъ церковно-грузинскими буквами. Одинъ разъ въ годъ, наканунѣ 14-го января, во время все-нощнаго бдѣнія крестъ этотъ выносится изъ своего хранилища и на особомъ аналоѣ ставится на срединѣ церкви для общаго народнаго поклоненія. Здѣсь онъ остается весь день 14-го января, когда православная церковь празднуетъ память св. Нины просвѣтительницы Грузіи и затѣмъ торжественно относится на свое обычное мѣсто.

IX.

Могила генерала Лазарева и царицы Маріи ¹⁾).

Не прошло мѣсяца послѣ присяги, принесенной грузинскимъ народомъ императору Павлу Петровичу,—какъ онъ скончался и довершить начатое имъ дѣло довелось уже его преемнику императору Александру I. Манифестъ 12-го сентября 1801 года возвѣстилъ народу объ окончательномъ присоединеніи къ Россіи Грузинскаго царства, при чемъ государь объявилъ торжественно, что дѣлаетъ это «не для корысти, не для приращенія силъ или распространенія предѣловъ, и безъ того обширнѣйшей имперіи въ свѣтѣ, а единственно изъ челоуѣколюбія, которое налагаетъ на него священный долгъ внять моленію страждущихъ и отвратить отъ нихъ скорбь учрежденіемъ такого правленія, которое могло бы утвердить въ землѣ ихъ правосудіе, личную безопасность и дать каждому защиту закона».

¹⁾ «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», Изд. Воен.-Истор. Отд. 1901 г., т. I, гл. 3.

Истомленная борьбою, страна эта дѣйствительно требовала энергичнаго, твердаго правителя, и въ этомъ отношеніи выборъ Государя палъ на князя Павла Дмитриевича Циціанова. Выборъ этотъ былъ безошибоченъ. Въ короткое время своего управленія Циціановъ успѣлъ не только успокоить Грузію, покончивъ разъ на всегда съ ея внутренними смутами, но совершенно измѣнилъ карту Закавказскаго края, оставивъ Закавказье почти въ настоящихъ его предѣлахъ и намѣтивъ то, что должны были совершить его преемники.

Когда Циціановъ прибылъ въ Тифлисъ, страна находилась въ полной анархіи. Слабое управленіе генерала Кнорринга не могло успокоить Грузію отъ внутреннихъ смутъ, которыя поддерживали то одинъ, то другой царевичъ, домогавшійся сѣсть на престолъ Ираклія. Циціановъ, самъ грузинъ и близкій родственникъ царицы Маріи, вдовствующей супруги Георгія XIII, урожденной также княжны Циціановой—хорошо зналъ свою родину и ясно видѣлъ, что Россіи предстоитъ одно изъ двухъ: или отозвать обратно войска и обратить страну на жертву анархіи, или ввести твердое управленіе, сообразное съ достоинствомъ и нуждами народа, для чего необходимо было выслать изъ Грузіи въ Россію всѣхъ членовъ грузинской царской фамилии, и Циціановъ принялся за это дѣло со свойственною ему настойчивостью. Высылка престарѣлой царицы Дарьи, супруги Ираклія, и нѣкоторыхъ царевичей произошла безъ особеннаго затрудненія; но когда дошла очередь до вдовствующей царицы Маріи, она сказалась больной и намѣревалась бѣжать со своими дѣтьми въ Хевсурію. Циціановъ, извѣщенный объ этомъ, приказалъ генералу Лазареву оцѣпить домъ царицы и, если представится надобность, то арестовать ее и отправить въ Моздокъ. Лазаревъ прибылъ во дворецъ утромъ 19-го апрѣля 1803 года, сопровождаемый нѣсколькими офицерами 17-го Егерскаго полка, тифлисскимъ комендантомъ княземъ Саакадзе и полицеймейстеромъ

Сургуновымъ. Царица приняла его, сидя на тахтѣ; но едва Лазаревъ приблизился, чтобы объявить ей приказъ Циціанова, какъ въ рукахъ Маріи сверкнулъ кинжалъ, и Лазаревъ, пораженный въ бокъ, мертвый палъ на порогъ комнаты. Тогда полицеймейстеръ Сургуновъ самъ бросился къ царицѣ и вырвалъ изъ рукъ ея оружіе, но въ свою очередь былъ раненъ въ плечо дѣтми Маріи, царевичемъ Джабраиломъ и царевной Тамарой. Несмотря на то, царская семья была арестована и въ тотъ же день отправлена въ Россію. Справедливо раздраженный смертью достойнаго генерала Лазарева, Циціановъ предписалъ обращаться въ пути съ Марією и ея дѣтми, не какъ съ особами царскаго рода, а какъ «съ плѣнниками и смертоубійцами».

Погребеніе Лазарева послѣдовало 22-го апрѣля 1803 года подъ сводами Сіонскаго храма. «Самый церемоніаль,—писалъ Циціановъ,—учрежденъ былъ съ должною почестью и съ возможнымъ великолѣпіемъ, дабы доказать въ сей новой для нашихъ обычаевъ землѣ, сколь уважаются въ Россіи геройскія жертвы долга, чести и усердія. При семъ я удостовѣрился лично въ чистосердечной преданности къ намъ грузинскаго народа и въ горестныхъ единодушныхъ знакахъ сожалѣнія его, какъ о потерѣ сего достойнаго генерала, стяжавшаго народную любовь и довѣренность, такъ и о несчастной судьбѣ его постигшей».

Къ сожалѣнію, теперь только немногимъ извѣстно, что Лазаревъ погребенъ въ Сіонскомъ соборѣ. Камень съ надписью, лежавшій на его могилѣ, болѣе не существуетъ и нынѣ посѣтитель храма не найдетъ мѣста вѣчнаго успокоенія того, кто въ первые смутные годы вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть тогдашнихъ событій въ Грузіи, кто заложилъ первый камень въ фундаментъ русской славы своею побѣдою на Іорѣ.

Другая судьба ожидала царицу Марію Георгіевну. Проведя семь лѣтъ въ Воронежѣ, въ Бѣлогородскомъ женскомъ

монастырѣ, она получила прощеніе и спокойно дожила свой долгій вѣкъ въ Москвѣ, гдѣ умерла въ 1850 году 80-ти лѣтъ отъ роду.

Прошло 47 лѣтъ со дня кровавой катастрофы, лишившей Россію доблестнаго Лазарева, и все-примиряющая смерть примирила и почившую съ русскимъ народомъ. Все было забыто, все прощено,—и прахъ послѣдней грузинской царицы, перевезенной изъ Россіи въ Грузію, 18 го мая 1850 года съ царскими почестями былъ погребенъ въ Мцхетскомъ соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ, тамъ, гдѣ покоится и ся царственный супругъ.

Елисаветполь. Башня, гдѣ палъ Джеватъ-ханъ ганжинскій при
штурмѣ 1804 г.

Памятники временъ князя Циціанова.

I.

Старая крѣпость Ганжа ¹⁾.

Прошло болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ древняя Ганжа перешла во владѣніе русскихъ и теперь подъ именемъ Елисаветполя составляетъ одинъ изъ пяти губернскихъ городовъ нашего Закавказья.

Въ исторіи распространенія русскаго владычества въ краѣ Ганжѣ выпала крупная роль, благодаря тому стратегическому положенію, которое она занимала на персидской границѣ и мужеству послѣдняго владѣтеля ея Джевать-хана ганжинскаго. Начавъ, по пріѣздѣ въ Грузію, съ укрощенія джаро-белаканскихъ лезгинъ, князь Циціановъ для дальнѣйшаго огражденія русскихъ предѣловъ придавалъ первостепенную важность покоренію Ганжинскаго ханства, считавшагося въ то время ключемъ къ сѣвернымъ провинціямъ Персіи. Нужно было найти только какой-нибудь предлогъ къ открытію военныхъ дѣйствій,—и предлогъ былъ найденъ.

«Первая и главная причина моего прихода сюда,—писалъ онъ Джевать-хану,—вступая въ его владѣнія въ ноябрѣ 1803 года, та, что Ганжа со временъ царицы Тамары принадлежала Грузіи и только слабостью царей грузинскихъ отторгнута отъ оной. Россія не можетъ смотрѣть съ равнодушіемъ на расторженіе Грузіи, и недостойно бы было съ силою и достоинствомъ высокомошной и Богомъ вознесенной Россій-

¹⁾ «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», т. I, гл. 5-я. Изд. Военно-Историческаго Отдѣла 1901 года.

ской Имперіи оставить Ганжу, яко достояніе и часть Грузіи, въ рукахъ чуждыхъ».

Джеватъ-ханъ, тотъ самый, который явился злѣйшимъ врагомъ христіанъ въ время разгрома Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ, отвѣчалъ самоувѣренно, что дастъ отпоръ, и что ежели русскія пушки длиною въ аршинъ, то его пушки въ четыре аршина.

Послѣ такого отвѣта русскія войска ¹⁾ двинулись къ Ганжѣ и 2-го декабря 1803 года, овладѣвъ городскими садами и предмѣстьемъ, обложили крѣпость. Началось бомбардированіе городъ. Джеватъ-ханъ защищался геройски. Цѣлый мѣсяцъ длилась осада; пять разъ возобновлялъ Циціановъ требованіе сдать городъ, но все было напрасно. «Я возьму крѣпость и предамъ тебя смерти»,—писалъ онъ упрямому хану. — «Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ»,—отвѣчалъ Джеватъ, и оба клялись исполнить свое обѣщаніе. Наконецъ, 2-го января 1804 года военный совѣтъ порѣшилъ: «быть штурму на слѣдующій день».

Приступъ начался на разсвѣтѣ 3-го января 1804 года. Колонна генерала Портнягина (кавказскіе гренадеры, севастопольцы и три эскадрона спѣшенныхъ нарвскихъ драгунъ) первая бросилась на стѣны, но сопротивленіе, встрѣченное ею, было такъ велико, что русскія войска два разъ возобновляли штурмъ и дважды были отбиты съ значительнымъ урономъ. Тогда Портнягинъ самъ сталъ во главѣ колонны и первый взошелъ на стѣну. Вслѣдъ за нимъ появился Нарвскаго драгунскаго полка поручикъ Кейтъ и тутъ же палъ, пораженный нѣсколькими пулями. Та же участь постигла майора Бартенева, который, несмотря на свои преклонныя лѣта, бросился впередъ, желая увлечь за собою баталіонъ севастопольцевъ. Наконецъ,

¹⁾ 17-й Егерскій (нынѣ Эриванскій) полкъ, одинъ баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго (нынѣ Грузинскій) полка, Севастопольскій полкъ, три эскадрона Нарвскихъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и 11 ть орудій 9-го артиллерійскаго полковника Ахвердова полка (нынѣ 20-я артиллерійская бригада).

уже подполковнику Симановичу во главѣ кавказскихъ гренадеръ и майору Фитингофу съ нарвскими драгунами, удалось ворваться въ крѣпость и выручить Портнягина, окруженнаго татарами. «Титло храбраго,—писалъ Циціановъ,—не я даю генералу Портнягину, а солдаты, предводимые имъ, единогласно провозгласили сіе послѣ штурма». Одновременно съ нимъ другая колонна изъ двухъ баталіоновъ 17-го Егерскаго полка, предводимая «храбрымъ, посѣдѣвшимъ подъ ружьемъ», полковникомъ Карягинимъ, вошла на стѣны со стороны тифлисскихъ воротъ и, распространившись по нимъ, овладѣла одна за другою тремя главными башнями. Въ одной изъ нихъ, Каджи-кале, былъ убитъ самъ Джаватъ ханъ, не захотѣвшій искать спасенія въ бѣгствѣ. Видя безвыходность своего положенія, онъ сѣлъ на пушку и съ саблею въ рукѣ защищался, пока не былъ изрубленъ капитаномъ 17-го Егерскаго полка Каловскимъ; но и самъ Каловскій былъ тутъ же изрубленъ татарами.

Между тѣмъ солдаты втащили за собою на стѣны огромныя пятисаженныя лѣстницы и по нимъ стали спускаться въ городъ, гдѣ толпы конныхъ и пѣшихъ татаръ въ безпорядкѣ носились по улицамъ, тщетно разыскивая уже погибшій ханскій бунчукъ. Растерявшіеся жители оглашали воздухъ неистовыми криками. Сопротивленія нигдѣ уже не встрѣчалось, и только въ ханской мечети вспыхнулъ отчаянный бой, закончившійся истребленіемъ пятисотъ послѣднихъ, запершихся въ ней, ганжинскихъ защитниковъ.

Въ политическомъ отношеніи взятіе Ганжи было событіемъ чрезвычайной важности; а потому, желая убѣдить побѣжденныхъ, что русскіе никогда уже не оставятъ завоеваннаго края и чтобы самое названіе Ганжи истребить изъ памяти народной, князь Циціановъ наименовалъ Ганжу—Елисаветполемъ, въ честь императрицы Елисаветы Алексѣевны, а самое ханство, подъ именемъ Елисаветпольскаго округа, включилъ въ составъ Россійской Имперіи.

Тогда же бывшая ханская мечеть была обращена Циціановымъ въ православную церковь, воздвигнутая во имя Захарія и Елисаветы. Старинная церковная утварь, а также облаченія, воздухи и пелены приготовлены собственными руками императрицы Елисаветы Алексѣевны и вдовствующей Маріи Феодоровны, (супруги Павла I).

Въ заключеніе необходимо указать, что герои, павшіе при взятіи Ганжи: маіоръ Бартеневъ, капитанъ Каловскій, поручикъ Кейтъ и всѣ нижніе чины преданы были землѣ, по сказанію старожилловъ, въ двухъ братскихъ могилахъ у армянской церкви Суригъ-Саркисъ. Въ настоящее время остались едва замѣтные слѣды могильной насыпи гдѣ погребены нижніе чины и потому не лишнее было бы отмѣтить ее, на память позднѣйшимъ поколѣніямъ, хотя бы простымъ крестомъ, въ которомъ не отказываютъ ни одному христіанскому покойнику. Надъ могилой офицеровъ много лѣтъ тому назадъ чьею-то заботливою рукою поставленъ небольшой, весьма скромный памятникъ, но теперь онъ пришелъ также въ полное разрушеніе.

II.

Комнаты князя Циціанова.

Прошло со взятіи Ганжи сорокъ три года. Новый Намѣстникъ Кавказа, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, самъ въ молодыхъ лѣтахъ участникъ ганжинскаго штурма, посѣтилъ Елисаветполь 15-го апрѣля 1846 года и встрѣченъ былъ огромными толпами народа на той самой площади и передъ тою самою мечетью, гдѣ при осадѣ крѣпости помѣщалась главная квартира Циціанова. Тогда здѣсь было предмѣстье, теперь возникъ цѣлый городъ, а старая Ганжа, постепенно разрушающаяся, доживала свои послѣдніе годы. Время давно уже изгладило въ ней кровавые слѣды минувшихъ битвъ, рассыпались ее старыя башни и стѣны, напоминавшія времена дикаго

1.

2.

Ереваніполь. Мечеть Шейх-Аббаса (1) и кюмбети князя Цицианова во
дворѣ мечети (2).

варварства, исчезъ ханскій дворецъ, но на ихъ мѣстахъ воцарилось не могильное запустѣнiе, а выросла новая, вполне благоустроенная часть города.

Надъ пестрою и разнохарактерною толпою народа, встрѣтившей Намѣстника, тогда, какъ и въ старые годы, вѣяли большіе цѣховыя знамена. Но тогда знамена эти стояли на городской стѣнѣ, окружая ханскій бунчукъ, а теперь они явились эмблемой мирнаго труда населенія. Много пронеслось тогда воспоминаній въ головѣ стараго военачальника. Площадь, на которой происходила встрѣча, была все та же, какую помнилъ ее Воронцовъ въ 1804 году: тотъ же каменный караванъ-сарай, одинъ изъ обширнѣйшихъ во всемъ Закавказьѣ, та же мечеть Шахъ-Аббаса съ ея параболическимъ, точно приплюснутымъ куполомъ, на которомъ покоилась луна, вѣнчавшая зданіе; тѣ же, обступившіе площадь, гигантскіе чинары, нѣмые свидѣтели прихода сюда побѣдоносныхъ войскъ Зубова, Циціанова, Ермолова и Паскевича.

Черезъ массивныя сводчатыя ворота, украшенныя двумя минаретами, Намѣстникъ вошелъ въ мечеть, освѣщенную такими же старыми чинарами, какъ и самое зданіе, которому насчитывалось около 300 лѣтъ; мечеть сохранилась до нашего времени почти въ свсемъ первоначальномъ видѣ. Дворъ, какъ былъ и тогда, обнесенъ каменною стѣною, а внутри двора вдоль стѣнъ устроенъ рядъ помѣщений для духовенства, школъ и дервишей. Противъ западной стѣны мечети князь Воронцовъ указалъ своимъ спутникамъ двѣ небольшія комнаты, въ которыхъ жилъ Циціановъ во время осады, и гдѣ онъ любилъ останавливаться впоследствии, посѣщая Ганжу. По приказанію князя Воронцова, пожелавшаго сохранить эти комнаты на память потомству, онѣ были реставрированы и приведены въ ихъ первоначальный видъ, а надъ дверями прибита мраморная доска съ вызолоченною надписью:

«Здѣсь жилъ покоритель Ганжи князь Циціановъ».

Не безъ волненія любознательный путешественникъ переступаетъ порогъ этихъ комнатъ, но онъ не найдетъ теперь въ нихъ ничего изъ той обстановки, которая была при Циціановѣ и поддерживалась еще Воронцовымъ. Даже единственное украшеніе ихъ — мраморная дощечка съ надписью и та пропала безслѣдно. Теперь эти забытыя комнаты, которыя удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Императоръ Александръ II, въ бытность его наслѣдникомъ русскаго престола приходившій сюда поклониться памяти славнаго вождя, служатъ для помѣщенія дервишей; вся внутренняя обстановка ихъ, даже старинныя сводчатая окна и двери все передѣлано и остался не тронутымъ только одинъ каминъ или очагъ, передъ которымъ сиживалъ Циціановъ, погруженный въ свои глубокія думы. Здѣсь передъ этимъ самымъ каминомъ, больной, тревожимый мрачнымъ предчувствіемъ, онъ проводилъ тяжелыя безсонныя ночи, приготавлиаясь къ походу въ Баку, и отсюда же послалъ свое послѣднее письмо къ своему другу В. Н. Зиновьеву, — письмо нѣсколько странное, служившее однако какъ бы свидѣтельствомъ тѣхъ скрытыхъ тайниковъ нашей души, которые, при всемъ развитіи ума человѣческаго, навсегда останутся для него неразрѣшимой загадкою. «Помолись, — говорилось въ этомъ письмѣ, — чтобы я выѣхалъ отсюда цѣлъ или живъ. Я выведу тебѣ славную лошадь, подъ именемъ Заидъ-ханъ, росту большого, бѣзды прекрасной и тебѣ она по завѣщанію назначена, хотя бы я здѣсь умеръ или убитъ былъ». Ладинскій ¹⁾ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ также странный случай, котораго онъ былъ очевидцемъ. Онъ говоритъ, что пока они жили въ Елисаветполѣ, каждую ночь на крышѣ того дома, гдѣ помѣщался Циціановъ, появлялась собака и страшно выла, не давая никому покою. Собаку наконецъ убили, но на ея мѣсто стали являться другія, и зловѣщія завыванія ихъ не прекращались

¹⁾ Тогда поручикъ 17-го Егерскаго полка, впоследствии при князѣ Воронцовѣ начальникъ гражданскаго управленія на Кавказѣ.

до самага отъѣзда князя. Это на всѣхъ наводило уныніе и, къ несчастью, суевѣрныя ожиданія, вызванныя этимъ загадочнымъ фактомъ, исполнились скорѣе, чѣмъ можно было думать.

Какъ не пожелать, чтобы благая мысль князя Михаила Семеновича Воронцова сохранить народу память о славномъ имени князя Циціанова была поддержана и въ наше время. И если невозможно уже реставрировать комнаты, то установить по крайней мѣрѣ мраморную дощечку съ тою же надписью, какая была раньше.

III.

Гробница Джебать-хана.

Крѣпость Ганжа, какъ уже сказано, взята была штурмомъ, и на стѣнахъ ея палъ геройскою смертью самъ Джебать-ханъ, послѣдній владѣтель нѣкогда грознаго Ганжинскаго ханства. Трофеями русскихъ, кромѣ большихъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, были: 12 орудій, 6 фальконетовъ, штандартъ съ изображеніемъ на древкѣ руки Магомета и восемь знаменъ, изъ которыхъ одно, какъ доносилъ Циціановъ, съ нарисованнымъ львомъ и надписями, «большой почитается здѣсь важности». По всей вѣроятности это и былъ знаменитый ханскій бунчукъ, взятый колонной Карягина. Плѣнныхъ было до 18-ти тысячъ. Въ числѣ ихъ представили князю Циціанову и ханское семейство, находившееся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Уважая военную доблесть своего противника, павшаго геройскою смертью, Главнокомандующій даровалъ его семейству свободу и щедро одарилъ деньгами и подарками. Въ то же время онъ приказалъ разыскать тѣло Джебать-хана и похоронить его въ оградѣ мечети Шахъ-Аббаса со всѣми почестями, подобающими его высокому сану. Здѣсь прахъ Джебать-хана покоился до 1819 года, когда перевезенъ

былъ въ Персію однимъ изъ его сыновей, и преданъ землѣ въ Кербалаѣ, — въ городѣ считающемся священнымъ въ глазахъ мусульманъ-шиитовъ. Надгробная плита, которая украшала гробницу Джеватъ-хана, была увезена вмѣстѣ съ прахомъ въ Кербалай, а надъ бывшей его гробницей установлена другая, точное ея воспроизведеніе, если не считать нѣсколькихъ новыхъ надписей, прибавленныхъ къ старой и относящихся уже къ позднѣйшимъ потомкамъ Джеватъ-хана, которые послѣ него унаследовали его усыпальницу. Вотъ что гласитъ старая надпись:

«Собственный саркофагъ Джеватъ-хана - Зіадъ-хана-оглы изъ династїи Каджаровъ, Беглеръ-бега Ганжи.

«Очень жаль, что кругообращеніе небосклона не зависитъ отъ нашего желанія.

«Въ этой мрачной землѣ всѣ будутъ погребены и дервиши бѣдняки, и шахи, и ханы.

«Настоящее мѣсто сооружено въ Ганжѣ Джеватъ-ханомъ, пресбывающимъ въ раю.

«Принеся много святой земли (турбета) отъ порога мучениковъ въ Кербалы, и, оштукатуривъ это мѣсто турбетомъ, назначилъ его домомъ спасенія для покойниковъ своего рода

«Въ Бозѣ почивающій Джеватъ-ханъ преставился въ 1218 (1804) году.

«О, Боже! Во имя мученика Гуссейна, шаха нашей вѣры, ниспосли дождь милосердія своего на сей прахъ.

«Увѣковѣчь мѣсто для сей династїи, а равно увѣковѣчь память о вдохновеніи Фани и его почеркѣ» ¹⁾.

IV.

Памятникъ Котляревскому.

2-го декабря 1803 года русскія войска подошли къ Ганжѣ, и городскіе сады, примыкавшіе къ крѣпости, были взяты

¹⁾ Фани — псевдонимъ автора этой надписи.

Гор. Елисаветполь. Памятникъ Котляревскому.

приступомъ. Здѣсь, въ этомъ упорномъ бою, командиръ одной изъ егерскихъ ротъ штабсъ-капитанъ Котляревскій, — будущій герой Ахалкалакъ, Мигри. Асландуза и Ленкорани, — на глазахъ Цицпанова первый перескочилъ черезъ наружную ограду садовъ и былъ раненъ пулей, раздробившей ему ногу. Рана была такъ тяжела, что Котляревскаго сочли убитымъ и оставили на полѣ сраженія. Но молодой графъ М. С. Воронцовъ (тогда еще поручикъ Преображенскаго полка) замѣтилъ въ немъ признаки жизни и поднялъ его вмѣстѣ съ рядовымъ Богатыревымъ: но Богатыревъ тутъ же былъ убитъ, и Воронцовъ одинъ на своихъ плечахъ вынесъ Котляревскаго, который до глубокой старости помнилъ этотъ случай, послужившій началомъ его неразрывной, сорока-восмилѣтней дружбы съ будущимъ Намѣстникомъ Кавказа.

Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, а имя Котляревскаго сдѣлалось уже достояніемъ лучшихъ страницъ русской исторіи, и немного вождей стяжали себѣ такую громкую славу, какъ онъ. Спустя девять лѣтъ послѣ паденія Ганжи, бѣдный, никому неизвѣстный армейскій штабсъ-капитанъ, на тридцатомъ году своей жизни, былъ уже генерал-лейтенантомъ и кавалеромъ св. Георгія 2-го класса большого креста. Но судьба положила предѣлъ его легендарнымъ подвигамъ. Жестоко израненный на штурмѣ Ленкорани 31-го декабря 1812 года, онъ вынужденъ былъ навсегда покинуть свое блестящее боевое поприще и, поселившись въ Крыму, дожился до 70-ти лѣтъ, но уже живымъ мертвецомъ, не выходя изъ дома въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ мучительной жизни.

Въ 1846 году князь М. С. Воронцовъ — тогда уже Главнокомандующій кавказскою арміею — посѣтилъ старую Ганжу и, объѣзжая ея окрестности, указалъ то мѣсто, на которомъ впервые былъ раненъ Котляревскій. Онъ приказалъ поставить здѣсь памятникъ, чтобы почитать имя вождя, передъ которымъ съ изумленіемъ останавливались позднѣйшіе историки. Скром-

ный мавзолей воздвигнуть былъ за городомъ среди не застроенныхъ еще пустырей, гдѣ сохранились остатки стараго вала, ограждавшаго когда-то городское предмѣстье, и не представляетъ собою ничего выдающагося въ смыслѣ идеи или работы. Это было просто—каменная четыре-угольная колонна, увѣнчанная мѣднымъ шаромъ съ крестомъ, надъ опрокинутой луною,—но за то при взглядѣ на этотъ памятникъ, такъ и повѣять на васъ преданія стараго Кавказа. . . .

О, Котляревскій! Вѣчной славой
Ты озарилъ кавказскій штыкъ!
Помянемъ путь его кровавый,
Его полковъ побѣдный кликъ!

На памятникъ съ двухъ сторонъ вдѣланы чугунныя доски съ рельефными надписями. На одной сторонѣ:

«Близъ сего мѣста 2 декабря 1803 года при занятіи садовъ и форштадта крѣпости Ганжи, подъ главнымъ начальствомъ и въ присутствіи князя Циціанова, раненъ былъ въ первый разъ пулею въ ногу 17-го Егерскаго полка капитанъ Котляревскій».

На другой:

«Скромный сей памятникъ герою Асландуза и Ленкорани соорудилъ въ 1850 году бывший съ нимъ въ этомъ дѣлѣ гвардіи поручикъ графъ Воронцовъ, впоследствии Главнокомандующій и Намѣстникъ кавказскій».

Шли годы. Памятникъ былъ заброшенъ и близился уже къ своему разрушенію, когда въ 1893 году, по инициативѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба К. Л. Гильчевскаго ¹⁾, Асландузскій резервный баталіонъ, квартировавшій въ Елисаветполѣ, принялъ на себя возобновленіе памятника.

Случилось это слѣдующимъ образомъ: штабсъ-капитанъ Гильчевскій въ Елисаветполѣ совершенно случайно наткнулся за городомъ на небольшой каменный памятникъ съ пошатнув-

¹⁾ Нынѣ полковникъ командиръ 16-го Мингрельскаго гренадерскаго полка.

шимся крестомъ на верхушкѣ, повидимому забытый и заброшенный. Онъ полюбопытствовалъ взглянуть на эту маленькую полуобвалившуюся пирамидку; сочетаніе двухъ именъ: Воронцова и Котляревскаго, глубоко поразило его. Въ живой, увлекательной и полной убѣжденности статьѣ своей по этому поводу, помѣщенной въ газетѣ «Кавказъ», ¹⁾, онъ высказалъ сожалѣніе о томъ пренебреженіи, въ которомъ находятся у насъ историческіе памятники. «Асландузскій резервный баталіонъ, — писалъ онъ, — квартируетъ въ Елисаветполѣ, вблизи самаго монумента, и ему, какъ преемнику имени славной асландузской битвы, безспорно принадлежитъ это право». Добрый починъ нашелъ себѣ отголосокъ въ военномъ обществѣ; а ученики Михайловскаго ремесленного училища поставили вокругъ него, на свой собственный счетъ, желѣзную рѣшетку на каменномъ постаментѣ. Тогда же вдѣлана была въ памятникъ и третья мѣдная досочка съ слѣдующею надписью:

«Реставрированъ въ 1894 году Асландузскимъ баталіономъ въ командованіе полковника Чердилели, при участіи штаба 2-й кавказской казачьей дивизіи, 1-го Лабинскаго коннаго казачьяго и 14-го гренадерскаго Грузинскаго полковъ, при помощи Михайловскаго ремесленного училища».

Такимъ образомъ памятникъ, обреченный уже разрушенію по непростительному равнодушію нашему къ отечественной славѣ, снова возникъ изъ своихъ печальныхъ развалинъ. Но это былъ памятникъ воздвигнутый только одному Котляревскому. Самого же Котляревскаго долгое время занимала мысль соорудить хотя какой нибудь, самый скромный мавзолей «подвигамъ русскихъ воиновъ первой персидской войны 1803—1812 годовъ». По этому поводу 29 февраля 1848 года онъ писалъ князю Воронцову:

«О намѣреніи вашемъ поставить маленькіе памятники при

¹⁾ «Кавказъ» 1863 г., № 56.

Ганжѣ и Ленкорани, не увлекаясь честолюбіемъ, скажу вамъ, что оно для меня лестно, потому болѣе, что Ганжею открыта первая персидская война, и одна изъ первыхъ пуль досталась мнѣ. Ленкораномъ заключена война, и три изъ послѣднихъ пуль достались мнѣ же; слѣдовательно я началъ и кончилъ войну эту своею кровью. Но для меня вдвое было бы пріятнѣе, когда на Ганжинскомъ памятникѣ можно бы было изобразить тотъ моментъ, въ который вы взяли меня раненаго подъ одну руку, а взявшій подъ другую—сестеръ моей роты, Иванъ Богатыревъ, былъ тутъ же убитъ».

Момента этого, къ сожалѣнію, на памятникѣ нѣтъ, да и самое предположеніе князя Воронцова о сооруженіи другаго памятника, у Ленкорани, также почему то не осуществилось. Будемъ же надѣяться, что благодарное потомство, чтя своихъ героевъ, когда нибудь и выполнитъ этотъ священный долгъ по отношенію къ ихъ славной памяти.

V.

Сіонская колокольня въ Тифлисѣ.

Кромѣ Елисаветполя, одинъ изъ памятниковъ Ганжинскаго штурма, мало кому даже извѣстный,—находится и въ самомъ Тифлисѣ: это—соборная колокольня при кафедральномъ Сіонскомъ храмѣ, построенная на деньги, пожалованныя нижнимъ чинамъ за взятіе Ганжи, и ими пожертвованныя цѣлкомъ на возобновленіе Сіонскаго храма.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство:

Получивъ реляцію о покореніи Ганжи, императоръ Александръ I пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по рублю серебромъ. Циціановъ былъ глубоко огорченъ этою денсжною наградой. «Рубли—писалъ онъ другу своему графу Растопчину:—даются солдатамъ за вахтъ-парады, а за взятіе крѣпости слѣдо-

Гор. Тифлисъ. Колокольня Сіонскаго собора.

вало бы медали. Не прикажутъ ли къ полученнымъ рублямъ придѣлать ушки, но тогда — на какой лентѣ носить ихъ?» Государь, до свѣдѣнія котораго доведено было это письмо, уважилъ сѣтованіе Главнокомандующаго и повелѣлъ установить за взятіе Ганжи особую серебряную медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ былъ вензель Государя, а на оборотной надпись: «За труды и храбрость при взятіи Ганжи 3-го января 1803 года».

Неизвѣстно по чьей инициативѣ, но нижніе чины пожалованные имъ деньги пожертвовали полностью въ Сіонскій соборъ на постройку при немъ колокольни, какъ бы въ возмездіе того, что наибольшее участіе въ ея разрушеніи, при вторженіи Ага-Магометъ-хана, принимали ганжинцы. Это та колокольня, которая существуетъ и нынѣ. Правда, кирпичная и выбѣленная, она совсѣмъ не гармонируетъ своею бѣдною архитектурою съ величественнымъ стилемъ тысячи-лѣтняго массивнаго собора, облицованнаго тесанными плитами дикаго камня, но она дорога для насъ, какъ нѣмой свидѣтель и усердія къ святынь русскаго солдата, и какъ историческій памятникъ кроваваго Ганжинскаго штурма.

VI.

П а м я т н и к ъ Г у л я к о в у .

Съ назначеніемъ въ Грузію Главнокомандующимъ князя Циціанова, всѣ мусульманскія владѣнія, кольцомъ охватывавшія Грузію съ трехъ сторонъ, должны были пасть и потерять свою независимость. И первыми испытали на себѣ его тяжелую руку джарскіе лезгины, самые ближайшіе и безпокойные сосѣди Кахетин.

4-го марта 1803 года Гуляковъ переправился за Алазань и штурмомъ взялъ Белоканы, обративъ ихъ въ развалины,

«въ ничто совершенно», какъ онъ писалъ въ своемъ донесеніи. Такого пораженія въ своей землѣ лезгины никогда еще не испытывали. Вся белоканская равнина до самыхъ горъ была устѣяна трупами, и главное селеніе Джары сдалось уже безъ боя. Циціановъ тотчасъ объявилъ всю область присоединенную къ Россіи и обложилъ ее данью.

Такъ возвращено было Грузіи ея древнее достояніе, и вольный Джаро-белоканскій союзъ утратилъ свою независимость. «Въ Тифлисѣ, — писалъ Циціановъ, — радость по поводу побѣды Гулякова восходитъ до восторга, ибо Джары и Белоканы со времени отложенія ихъ отъ Грузіи были источниками всегдашняго разоренія оной, и въ преданіяхъ горскихъ народовъ почитается, что чужія войска никогда не были въ Белоканахъ, толико мѣсто сіе славилось неприступностью». Во всѣхъ грузинскихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ были церкви, служились благодарственные молебствія съ колокольнымъ звономъ «черезъ весь день», а въ городскихъ соборахъ читалась предъ народомъ прокламація Циціанова.

«Знаменитая побѣда, — говорилось въ этой прокламаціи, — одержанная подъ Белоканами высокославнымъ російскимъ войскомъ, соединенно съ храбрымъ грузинскимъ дворянствомъ и кизикийскимъ народомъ, подъ предводительствомъ неустрашимого и искуснаго въ военномъ ремеслѣ генераль-маіора Гулякова, и совершенное покореніе Джарской провинціи налагаютъ на меня пріятный долгъ возвѣстить сію радость всей Грузіи, терпѣвшей отъ жителей этой провинціи пагубныя разоренія, грабительства и увлеченіе въ плѣнъ цѣлыми селеніями».

Государь пожаловалъ Гулякову орденъ св. Георгія 3-го класса.

Нѣсколько мѣсяцевъ въ Кахетіи дѣйствительно царствовало полное спокойствіе, но едва Циціановъ выступилъ въ походъ подъ Ганжу, оставивъ на Алазани Гулякова только съ двумя кабардинскими баталіонами, какъ джарцы тотчасъ же попытались кровавымъ бунтомъ возвратить себѣ независи-

мость. Гуляковъ два раза разбилъ ихъ наголову; а между тѣмъ къ нему подошли еще баталіонъ тифлисцевъ и два баталіона 15-го егерскаго полка, только что прибывшіе изъ Россіи. Тогда онъ самъ перешелъ Алазань и двинулся въ Джары, чтобы тамъ нанести мятежникамъ послѣдній ударъ. Цицановъ не находилъ словъ благодарить Гулякова. «Возвратившись въ Тифлисъ по взятіи Ганжи,—писалъ онъ ему 14-го января 1804 года,—я узналъ о новыхъ вашихъ побѣдахъ, и столь часто имѣлъ удовольствіе отдавать справедливость вашимъ военнымъ достоинствамъ, что мнѣ не остается иного вамъ сказать, какъ то, что вашему превосходительству суждено, какъ видно, увѣковѣчить славу російскаго оружія въ сей новопріобрѣтенной землѣ, а мнѣ соучаствовать въ радости о томъ».

Письмо это не застало уже въ живыхъ храброго генерала.

Подойдя къ Джарамъ 15-го января 1804 года, и найдя селеніе пустымъ, Гуляковъ тотчасъ же двинулся дальше, въ неприступное Закатальское ущелье, чтобы загнать мятежниковъ въ снѣговыя горы, гдѣ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, гибель ихъ становилась неизбежной. Впереди шла грузинская милиція; за нею рота егерей 15-го полка съ однимъ орудіемъ, при которомъ находился Гуляковъ, а далѣе — остальная пѣхота. Отъ самаго входа въ ущелье начались сады, обнесенные высокими глинобитными стѣнами, за которыми виднѣлись каменные сакли: это были лѣтнія жилища джарцевъ. Лезгины дали отряду втянуться въ узкую улицу и затѣмъ внезапно открыли по немъ изъ-за стѣнъ сильный перекрестный огонь. Растерявшаяся милиція бросилась назадъ и смяла молодую, впервые находившуюся въ дѣлѣ егерскую роту. Воспользовавшись этимъ, лезгины ударили въ пашки, и здѣсь то, среди общей сумятицы, однимъ изъ первыхъ былъ убитъ Гуляковъ. Тѣло его нѣсколько минутъ оставалось даже въ рукахъ непріятеля, но подоспѣвшіе кабардинцы выручили останки лю-

бимаго командира. Пушку также спасли; но остановить лезгинъ уже не было возможности.

Бѣжавшіе грузины и егеря разстроили всю остальную пѣхоту, которая въ тѣснотѣ не могла разернуться, и повернула назадъ, при чемъ многіе люди были сбиты съ ногъ и опрокинуты въ глубокой оврагъ. Въ числѣ упавшихъ былъ и молодой графъ Воронцовъ, будущій Намѣстникъ Кавказа. «Я разбился бы до смерти, — писалъ онъ князю Циціанову, — если бы не случилось упасть на другихъ, которые уже прежде меня были столкнуты тою же толпою». Когда онъ выбрался изъ яра, то увидѣлъ, что князь Димитрій Орбеліани, принявшій команду послѣ Гулякова, уже успѣлъ собрать людей и привести ихъ въ порядокъ. Но какъ идти впередъ, такъ и отступать было одинаково трудно. Лезгины изъ-за стѣнъ почти въ упоръ разстрѣливали нашихъ солдатъ, которые ложились рядами. Изъ этого опаснаго положенія выручили всѣхъ опять кабардинцы. «Разъяренные, — какъ выражается Циціановъ, — смертию любимаго начальника, они бросились навстрѣчу лезгинамъ, взяли штурмомъ стоявшую на пути мечеть и очистили сады, по которымъ приходилось намъ отступать. Восемь часовъ длилась страшная битва, пока отряду удалось наконецъ выбраться изъ ущелья, не оставивъ въ рукахъ непріятеля ничего, кромѣ убитыхъ, которыхъ поднимать было не кому».

Несмотря на поражение, понесенное русскими войсками, упорный бой этотъ произвелъ на лезгинъ такое впечатлѣніе, что на слѣдующій же день старшины ихъ явились въ лагерь съ просьбой о пощадѣ; они внесли всю слѣдующую съ нихъ дань, вновь присягнули на подданство, и спокойствіе въ Кахетіи съ этихъ поръ уже не нарушалось.

Смерть Гулякова губоко опечалила князя Циціанова «Потеря сего генерала, толикими подвигами въ семъ краѣ отличавшагося, — писалъ онъ государю, — есть несчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія. Отчаяніе войска, уныніе друзей его,

офицеровъ кабардинскаго полка, и сожалѣніе всей Грузіи, которая ограждена была неусыпнымъ его бдѣніемъ и мужествомъ, налагають на меня священнѣйшую обязанность отдать памяти сего отличнаго полководца предъ лицомъ Вашего Величества должную справедливость. Я лишился въ немъ помощника усерднаго, войска Вашего Величества—начальника, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго».

Въ этихъ задушевныхъ строкахъ предъ нами весь Циціановъ.

Тѣло Гулякова сначала было предано землѣ въ бѣдной грузинской деревушкѣ Вакирь, такъ какъ Бодбійскій митрополитъ не согласился дать мѣсто для погребенія покойнаго въ Сигнахскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи просвѣтительницы Грузіи Нины. Кабардинскій полкъ жаловался на это Циціанову. И вотъ что послѣдній писалъ по этому поводу митрополиту Бодбійскому: «Къ крайнему удивленію узналъ я, что ваше высокопреосвященство не позволили похоронить въ Сигнахскомъ монастырѣ тѣло покойнаго генераль-маіора Гулякова, который убитъ въ сраженіи на защиту Грузіи, который цѣлый годъ, стоя въ лагерѣ, лишенъ былъ совершенно спокойствія для того только, чтобы охранить отъ непріятели Кахетію и ваши жилища, который, наконецъ, въ удивленіе всѣмъ, одержалъ столь много знаменитыхъ и славныхъ побѣдъ, что прославилъ себя и оставилъ память свою на вѣки, а цѣлой Карталиніи и Кахетіи доставилъ спокойствіе и тишину. Вся Грузія, питаясь плодами его подвиговъ, обязана вѣчною благодарностью столь славному генералу. Я не могу повѣрить, чтобы вы употребили таковой поступокъ противъ покойнаго, мученически подвизавшагося за Грузію генерала. Но если это правда, то прошу безъ всякой медленности увѣдомить меня, какое вы имѣли на это право, и что могло воспрепятствовать вамъ похоронить тѣло генерала, увѣнчавшаго всю Грузію счастіемъ. Увѣряю при томъ ваше высокопреосвященство, что за подобный поступокъ весьма можете быть лишены епархіи и сана».

Митрополитъ поспѣшилъ принести извиненіе, и тѣло Гулякова, перенесенное со всѣми военными почестями, при огромномъ стеченіи народа въ Сигнахъ было погребено въ стѣнахъ Бодбійскаго монастыря, подъ сѣнію храма, гдѣ почиваетъ и святая Нина. Могила его находится въ самой церкви, и на мраморной доскѣ, покрывающей прахъ героя, вырѣзана на русскомъ и грузинскомъ языкахъ слѣдующая надпись: «Храброму, мужественному и неустрашимому генералъ-маіору Василю Семеновичу Гулякову воздвигнулъ сей памятникъ скорби начальникъ и другъ его князь Циціановъ».

Въ 1830 году, когда графъ Паскевичъ заложилъ въ Закачалахъ русскую крѣпость и въ Джаро-Белоканской области окончательно введено было имъ русское управленіе, среди офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, возникла мысль соорудить памятникъ въ честь Гулякова на деньги, собранныя ими по подпискѣ между собою. Эта признательная память воиновъ къ вождю другаго, уже отжившаго поколѣнія, нашла себѣ отголосокъ въ возвышенныхъ чувствахъ императора Николая Павловича. Онъ не только одобрилъ самую мысль о памятникѣ, но и всѣ расходы по сооруженію его повелѣлъ принять на счетъ государства. Въ то же время составленіе проекта памятника онъ поручилъ извѣстному художнику Брюлову.

Постановка памятника замедлилась однако на цѣлые 14 лѣтъ, и онъ освященъ былъ только 15-го ноября 1845 года, уже во время намѣстничества князя Воронцова. Маститый вождь, убѣленный сѣдинами, лично присутствовалъ при этомъ торжествѣ, желая почтить память своего начальника, подъ командою котораго, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, онъ еще юношей началъ первую боевую кавказскую службу.

Монументъ состоитъ изъ высокой, чугунной четырехгранной колонны на чугунномъ же пьедесталѣ. Верхняя часть ко-

1.

2.

Памятникъ генералу Гулякову (1) въ Закаталахъ, Тифлисской губ. и
мѣсто его смерти (2).

лонны очерчена выдающимся карнизомъ, по четыремъ угламъ котораго вдѣланы коронованные орлы, въ видѣ барельефовъ, соединенные гирляндами. Наверху выбить годъ смерти Гулякова. На переднемъ фасадѣ въ рамкѣ выпуклыми буквами начертана надпись:

«По соизволенію Государя Императора Николая I сооруженъ въ память храбраго генераль-маіора Гулякова, убитаго на семь мѣстѣ въ 1804 году въ сраженіи съ лезгинами».

Надъ этою надписью гербъ покойнаго генерала.

Къ сожалѣнію, въ надписи есть небольшая неточность: Гуляковъ убитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ ему поставленъ памятникъ, а въ самомъ ущельѣ, въ полуверстѣ отъ нынѣшней крѣпости. Тамъ росло тогда большое развѣсистое дерево, расщепленное русскимъ ядромъ, и слѣды удара не изглаживались до послѣдняго времени, какъ будто для того, чтобы сохранить потомству мѣсто, гдѣ погибъ одинъ изъ первыхъ піонеровъ русскаго владычества въ Закавказьѣ. Возлѣ этого-то дерева, обрызганнаго быть можетъ кровью Гулякова, первоначально и предполагалось воздвигнуть памятникъ, но опасеніе оставить его безъ всякаго призора въ глухой, полувраждебной землѣ, заставило Воронцова отказаться отъ этой мысли; памятникъ поставленъ былъ въ оградѣ православной церкви внутри самой крѣпости.

Теперь этого дерева болѣе уже не существуетъ: его сокрушило время; но за то рядомъ съ нимъ разрослись еще три могучіе великана, представлявшіе собою въ ту пору только еще молодую поросль. Но и эти, теперь уже столѣтніе дубы, близятся къ своему разрушенію. «Пройдетъ не болѣе десятка лѣтъ,—пишетъ въ своей запискѣ начальникъ Закатальскаго округа полковникъ Павловъ,—и эти свидѣтели послѣднихъ минутъ жизни славнаго героя Кавказской войны исчезнутъ, а глубокой нѣкогда ровъ, окаймлявшій мѣсто смерти Гулякова,

сравнивается съ землею». Чтобы сохранить потомству это историческое мѣсто, по мысли полковника Павлова, слѣдовало бы теперь же взамѣнъ исчезающаго рва поставить желѣзную ограду, а въ серединѣ ее на каменномъ постаментѣ утвердить чугунную плиту съ короткою надписью: «На этомъ мѣстѣ убитъ генераль-маіоръ Гуляковъ 15 января 1804 года».

Мысль эта заслуживаетъ глубокаго сочувствія и нельзя не пожелать скорѣйшаго ея осуществленія. Но къ надписи, проектированной Павловымъ, слѣдовало бы прибавить, что въ этомъ же бою вмѣстѣ съ Гуляковымъ погибли 114 нижнихъ чиновъ и три офицера: Кабардинскаго полка капитанъ Бабушканъ, 15-го Егерскаго поручикъ Масютинъ 2-й и Тифлискаго прапорщикъ Кривоносовъ 1-й. Тѣла ихъ остались въ ущельи, и гдѣ находятся могилы ихъ никому не извѣстно.

VII.

Памятникъ маіору Монтрезору.

«У васъ совершаются дѣла баснословныя.
Слыша ихъ дивисься и радуешься» (Изъ писемъ графа Ростопчина къ Циціанову).

Въ двѣнадцати верстахъ отъ селенія Большаго Караклиса, на лѣвомъ берегу рѣки Бамбакъ-чай, противъ дер. Сарали стоитъ памятникъ маіору Монтрезору, погибшему здѣсь вмѣстѣ со своимъ отрядомъ 21 августа 1804 года.

Памятникъ изъ чернаго мѣстнаго камня представляетъ собою усѣченную пирамиду, увѣнчанную сіяющимъ крестомъ. Площадка, на которой стоитъ онъ, обведена съ трехъ сторонъ довольно глубокимъ рвомъ, а четвертая примыкаетъ къ обрывистому берегу рѣчки Бамбакъ-чай. На сѣверной сторонѣ памятника имѣется свинцовая дощечка съ слѣдующею надписью:

«На этомъ мѣстѣ 21-го августа 1804 года убитъ храбрый маіоръ Тифлискаго пѣхотнаго полка Мон-

трезоръ со сборною командой изъ ста человѣкъ¹⁾, слѣдовавшей съ запасами къ отряду подъ Эриванью. Онъ былъ атакованъ и окруженъ шестью тысячами персіянъ, подъ начальствомъ Эмиръ-Кулихана, и легъ на мѣстѣ со всѣми храбрыми его соподвижниками. При возвращеніи князя Циціанова изъ подъ Эривани, тѣла героевъ были найдены 13-го сентября бригадъ-майоромъ при отрядѣ, гвардіи капитаномъ графомъ Воронцовымъ, впоследствии Намѣстникомъ и Главнокомандующимъ на Кавказѣ».

Монтрезоръ, служившій въ Тифлисскомъ пѣхотномъ полку, принадлежалъ къ числу тѣхъ штабъ-офицеровъ, на которыхъ обыкновенно возлагаютъ большія надежды въ будущемъ. Но служба долго не представляла ему ничего, что могло бы ярко выдвинуть его изъ среды товарищей и дать право на болѣе широкое поприще чѣмъ то, которое онъ занималъ по должности баталіоннаго командира. И вотъ одна минута геройской смерти,—минута, когда Монтрезоръ спасаетъ честь русскаго оружія, окружила его имя лучезарнымъ ореоломъ славы, такъ что мало кому извѣстный до того человѣкъ вырастаетъ вдругъ до степени народнаго героя, и память о немъ переходитъ изъ рода въ родъ, не умирая въ рядахъ кавказскихъ войскъ. Передъ этой минутой меркнетъ все остальное въ жизни покойнаго.

Въ іюлѣ 1804 года войска осаждавшія Эривань сильно терпѣли отъ недостатка продовольствія. Всѣ распоряженія по этой части выполнялись медленно, а это разстраивало планъ Главнокомандующаго и вынудило его наконецъ сдѣлать распоряженіе о сосредоточеніи всего провіанта въ большомъ Ка-

¹⁾ У Монтрезора находились: кавказскаго гренадерскаго полка прапорщикъ Верещага, 2 ун.-оф., 1 барабанщикъ и 36 рядовыхъ. Тифлисскаго пѣхотнаго полка: поручикъ Ладыкинъ, 1 ун.-оф. и 15 рядовыхъ; Саратовскаго полка: прапорщикъ Черешъ, 2 ун.-оф., 1 барабанщикъ и 30 рядовыхъ; 9-го егерскаго полка: 1 ун.-оф. и 10 рядовыхъ; Нарвскаго драгунскаго полка: 1 ун.-оф. и 10 рядовыхъ. Всего: 1 шт.-оф. 3 оберъ-офицера и 110 нижнихъ чиновъ.

раклисъ, откуда онъ могъ доставляться въ блокадный корпусъ по мѣрѣ надобности.

Караклисъ, нынѣ большое армянское селеніе, тогда былъ главнымъ городомъ Бомбакской провинціи и имѣлъ для русскихъ значеніе операціонной базы при наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи и Персіи. Въ Караклисъ всегда по этому располагался отрядъ русскихъ войскъ, подѣ начальствомъ штабъ-офицера, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось и наблюденіе за политическимъ состояніемъ края. До Эриванской экспедиціи постъ этотъ занималъ майоръ Монтрезоръ, офицеръ распорядительный, храбрый и хорошо знакомый съ азійской политикой. Но эти же самыя качества заставили Циціанова взять Монтрезора съ собою въ походъ, а на его мѣсто поставить баталіонъ Саратовскаго полка, подѣ командой майора Ходжаева. Неспособность послѣдняго скоро оказалась на дѣлѣ и имѣла весьма печальныя послѣдствія. Онъ упустилъ благопріятное время для перевозки къ Эривани транспортовъ, а теперь, когда въ Бомбакской провинціи появился царевичъ Александръ съ 10-ти тысячнымъ персидскимъ войскомъ, не зналъ, какъ за это взяться. Не довольный Ходжаевымъ, приписывая всю неурядицу его нераспорядительности, Циціановъ рѣшилъ отправить на смѣну ему опять майора Монтрезора съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній принялъ всѣ мѣры не только къ открытію сообщенія съ Тифлисомъ, но и скорѣйшему доставленію транспортовъ изъ Караклиса къ Эривани. Отправляя Монтрезора налегкѣ, со сборною командою изъ ста десяти человекъ съ однимъ орудіемъ, Главнокомандующій предписалъ ему стараться проходить открытыя мѣста по ночамъ, такъ какъ путь былъ опасенъ, и еще недавно грузинская конница, слѣдовавшая по этой дорогѣ въ Тифлисъ, встрѣчена была персіянами и частью побита, а частью захвачена въ плѣнъ. Монтрезоръ принялъ всѣ мѣры осторожности, но не успѣлъ онъ пройти и нѣсколько верстъ отъ блокаднаго

корпуса, какъ уже былъ окруженъ персидскою конницею, къ которой на каждомъ шагу прибывали новыя толпы казахскихъ и борчалинскихъ татаръ.

Пренебрегая непріателемъ, Монтрезоръ два дня прокладывалъ дорогу оружіемъ, но на третій день, спускаясь съ горъ къ селенію Сарали, увидѣлъ издали главныя силы царевича Александра, которыя двигались навстрѣчу со стороны Караклиса. Почти въ виду самаго селенія царевичъ обложилъ малочисленный русскій отрядъ, изнуренный зноемъ, усталостью и жаждой, и потребовалъ сдачи. Монтрезоръ понялъ, что спасенія ожидать не откуда и что бамбакскія тѣснины будутъ для него и его отряда могилой. Рѣшивъ, какъ можно дороже уступить непріателю предстоящую побѣду, онъ отвѣтилъ царевичу, что смерть предпочитаетъ плѣну, и приготовился къ бою.

Раздраженный отказомъ, царевичъ двинулъ въ атаку всѣ свои силы. Нѣсколько часовъ длилась отчаянная битва, но когда большая часть отряда была перебита, когда самъ Монтрезоръ получилъ тяжелую рану, онъ сбросилъ съ себя мундиръ и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ: «Спасибо за храбрость и службу! Теперь кто хочетъ, могутъ спастись!» Позволеніемъ этимъ, однако же, никто не воспользовался, кромѣ одного барабанщика; остальные дали послѣдній залпъ и кинулись въ штыки на непріателя. Въ нѣсколько минутъ отряда не стало. Самъ Монтрезоръ изрубленъ былъ на пушкѣ, которую защищалъ до послѣдняго мгновенія; съ нимъ рядомъ были убиты: поручикъ Ладыкинъ и прапорщики Черецъ и Верещага, а изъ ста десяти солдатъ одинъ бѣжалъ, 15 тяжело раненыхъ захвачены въ плѣнъ, а остальные 94 погибли геройскою смертью.

Какъ только окончился бой, и темная дождливая ночь спустилась на страшное поле, усыпанное трупами и залитое кровью, персіане повернули назадъ и скрылись изъ виду.

Циціановъ былъ глубоко огорченъ смертью Монтрезора. «Съ стѣсненнымъ сердцемъ, — писалъ онъ Государю, — доношу о потерѣ храбраго сего офицера, который, будучи въ самомъ началѣ сраженія раненъ, предпочелъ въ вѣрности своей лучше положить себя и команду, нежели отдать непріятелю пушку». Возвращаясь въ Тифлисъ изъ Эриванской экспедиціи, онъ самъ навѣстилъ могилу храбрыхъ воиновъ, и тогда же общество офицеровъ Тифлискаго полка пожелало увѣковѣчить славный подвигъ товарища сооруженіемъ на мѣстѣ его смерти небольшого, скромнаго обелиска, и Циціановъ самъ написалъ ему эпитафію. Говорятъ, что эпитафія была достойна полководца. Но, къ сожалѣнію, землетрясеніе 8-го октября 1827 г. совершенно разрушило памятникъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла драгоцѣнная надпись.

Въ такомъ печальномъ состояніи, представлявшемъ собою лишь груду разбросанныхъ камней, осматривалъ памятникъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ осенью 1828 года, когда отправлялся чрезвычайнымъ посланникомъ въ Персію. За снѣговымъ Безабдаломъ, не доѣзжая нѣсколько верстъ до сел. Амамлы, тамъ гдѣ начинается узкая долина, обставленная невысокими горными кряжами, Грибоѣдовъ приказалъ остановиться. Оставя экипажъ и свиту, онъ медленными шагами одинъ направился къ виднѣвшемуся въ сторонѣ отъ дороги развалившемуся памятнику; онъ пробылъ тамъ долго и возвратился въ глубокомъ раздумьи, навѣянномъ на него посѣщеніемъ одинокой могилы. Тамъ, среди невозмутимой тишины захоlustья, еще со временъ Циціанова, покоился прахъ безстрашнаго воина, погибшаго здѣсь со всѣмъ своимъ отрядомъ въ кампанію 1804 года. Эта была могила Монтрезора, — забытая и заваленная безобразною грудой камней. Думалъ ли тогда Грибоѣдовъ, что не пройдетъ и четырехъ мѣсяцевъ, какъ онъ, подобно Монтрезору, также отдастъ свою жизнь, защищая свой постъ, достоинство и честь своей отчизны?

Пам'ятникь маюру Монтрезору у сел. Серапи, Эриванской губ.

Только впоследствии, уже въ сороковыхъ годахъ, князь Воронцовъ приказалъ возобновить обелискъ на мѣстѣ историческаго боя, и, по всей вѣроятности, тогда же сдѣлана была настоящая надпись на памятникѣ. Кто составлялъ ее—неизвѣстно, но, къ сожалѣнію, она невѣрно передаетъ самое событіе, какъ это видно изъ предыдущаго разсказа; Монтрезоръ не сопровождалъ транспорта, а, напротивъ, самъ шелъ за транспортомъ, который долженъ былъ принять въ Караклисѣ и отправить къ Эривани.

Въ селеніи Сарали еще недавно, два-три года тому назадъ, проживали два столѣтніе старца, Насимъ-Касумъ-оглы и Али-Кербалай-Аласкеръ-оглы, современники Монтрезора и очевидцы геройской гибели русскаго отряда. Они тогда уже были взрослыми юношами, и, сохраняя свѣжую память, охотно передавали о томъ, что происходило въ давнее время въ бамбакской долині. Безхитростные разсказы ихъ, сообщаемые въ отрывочныхъ и часто не ясныхъ формахъ, не блещутъ богатствомъ красокъ и ничего не прибавляютъ новаго къ тому, что уже извѣстно намъ о Монтрезорѣ; но отъ этихъ эпическихъ пересказовъ такъ и вѣетъ тихою прелестью меланхолическаго звона вечерняго колокола воздающаго должную честь памяти дорогихъ покойниковъ.

По ихъ разсказамъ, первоначальное сооруженіе памятника относится къ 1805 году и приписывается ими родной сестрѣ героя, посѣтившей могилу своего брата вскорѣ послѣ его славной смерти. На этомъ то памятникѣ, по ихъ словамъ, и была эпитафія князя Циціанова, написанная на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

Что памятникъ воздвигнутъ былъ въ 1805 году—это не подлежитъ сомнѣнію; но что онъ сооруженъ не сестрою покойнаго, какъ говорятъ старики, а именно офицерами Тифлискаго полка,—на это есть слѣды въ официальныхъ документахъ. Сестра Монтрезора, по всей вѣроятности, присут-

ствовала при открытіи памятника, и это обстоятельство легко могло ввести въ заблужденіе мѣстныхъ жителей. Даже гораздо позднѣе, уже въ наши дни, въ 1884 году пріѣзжала въ Сарали, Богъ вѣсть изъ какой дали, внучатая племянница Монтрезора,—и пріѣзжала только для того, чтобы поклониться праху своего знаменитаго дяди.

Въ настоящее время памятникъ содержится въ порядкѣ. Вообще Тифлискій гренадерскій полкъ тщательно заботится о благоустройствѣ памятника боевой его славы.

Памятникъ этотъ ремонтировался полкомъ въ турецкую кампанію 1877—78 г.г., затѣмъ въ 1899 году, при возвращеніи полка съ подвижныхъ сборовъ, бывшихъ между Тифлисомъ и Александрополемъ; наконецъ, въ 1904 г., къ столѣтней годовщинѣ Караклискаго боя, памятникъ этотъ заново былъ отремонтированъ на средства и заботами тифлисцевъ.

21 и 22 августа 1904 года состоялось въ Тифлисѣ торжество—полкъ чествовалъ 100-лѣтнюю годовщину выдающагося подвига Монтрезора. Въ этотъ день командиръ полка, полковникъ Гавриловъ, въ прочувственномъ приказѣ, напомнилъ о доблести ихъ маіора Монтрезора и тифлисцевъ, достойныхъ его сподвижниковъ, выполнившихъ самоотверженно долгъ передъ царемъ и родиной и павшихъ геройскою смертью на полѣ брани.

21 августа, въ 11 часовъ утра, полкъ выстроился для торжественнаго церковнаго парада. «Раздалась команда «подъ знамена», баталіоны взяли на караулъ, музыка грянула встрѣчу, барабанщики забили походъ и къ фронту полка медленно подошли въ предшествіи полковаго адъютанта, серебряный сигнальный рожокъ и 16 знаменъ, въ числѣ которыхъ были стягъ временъ Анны Іосановны, знамена Павла I и оригинальное знамя 1856 года съ характернымъ Николаевскимъ орломъ. Подъѣхалъ начальникъ дивизіи, поздоровался съ баталіонами и, поздравивъ полкъ со столѣтіемъ славнаго боя,

въ краткихъ словахъ очертилъ значеніе подвига. По окончаніи молебствія полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ.

Красивую картину представляло это торжественное шествіе: впереди слѣдовали всѣ полковыя регаліи, а за ними по-ротно—полкъ.

Полинялыя, полуистлѣвшія полотнища знаменъ—эти безмолвные свидѣтели геройскихъ подвиговъ, пержившіе своихъ героевъ—гордо двигались передъ рядами гренадеръ, развѣваемая легкимъ вѣтеркомъ.

На парадѣ присутствовали депутаціи отъ 16-го гренадерскаго Мингрельскаго полка и отъ Тверскихъ драгунъ. Послѣ обѣда, предложеннаго гостямъ въ лагерномъ офицерскомъ собраніи, къ мѣсту боя (въ 12-ти верстахъ отъ ст. Караклисъ) была отправлена рота при хорѣ полковой музыки и при двухъ знаменахъ: полковомъ и 1804 года; туда же выѣхали и депутаціи отъ частей.

22-го августа, къ 9 часамъ утра, рота подъ звуки родного марша подошла къ тому мѣсту, на которомъ скромно красуется памятникъ героямъ караклисскаго боя. Безлюдная мѣстность какъ-бы оживилась; масса мѣстныхъ жителей пришла изъ окрестныхъ деревень посмотреть на торжество. Началась панихида, полились величавые звуки «вѣчной памяти» и присутствующіе, какъ одинъ, всѣ опустили на колѣни. Мелодичные звуки гимна «Коль славенъ» и три ружейныхъ залпа завершили богослуженіе.

Во главѣ съ командиромъ полка молодецки прошла рота церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника, отдавая честь могилѣ тѣхъ, кто такъ высоко несъ стягъ родного полка. По снятіи фотографическихъ группъ, депутація и рота направились къ станціи Караклисъ (бывшей въ 1806 году штаб-квартирѣ Тифлискаго полка), гдѣ нижнимъ чинамъ былъ устроенъ обѣдъ, а гостямъ предложенъ завтракъ.

И опять опустѣла дорогая сердцу каждого тифлисса

могилы. Одиноко стоит она въ безлюдной мѣстности. Кругомъ такъ тихо, спокойно, и лишь изрѣдка донесется до нея отдаленный гулъ паровоза или быстро промчится поѣздъ. Иногда одинокій путникъ, проходя мимо, перекрестится, съ благоговѣніемъ снявъ шапку. И снова водворится мертвая тишина. И только журчаніе протекающей внизу маленькой рѣчки Бамбакъ-чая нарушить это безмолвіе; свѣжія струйки, причудливо переплетаясь между собою, спѣшатъ куда-то впередъ, уступая свое мѣсто новымъ; и далеко, далеко несутъ онѣ вѣсть о томъ, какъ потомки героя Монтрезора чтили память своего великаго предка¹⁾.

VIII.

Забутая могила въ сел. Карели²⁾.

«Умирать на своемъ посту не начальникъ,
а само отечество повелѣваетъ». (Слова
императора Николая Павловича).

На братской могилѣ, гдѣ покоится вѣковѣчнымъ сномъ маіоръ Монтрезоръ и его храбрые сподвижники, поставленъ памятникъ, который только одинъ, быть можетъ, сохранилъ славное имя его отъ забвенія. За годъ передъ тѣмъ такою же геройскою смертію погибъ капитанъ Секеринъ съ цѣлою ротою, и имя его забыто только потому, что нѣтъ на могилѣ его ни креста, ни камня. Между тѣмъ Секеринъ былъ первый русскій офицеръ, провозгласившій на Кавказѣ тѣ историческія слова, смыслъ которыхъ приведенъ въ эпитаграфѣ. Это радона-начальникъ кавказскихъ героевъ: Монтрезовъ, Щербины, Архипъ Осиповъ и множество другихъ русскихъ людей, не высокихъ чиномъ, но великихъ въ своемъ самопожертвованіи,

¹⁾ Развѣдчикъ 1904 г., № 731. стр. 1082.

²⁾ «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», т. I, стр. 83. Изд. Военно-Историческаго Отдѣла.

Сел. Карели, Тифлисской губерніи. Башня.

были его послѣдователи. Отсюда—важное значеніе для войскъ ихъ историческихъ памятниковъ.

На пути изъ Тифлиса въ Батумъ, миновавъ Гори и Скра—станціи Закавказской желѣзной дороги, раскинулось большое селеніе Карели, принадлежащее князьямъ Циціановымъ. Все оно потонуло въ густыхъ фруктовыхъ садахъ, и только старая церковь съ ея остроконечнымъ куполомъ, да массивная каменная башня, одиноко стоящая почти у самага полотна желѣзной дороги, служатъ безмолвными свидѣтелями одного изъ тѣхъ кровавыхъ эпизодовъ, которые, при кажущейся своей неудачѣ, наносятъ непріятелю страшное нравственное пораженіе. Горсть русскихъ солдатъ, самоотверженно погибшихъ въ неравной борьбѣ, но внесшихъ страшное опустошеніе въ ряды непріятеля, показали такую моральную силу и мощь, которыя стоятъ побѣды. Увлечение храбрыхъ и въ самыхъ своихъ ошибкахъ поражаютъ и зовутъ послѣдовать своему примѣру.

За сто лѣтъ до нашего времени, когда русскіе только что заняли Грузію, въ этой самой башнѣ стояла рота 9-го Егерскаго полка, подъ командою капитана Секерина. Въ ротѣ было только 44 штыка и три офицера, а между тѣмъ она занимала передовой постъ Карталиніи, непрерывно подвергавшейся набѣгамъ буйныхъ, хищныхъ лезгинъ, свившихъ себѣ разбойничье гнѣздо въ турецкомъ Ахалцихѣ, откуда они врывались черезъ горныя ущелья и опустошали горійскую равнину. Много здѣсь было пролито крови, много разорено деревень, много женщинъ уведено было въ неволю. Торговля грузинскими красавицами бойко шла на ахалцихскихъ рынкахъ, и цѣлые караваны ихъ отправлялись къ берегамъ Чернаго моря, откуда турецкіе кочермы увозили ихъ въ глубь Анатолиі. Черныя тучи висѣли надъ страной.

Въ такую то пору, въ темную лѣтнюю ночь 13-го іюня 1803 года, лезгины въ числѣ 800 человекъ ворвались

въ Карталинію. Небольшая команда изъ 9-ти казаковъ и 11-ти егерей, прикрывавшая рабочихъ около Цалки, не могла остановить партію и была ею разсѣяна. Спасшіеся казаки въ ту же ночь прискакали въ Гори и подняли тревогу. Между тѣмъ лезгины по ихъ слѣдамъ всею массою устремились на Карели. Но захватить врасплохъ Секерина имъ не удалось. Едва барабанъ ударилъ тревогу, какъ лезгины отхлынули отъ деревни назадъ, но успѣли захватить весь скотъ жителей, «Тогда Секеринъ,—доносилъ Циціановъ,—вмѣняя себѣ въ несчастіе, яко постовой начальникъ, что лезгины отбили стада и зная, что непріятель въ большихъ силахъ, тѣмъ не менѣе рѣшилъ преслѣдовать онаго. Благородное рвеніе его не увѣнчалось успѣхомъ». Едва рота, предводимая имъ, вступила въ лѣсъ, покрывавшій окрестности Карели, какъ была окружена огромною партією. Отступленія не было.

«Сдавайтесь! Бросайте оружіе!» кричали лезгины.

«Русскіе не сдаются!» отвѣчалъ Секеринъ и повелъ роту въ штыки. Три раза опрокидывалъ онъ непріятеля, но рота въ лѣсу разорвалась, и лезгины, бросившись въ кинжалы и шашки, прорвали цѣпь. Самъ Секеринъ однимъ изъ первыхъ былъ тяжело раненъ въ грудь. Отойдя въ сторону, онъ началъ платкомъ перевязывать рану, какъ вдругъ на него набросилась цѣлая толпа лезгинъ. Егеря не могли пробиться къ своему капитану, и онъ былъ изрубленъ на глазахъ роты. Умирая, Секеринъ успѣлъ, однако, крикнуть поручику Рогульскому: «Помни, русскіе не сдаются!» Рогульскій отбросилъ непріятеля, но увлекся погоней и сдѣлался, какъ говоритъ Циціановъ, «жертвою своей чрезмѣрной храбрости». Умирая подъ ударами шашекъ, онъ крикнулъ младшему Рогульскому: «Братъ! помни слова Секерина: русскіе не сдаются!» Юный прапорщикъ тотчасъ принялъ команду, но въ то же мгновеніе былъ раненъ пулей и послѣдняго офицера въ ротѣ не стало.

Видя гибель всѣхъ начальниковъ, лезгины снова стали

кричать, чтобы солдаты сдались. Въ отвѣтъ на это егеря дали послѣдній залпъ, бросились въ штыки, окружили себя грудыми мертвыхъ тѣлъ — и пали всѣ до послѣдняго. Отряду, подоспѣвшему изъ Гори, оставалось только подобрать павшихъ героев: трехъ офицеровъ и 39 нижнихъ чиновъ. Всѣ тѣла были раздѣты и большею частью изрублены въ куски; не доставало пяти человѣкъ, по всей вѣроятности попавшихъ въ плѣнъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ въ полкъ уже не являлся; среди труповъ нашлись, однако, еще четыре человѣка со слабыми признаками жизни. Они то и повѣдали своимъ товарищамъ про это кровавое побоище.

Остается добавить, что лезгины, несмотря на свой успѣхъ, не осмѣлились производить дальнѣйшихъ грабежей и возвратились въ Ахалцихъ. Рота Секерина погибла не даромъ: она спасла отъ разгрома карталинскія селенія, и жители долго относились къ ней съ благодарною памятью.

Старожилы Карели помнятъ еще братскую могилу, одиноко виднѣвшуюся подъ зеленымъ пологомъ лѣса. На ней, говорятъ они, стоялъ деревянный крестъ. Но время повалило крестъ, сгладило съ землею могильную насыпь, и никто не скажетъ намъ теперь, гдѣ покоятся кости того, кто сказалъ великіе слова: «Русскіе не сдаются.» Одни эти слова стоили бы монумента. Но пусть не воздвигаютъ здѣсь ни пышнаго и дорогого мавзолея, этого спутника земного тщеславія. Простой гранитный крестъ — символъ людского смиренія, поставленный, если не на братской могилѣ, которую отыскать теперь едва ли возможно, то хотя бы возлѣ башни, гдѣ квартировала рота, лучше всего сохранить потомству славное имя Секерина и его боевыхъ соратниковъ. Тогда, быть можетъ, проѣзжая мимо Карели, при видѣ этого креста и старой развалившейся башни, кто-нибудь вспомнитъ рассказанный эпизодъ и помянетъ добрымъ словомъ нашихъ героев «здѣсь лежащихъ», въ давно заброшенной и позабытой всѣми могилѣ.

Въ заключеніе прибавимъ, что баталіонъ, въ который входила рота Секерина, въ 1834 году, по расформированіи 9-го Егерскаго полка, поступилъ въ полномъ составѣ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, и съ этого времени имя Секерина становится уже достояніемъ ширванской исторіи.

IX.

Памятники подвига Карягина ¹⁾.

„Читая про подвиги войскъ въ первую персидскую войну въ Закавказьѣ, можно подумать, что читаешь жизнеописаніе величайшихъ героевъ древняго Рима и Греціи“ (Изъ писемъ графа Растопчина къ князю Циціанову)

Въ Карабагскомъ ханствѣ, при подошвѣ кеменистаго пригорка, вправо отъ почтоваго тракта изъ Елисаветполя въ Шушу, стоитъ еще и понынѣ древній замокъ Шахъ-Булахъ, обнесенный высокою каменною стѣною, съ шестью полуразвалившимися башнями. Замокъ этотъ, по преданію, въ старые годы служилъ передовымъ опорнымъ пунктомъ со стороны Ганжинскаго ханства. Въ 12-ти верстахъ отъ этого замка, поражающаго путника, своими массивными контурами, находилось татарское кладбище Карагаджи-баба, раскинувшееся на одномъ изъ придорожныхъ кургановъ, которыхъ такъ много въ этой части Закавказскаго края. Высокій дарбазъ (родъ нашей часовни) среди разбросанныхъ надгробныхъ камней, издали привлекаетъ вниманіе любопытнаго путешественника. Но не всѣ, быть-можетъ, знаютъ, что это кладбище и этотъ замокъ—безмолвные свидѣтели подвига, почти баснословнаго въ нашей исторіи.

Въ персидскую кампанію 1805 года, когда Аббасъ-Мирза

¹⁾ «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ», т. I, гл. XI. Изд. Военно-Историческаго Отдѣла.

3.

2.

1.

Кладбище въ уроч. Карагджи-баба (1). Замки Шахъ-Булахъ (2) и Мух-
ратъ (3) въ Елисаветпольской губ.

вошелъ въ Карабагъ съ 40-тысячной персидской арміей, князь Цицѣановъ выслалъ изъ Елисаветполя, на помощь слабому шушинскому гарнизону, только одинъ баталіонъ 17-го Егерскаго полка, съ маіоромъ Котляревскимъ, роту Тифлисцевъ и два орудія—всего 493 человѣка, подъ общимъ начальствомъ полковника Карягина. Утромъ 24-го іюня, приближаясь къ Шушѣ, небольшой русскій отрядъ внезапно увидѣлъ передъ собою грозный авангардъ главной персидской арміи, который велъ Пиръ-Кули-ханъ. Было очевидно, что путь въ Шушу отрѣзанъ и положеніе Карягина въ виду 10-ти-тысячнаго персидскаго авангарда сдѣлалось опаснымъ. Но при немъ находился молодой армянинъ Меликъ-Вани, который, зная всю окрестную мѣстность, первый указалъ Карягину на виднѣвшійся недалеко высокій холмъ съ обширнымъ мусульманскимъ кладбищемъ. Могильные памятники могли служить до нѣкоторой степени укрытіемъ отъ выстрѣловъ и Карягинъ быстро отошелъ къ кладбищу и рѣшилъ на немъ защищаться. Персіане тотчасъ устремились на штурмъ этой позиціи. Кровавый бой длился до глубокой ночи; русскіе удержали за собою кладбище съ потерью шести офицеровъ и 190 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя. Отрядъ уменьшился почти наполовину. Надо думать, что и персіане понесли огромную потерю, потому что на слѣдующій день Пиръ-Кули-ханъ ограничился блокадой и, поставивъ надъ рѣкою четыре фальконетныя батареи, отрѣзалъ у осажденныхъ воду. Съ этой минуты потери наши стали быстро расти. Самъ Карягинъ, контуженный уже три раза въ грудь и голову, былъ раненъ пулею въ бокъ на вылетъ, а Котляревскій получилъ тяжелую рану въ ногу.

Держаться въ такомъ положеніи безъ воды подъ постояннымъ огнемъ непріятеля было невозможно. Тогда егеря сдѣлали отчаянную вылазку и, овладѣвъ непріятельскими батареями, привезли съ собою 15 фальконетовъ. Но едва они

возвратились въ лагерь, какъ случилось извѣстіе, что на помощь къ Пиръ-Кули-хану прибылъ самъ Аббасъ-Мирза съ 30-ти-тысячною арміею. Между тѣмъ въ отрядѣ не осталось уже почти никакихъ средствъ къ сопротивленію. Подъ ружьемъ годныхъ для боя оставалось всего 150 человекъ, остальные лежали убитыми или ранеными; зарялы и сухари приходили къ концу.

Во всякой другой арміи, можно сказать смѣло, дальнѣйшая защита признана была бы совершенно невозможною. Но не такъ разсуждали Карягинъ и Котляревскій. Первый изъ нихъ 27-го іюня писалъ князю Циціанову: «Поспѣшая донести вашему сіятельству какъ можно кратче о прибытіи Аббасъ-Мирзы и о послѣднемъ сраженіи, доношу, что я, дабы не подвергнуть совершенной и очевидной гибели остатокъ отряда и спасти людей и пушки, предпринялъ твердое рѣшеніе пробиться съ отважною сквозь многотысячнаго непріятеля и занять Шахъ-Булахскій замокъ. Что же случится при отступленіи и занятіи Шахъ-Булаха о томъ донести не замедлю». Надо сказать, что замокъ, о которомъ писалъ Карягинъ, былъ укрѣпленъ и занятъ небольшимъ персидскимъ гарнизономъ.

Возможно ли было, однако, пробиться съ истощеннымъ отрядомъ, имѣвшимъ на своихъ рукахъ такое громадное количество раненныхъ, — вопросъ этотъ не смущалъ Карагина. Онъ прямо объявилъ солдатамъ о своемъ рѣшеніи и это рѣшеніе было принято ими единодушно.

Покидая кладбище, залитое кровью, Карягинъ оставилъ на немъ много русскихъ могилъ, но сглаживъ ихъ совершенно съ землею такъ, чтобы не было признаковъ христіанскаго погребенія; персидскія фальконеты были также закопаны въ землю; обозы брошены, а орудія, у которыхъ колеса обмотали солдатскими шинелями, повезли на рукахъ, такъ какъ всѣ уцѣлѣвшія артиллерійскія и обозныя лошади

отданы были подъ раненыхъ. Въ ночь на 28-е іюня отрядъ выступилъ въ гробовомъ молчаніи. Всѣ понимали, что одинъ неосторожный звукъ, и гибель отряда станетъ неизбежною. Вани повелъ его напрямикъ такими глухими мѣстами, что персидскіе пикеты узнали о нашемъ движеніи только тогда, когда отрядъ совершенно неожиданно столкнулся съ однимъ изъ конныхъ разъѣздовъ. Выстрѣлъ, внезапно прогремѣвшій въ ночной тишинѣ, поднялъ тревогу въ персидскомъ станѣ. Но пока тамъ разобрали въ чемъ дѣло, пока поднимали войска, отрядъ стоялъ уже подъ стѣнами Шахъ-Булаха. Начинаясь разсвѣтъ и на ясномъ небсклонѣ отчетливо вырисовывались грозныя стѣны замка и фигуры часовыхъ. Но внутри замка все было тихо и безмолвно; гарнизонъ, не ожидая нападенія, покоился крѣпкимъ передутреннымъ сномъ. Положеніе геройскаго отряда было весьма отчаянное: позади его находилась громадная армія, передъ нимъ стояла крѣпость, которую надо было еще брать штурмомъ. Но медлить и колебаться было нельзя. Солдаты подкатили орудія подъ самыя ворота и сдѣлали залпъ. Ворота рухнули и черезъ эту брешь отрядъ устремился въ замокъ. Ужасъ овладѣлъ персіянами. Гарнизонъ, состоявшій изъ 150-ти человѣкъ, бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 30-ти человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ самого коменданта. Резервъ, стоявшій въ ближайшемъ лѣсу, также подался паникѣ и не далъ помощи.

«Крѣпость мною взята, непріятель изъ оной прогнанъ», — лаконически донесъ Карягинъ.

Но не прошло и двухъ часовъ, какъ подоспѣла вся персидская армія, которая сдѣлала попытку овладѣть обратно замкомъ. Штурмъ былъ, однако, отбитъ и персіяне, не желая напрасно терять людей, приступили къ тѣсной блокадѣ. Въ отрядѣ, между тѣмъ, запаса продовольствія уже не было; нѣсколько лошадей, захваченныхъ въ замкѣ были скоро съѣдены — и наступилъ голодъ. «Въ этой крайности, — писалъ Циція-

нову Карягинъ — если ваше сіятельство не поспѣшите на помощь, то отрядъ можетъ погибнуть не отъ сдачи, къ которой не приступлю никогда, но отъ крайности въ провіантѣ: солдаты уже четыре дня употребляютъ въ пищу только траву, но теперь и травы достать нельзя, такъ какъ персіане вездѣ поставили пикеты». Въ такомъ отчаянномъ положеніи большую услугу отряду оказалъ тотъ же Меликъ-Вани, который каждую ночь съ командою охотниковъ выходилъ изъ крѣпости и, пробираясь мимо персидскихъ постовъ, доставлялъ отряду хлѣбъ, овощи и даже иногда рогатый скотъ. Подобныя экскурсіи, повторенныя нѣсколько разъ, дали возможность русскимъ продержаться въ замкѣ цѣлую недѣлю.

Аббасъ-Мирза потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отправилъ Карягину письмо, въ которомъ выражалъ удивленіе его мужеству и предлагалъ ему вступить въ персидскую армію, обѣщая именемъ шаха высокое положеніе, богатства и почести. Карягинъ потребовалъ четыре дня на размышленіе и Аббасъ-Мирза согласился.

Военныя дѣйствія пріостановились, а Карягинъ, успѣвшій убѣдиться, что держаться въ Шахъ-Булахѣ больше нельзя, составилъ новый планъ ночного отступленія: по указаніямъ Вани онъ выбралъ для этого небольшой замокъ Мухратъ, стоявшій въ верстахъ 25-ти отъ Шахъ-Булаха, среди почти неприступныхъ горъ. За эти четыре дня люди отдохнули и оправились. 7-го іюля въ полдень срокъ перемирія окончился, и Аббасъ-Мирза потребовалъ отвѣта. «Я согласенъ, — отвѣчалъ Карягинъ посланному, — доложите его высочеству, что завтра утромъ онъ можетъ занять Шахъ-Булахъ». И Карягинъ сдержалъ свое слово.

Пока въ персидскомъ станѣ шли ликованія, русскій отрядъ въ ту же ночь тихо вышелъ изъ крѣпости и Вани опять повелъ его такими тропами и оврагами, что непріятель долго не подозрѣвалъ нашего ухода. Такимъ образомъ, къ

утру благополучно добрались до деревни Касапетъ, но тутъ наступилъ Карягина вся персидская армія, почти въ виду Мухрата, до котораго оставалось всего пять верстъ, началось упорное сраженіе; орудія переходили изъ рукъ въ руки, но въ концѣ концовъ остались за нами, и Карягинъ, пробившись сквозь персидскую армію, укрылся за крѣпкими стѣнами замка.

Отсюда онъ не замедлилъ послать отвѣтъ Аббасъ-Мирзы на письмо, полученное имъ еще въ Шахъ-Булахѣ. «Въ письмѣ своемъ изволите говорить, — писалъ онъ наслѣдному принцу, — что родитель вашъ имѣетъ ко мнѣ милость, а я васъ имѣю честь увѣдомить, что, воюя съ непріятелемъ, милостей не ищутъ кромѣ измѣнниковъ; а я, посѣдѣвшій подъ ружьемъ, за счастье почту пролить свою кровь на службѣ моего государя».

Еще восемь дней пришлось просидѣть отряду въ тѣсной блокадѣ, испытывая голодъ и жажду, не имѣя возможности чѣмъ нибудь облегчить страданія раненыхъ; но на девятый день показались русскія войска со стороны Елисаветполя. То шелъ самъ Циціановъ на выручку Карягина. Отряды соединились въ деревнѣ Мардализъ, и войска князя Циціанова встрѣтили остатки геройскаго отряда торжественною почестью: баталіоны стояли подъ ружьемъ, музыка гремѣла и дружное «ура» несло навстрѣчу героямъ. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ безчисленныхъ подвиговъ Карягина, оставившаго въ кавказскихъ рядахъ по себѣ легендарную память. Многочисленные походы и раны сломили желѣзное здоровье Карягина; онъ заболѣлъ лихорадкой, которая перешла скоро въ желчную горячку и 7-го мая 1807 года героя не стало. Бренные останки его были преданы вѣчному успокоенію въ Елисаветполѣ, на мѣстномъ военномъ кладбище, въ оградѣ церкви во имя Захарія и Елисаветы, теперь уже не существующій.

Баснословные подвиги Карягина придали его личности

величаво легендарный характеръ, создали изъ него любимѣйшій типъ въ кавказскомъ эпосѣ. Этотъ человѣкъ не имѣетъ даже надгробнаго памятника. Могила его затерялась и теперь никто не скажетъ, гдѣ покойся прахъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—Карягина.

Х.

Памятникъ рядовому Гаврило Сидорову.

Въ персидскую кампанію 1805 года, описанное въ предыдущей главѣ знаменитое отступленіе Карягина покрыло новыми лаврами побѣдоносныя русскія знамена. Но если бы Карягинъ и его храбрые соподвижники не были проникнуты поистиннѣ героическимъ духомъ, то, однѣхъ мѣстныхъ препятствій и трудностей было бы довольно, чтобы сдѣлать совершенно невозможнымъ все предпріятіе, такъ указываетъ одинъ изъ эпизодовъ этого похода,—фактъ, стоящій одиноко даже и въ исторіи кавказской арміи.

8-го іюля, когда отрядъ Карягина отступалъ отъ Шахъ-Булаха къ крѣпости Мухрату и прошелъ уже 20 верстъ, на пути встрѣтилось неожиданное препятствіе. Дорогу пересѣкала глубокая канава или промоина, образовавшая ровъ съ крутыми берегами, черезъ которую невозможно было переправить орудія. Мостъ строить было долго, да и матеріала подъ рукой не было; снимать пушки съ лафетовъ и переносить все на рукахъ требовалось много времени; и къ тому же безпрестанно ожидали преслѣдованія персіянъ; словомъ, отрядъ находился въ величайшемъ затрудненіи. Но находчивость кавказскаго солдата и безграничное его самоотверженіе выручили всѣхъ изъ бѣды. — «Ребята,—крикнулъ баталіонный запѣвало рядовой 17-го Егерскаго полка Гаврило Сидоровъ,—чего стоять и задумываться. Стоя города не возмешь. Послушайте меня:

Манглись, Тифлисской губ. Памятникъ рядовому Гаврило Сидорову.

у русскаго солдата ружье - мать, жена и сестра... , а пушка — барыня; ну, такъ надобно барынѣ переправиться съ помощью нашихъ женъ....». Изъ чего-же сдѣлать мостъ? — свай нѣтъ слышались голоса ...,

— «А это развѣ не сваи » отвѣтилъ Сидоровъ, показывая на плечи. — «Кто молодецъ, сюда ко мнѣ» ¹⁾).

Одобрительный шумъ пошелъ по рядамъ баталіона. Нѣсколько ружей тотчасъ же были воткнуты въ землю штыками и образовали сваи, другія, положенныя на нихъ, составили настилку, а солдаты подперли ее своими плечами, — импровизированный мостъ былъ готовъ. Первая пушка разомъ перелетѣла по этому въ буквальный смыслѣ живому мосту и только слегка помяла молодецкія плечи; но вторая сорвалась и со всего размаха ударила колесомъ по головѣ Гаврила Сидорова. Пушка была спасена, но Сидоровъ заплатилъ за нее своею жизнью.

— «Прощайте, братцы! Не поминайте лихомъ и молитесь за меня грѣшнаго!» были послѣднія слова, обращенныя имъ къ товарищамъ.

Какъ не торопился отрядъ съ отступленіемъ, однако же, солдаты успѣли вырыть глубокую могилу, въ которую офицеры на рукахъ опустили тѣло погибшаго. Самъ Карягинъ благословилъ послѣдній пріютъ павшаго героя и поклонился ему до земли. «Молись братъ Гаврило Богу за насъ», говорили солдаты, крестясь и разбирая ружья. Отрядъ двинулся дальше, но солдаты долго еще оглядывались на одинокую, стоявшую въ сторонѣ, могилу. Теперь уже не найти слѣдовъ ея, но память о Сидоровѣ сохранилась и до настоящаго времени.

Черезъ 87 лѣтъ, 29 іюня 1892 года, когда лейбъ-Эриванскій Его Величества полкъ праздновалъ свой 250-лѣтній юби-

¹⁾ Бобровскій. Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка, ч. III.

лей, въ этотъ день, полный славныхъ воспоминаній, среди полковой семьи зародилась мысль воздвигнуть памятникъ своему безсмертному герою Гаврило Сидорову. Инициатива этого дѣла принадлежала командиру полка флигель-адъютанту полковнику Вольскому ¹⁾. Памятникъ рѣшено было поставить въ штабъ-квартирѣ полка, въ Манглисѣ, противъ полковой церкви, на обширномъ плацу, обсаженномъ кругомъ деревьями ²⁾.

Вся постановка памятника обошлась въ 1450 рублей. Проектъ его былъ разработанъ въ мраморной мастерской Тагичіана въ Тифлисѣ и утвержденъ командующимъ войсками округа. Онъ вытесанъ изъ алгетскаго камня, сѣраго цвѣта, высотой 9 аршинъ и имѣетъ видъ усѣченной четырехгранной пирамиды, поставленной на пьедесталѣ, у подножія котораго съ каждой стороны высѣчены по три ступени. Вверху пирамиды утвержденъ шаръ, а на немъ орелъ съ распростертыми крыльями; въ угловыхъ граняхъ пьедестала помѣщены, вытесанные изъ камня, пушки, а на ступеняхъ, разъединенныхъ особыми выступами, положены ядра. Весь памятникъ окруженъ цѣпями, покоящимися на пушкахъ.

Въ пьедесталѣ съ четырехъ сторонъ вдѣланы мраморныя доски съ слѣдующими надписями:

На верхней доскѣ, лицевой стороны:

«Рядовому 17-го Егерскаго, нынѣ лейбъ-Эриванскаго полка, Гаврило Сидорову, погибшему за свою отважную смѣлливость и геройское самоотверженіе 8-го іюля 1805 года».

На нижней доскѣ:

«Прощай истинно православный рускій человѣкъ, вѣрный царскій слуга. Да будетъ тебѣ вѣчная память».

«Карягинъ».

¹⁾ Нынѣ генераль-маіоръ, командиръ 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизіи.

²⁾ Дѣла Военно-Историческаго Отдѣла. Рапортъ командира 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка 21-го февраля 1905 года за № 846. Журналъ „Развѣдчикъ“ 1903 г. № 636.

Съ правой стороны памятника:

«Во время войны съ персами въ 1805 году, рядовой Гаврило Сидоровъ подалъ смѣлую мысль перетащить, черезъ встрѣтившійся ровъ, имѣвшіяся въ отрядѣ пушки по ружьямъ, положеннымъ на молодецкія плечи егерей, ставшихъ во рву. При переправѣ такимъ образомъ уже второго орудія Сидоровъ былъ убитъ колесомъ, соскочившимъ съ ружей».

Съ лѣвой стороны:

«Сооруженъ 21-го октября 1902 года, при благосклонномъ содѣйствіи командующаго войсками кавказскаго военного округа генераль-адъютанта князя Г. С. Голицина, обществомъ господъ офицеровъ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, въ командованіе полкомъ флигель-адъютанта полковника Вольскаго».

На задней сторонѣ:

«Что ребята стоятъ и задумываться? Стоя города не возьмешь.... Кто молодецъ,—сюда, ко мнѣ!

«Прощайте, братцы, не поминайте лихомъ и молитесь за меня грѣшнаго. Сидоровъ».

Торжественное освященіе памятника состоялось 21-го октября 1902 года въ день восшествія на престолъ Государя Императора, Державнаго шефа лейбъ-эриванцевъ.

Наканунѣ вечеромъ въ полковомъ храмѣ, въ присутствіи всѣхъ чиновъ полка, отслужена была торжественная панихида по погибшемъ на брани рядовомъ Гаврило Сидоровѣ и во всѣхъ ротахъ прочитанъ былъ слѣдующій приказъ по полку:

«Эриванцы! Велика честь числить въ спискахъ полка того, чей вензель мы имѣемъ счастье носить на своихъ погонахъ, того кто считается шефомъ нашего полка—верховнаго вождя всей русской арміи Государя Императора.

«Такое рѣдкое счастье выпадаетъ на долю немногихъ

частей. Если лейбъ-Эриванскій полкъ пользуется этой милостью непрерывно 47 лѣтъ, то слѣдовательно заслужилъ это отличіе своей вѣрной службой престолу и отечеству. За 250 лѣтъ своего существованія эриванцы съ гордостью могутъ оглянуться на свое славное прошлое,—и свидѣтелемъ славы полка служатъ знаки его боевыхъ отличій до георгіевскихъ петлицъ на мундирахъ включительно. За столь продолжительный срокъ службы, среди Эриванцевъ немало было героевъ, которые своими подвигами способствовали славѣ полка. Одному изъ нихъ, рядовому Гаврило Сидорову, завтра, въ знаменательный день восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II, будетъ торжественно открытъ и освященъ памятникъ для увѣковѣченія имени его въ потомствѣ.

«Несмотря на то, что со дня геройской смерти Сидорова прошло почти сто лѣтъ, лейбъ-эриванцы свято хранили имя его, и подвигъ, въ которомъ онъ проявилъ свою отважную находчивость и готовность ради успѣха общаго дѣла, ради славы родного полка, ради торжества русскаго оружія, сложить свою голову.

«Только герою могла притти въ голову такая смѣлая мысль, какъ перевозка орудій по плечамъ богатырей-товарищей. Мысль эта казалась невозможною, но для героевъ нѣтъ ничего невозможнаго. И Сидоровъ ее выполнилъ, потому что онъ не помышлялъ о себѣ, о собственной жизни, а думалъ только о долгѣ, не щадя своего живота. Становясь подъ орудійныя колеса, Сидоровъ шелъ на рискованное опасное дѣло, которое могло окончиться смертью. И оно въ дѣйствительности такъ и окончилось. Орудійное колесо соскочило съ ружей, ударило Сидорова въ голову,—и онъ погибъ. Да, онъ погибъ, но не для насъ, эриванцы! Среди насъ онъ живетъ и до сихъ поръ: мы его знаемъ, мы его чтимъ, мы помнимъ этого доблестнаго егеря—эриванца, вѣрнаго слугу Царя и

отечества. Воздвигнутый въ честь сего памятникъ краснорѣчиво скажетъ потомству о томъ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

«Сегодня мы съ благоговѣніемъ выслушали панихиду по герою, послѣднія слова котораго были: «Молитесь за меня грѣшнаго». И мы исполнили завѣтъ его.

«Поздравляю васъ, славные эриванцы, съ наступающимъ рѣдкимъ въ жизни полковъ торжествомъ! Я увѣренъ, что если бы намъ, государевымъ гренадерамъ, потомкамъ Сидорова, когда-нибудь посчастливилось въ мирное или военное время пожертвовать своею жизнею во славу Царя и русскаго оружія, то каждый изъ насъ, по примѣру Сидорова, не задумается надъ этимъ и докажетъ, что преданность Царю, любовь къ отечеству, дисциплина и доблесть—присуща лейбъ-эриванцамъ, также какъ и ихъ знаменитымъ предкамъ. Командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Вольскій».

Въ 9 часовъ утра 21-го октября лейбъ-эриванцы въ парадной формѣ выстроились предъ памятникомъ. Старыя георгіевскія знамена и прочія боевыя регаліи, свидѣтели безсмертной славы старѣйшаго въ русской арміи полка, окружали аналой и началось богослуженіе. Въ этотъ торжественный моментъ лейбъ-эриванцы ясно сознавали, что завѣтная мечта ихъ исполнена, и память Сидорова увѣковѣчена. Послѣ освященія памятника и провозглашенія здравицы за Державнаго шефа полка, гренадеры дали залпъ въ честь своего рядового егеря и прошли мимо памятника съ церемоніальнымъ маршемъ.

Въ тотъ же день послана была отъ полка слѣдующая телеграмма Государю Императору:

«Сегодня, въ торжественный день восшествія на престолъ Вашего Императорскаго Величества, когда всѣ помыслы наши направлены на желанія своею службою доказать безграничную любовь и преданность Царю и отечеству, послѣ горячихъ молитвъ о ниспосланіи здравія, долголѣтія и благоденствія

своему Державному шефу и всей царственной семьѣ его, лейбъ-эриванцы освятили памятникъ рядовому Гаврило Сидорову, который своею геройскою смертію въ персидскую войну 1805 года запечатлѣлъ завѣтъ нашихъ дѣдовъ, — служить вѣрой и правдой Царю и Россіи. По примѣру Сидорова и другихъ доблестныхъ предковъ своихъ лейбъ-эриванцы, всѣ до одинаго, движимые желаніемъ положить жизнь свою къ стопамъ обожаемаго Монарха, подъ звуки русскаго гимна, при единодушномъ восторженномъ ура, поднимаютъ ковшъ, — всемилостивый даръ своего Государя, — во здравіе и могущество Вашего Императорскаго Величества и во славу русскаго оружія».

Государь Императоръ осчастливилъ своихъ гренадеръ слѣдующей отвѣтной телеграммой:

«Сердечно благодарю моихъ лейбъ-эриванцевъ за выраженные мною чувства, по случаю освященія памятника рядовому Сидорову. Не сомнѣваюсь, что эриванцы всегда докажутъ на дѣлѣ, что они проникнуты духомъ своихъ славныхъ боевыхъ предковъ.»

«НИКОЛАЙ».

Много говорить этотъ памятникъ сердцу русскаго солдата, напоминая ему былины стародавнихъ временъ и могучее нравственное вліяніе его должно несомнѣнно сказаться на всемъ укладѣ полковой жизни.

XI.

Памятники князю Циціанову.

Подъ сводами тысячилѣтняго Сіонскаго храма въ Тифлисѣ, среди могильныхъ плитъ, стоитъ надгробный памятникъ перваго русскаго главнокомандующаго въ Грузіи князя Павла Дмитриевича Циціанова. Надпись надъ его гробницею подробно

Гор. Тифлисъ. Гробница князя Цицѣанова въ Сіон-
скомъ соборѣ.

разсказываетъ страшную повѣсть о гибели Циціанова, «котораго враги, бывъ слабы побѣдить силою, умертвили измѣннически». «Подъ симъ монументомъ, — говоритъ эпитафія, — сокрыты тлѣнныя останки Циціанова, коего слава переживетъ прахъ его».

Назначеніе Циціанова главнокомандующимъ въ Грузію послѣдовало 11-го сентября 1802 года, когда истомленная борьбою страна эта требовала энергичнаго твердаго правителя и въ этомъ отношеніи выборъ князя Циціанова былъ безошибочный. Въ короткое время своего управленія онъ успѣлъ не только успокоить Грузію, раздираемую внутренними смутами, но и совершенно измѣнить карту тамошняго края.

Первыми испытали на себѣ его тяжелую руку джаробелоканскіе лезгины и вмѣсто дани, которую имъ платила Грузія, они сами были обложены данью. Затѣмъ пала Ганжа, отторгнута отъ Эриванскаго ханства богатая Шурагельская провинція, присоединены къ Россіи ханства Карабагское, Ширванское и Шекинское; турецкая граница обезпечена была отъ разбоевъ; персидскія силы, пытавшіяся противостать грозному побѣдителю, разсѣяны. Сопредѣльныя съ Грузіей — Гурія, Мингрельское княжество и Имеретинское царство также приняты въ русское подданство — и этимъ событіемъ завершилось дѣло новаго объединенія Иверіи. Расчлененная за 400 лѣтъ передъ тѣмъ грузинскимъ царемъ Александромъ I, Иверія опять составила теперь одно нераздѣльное цѣлое, но уже подъ скипетромъ русскаго императора Александра I.

Но стремленія Циціанова шли далѣе обезпеченія русскихъ владѣній со стороны Персіи и Турціи. Онъ понималъ, что, не имѣя ни одного торговаго пункта на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, невозможно удержаться въ Закавказьѣ и въ этихъ видахъ на черноморскомъ берегу онъ заложилъ небольшое укрѣпленіе Редутъ-кале и въ то же время задумалъ утвердиться на Каспійскомъ побережьи. Отрядъ генерала Завалишина

осадила Бакинскую крѣпость, но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе потерпѣлъ неудачу, тогда Циціановъ двинулся самъ, — и Баку 8 февраля 1806 года послѣ недолгихъ переговоровъ сдалась безъ боя. Но едва Циціановъ въ сопровожденіи лишь одного адъютанта приблизился къ Гусейнъ-Кули-хану для принятія ключей, какъ изъ толпы, сопровождавшей послѣдняго, вдругъ грянулъ выстрѣлъ, и Циціановъ упалъ, сраженный наповаль; убійцы подхватили тѣло его и умчали съ собою. Русскія войска, застигнутыя неожиданной катастрофой, отступили отъ крѣпости.

«Голова Циціанова полная отваги и предпріимчивости и руки его крѣпкія мышцами, распространявшія власть, — говоритъ персидскій историкъ, — были отсѣчены отъ трупа и отправлены въ Тегеранъ къ персидскому шаху». Тѣло же его было зарыто въ глухомъ оврагѣ у воротъ Бакинской крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась одинокая могила грознаго русскаго главнокомандующаго.

Впослѣдствіи, 3-го октября того же года, русскій отрядъ генерала Булгаковъ снова появился передъ Баку и на этотъ разъ занялъ его безъ сопротивленія. Ханъ, бѣжавшій въ Персію, объявленъ былъ низложеннымъ со всѣмъ его потомствомъ; народъ приведенъ къ присягѣ и Бакинское ханство, навсегда утративъ свою самостоятельность, обратилось въ простую русскую провинцію.

Смерть князя Циціанова была отомщена. Тѣло его, зарытое до сихъ поръ въ оврагѣ за крѣпостными воротами, было съ подобающимъ торжествомъ, въ присутствіи войскъ и народа перенесено въ армянскую церковь, находившуюся въ самомъ центрѣ покореннаго города. Церковь эта и предназначена была служить ему усыпальницей. Булгаковъ донесъ обо всемъ графу Гудовичу, но, по всей вѣроятности, изъ Тифлиса не было сдѣлано по этому поводу никакого распоряженія, какъ это видно изъ рапорта новаго бакинскаго коменданта генераль-

лейтенанта Рѣпина отъ 19-го декабря 1808 года ¹⁾. «По прибытіи моемъ къ новой должности, — доносилъ онъ графу Гудовичу, — я нашелъ, что въ армянской церкви Аствадцъ-Заздана, въ засмоленномъ гробѣ лежитъ обезглавленное тѣло убитаго князя Циціанова и не учинено еще оному до сей поры по христіанскому закону со священнослуженіемъ погребенія. Испрашиваю повелѣнія съ какою церемонією тѣло должно быть предано землѣ». Отвѣта опять не послѣдовало, и гробъ, стоявшій въ церковномъ подвалѣ, оставался тамъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ.

Вспомнилъ о немъ только новый главнокомандующій маркизъ Паулуччи и первымъ распоряженіемъ его является перенесеніе праха князя Циціанова изъ Баку въ городъ Тифлисъ, бывшій такъ долго свидѣтелемъ его кипучей и плодотворной дѣятельности. 27-го ноября 1811 года Паулуччи писалъ бакинскому коменданту генералу Рѣпину ²⁾:

«Сегодня полковникъ князь Эристовъ, надворный совѣтникъ князь Тумановъ и адъютантъ мой лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ князь Чавчавадзе отправлены мною въ Баку для принятія тѣла покойнаго князя Циціанова, остающагося доселѣ непогребеннымъ, и для доставленія его въ Тифлисъ, гдѣ прахъ сего знаменитаго сына отечества и достойнаго генерала будетъ съ подобающею честью преданъ землѣ въ Тифлисскомъ кафедральномъ Сіонскомъ соборѣ, тщаніемъ его исправленнымъ и украшеннымъ. А потому, по прибытіи сихъ чиновниковъ, ваше превосходительство, назначивъ день, не оставите собрать къ себѣ почетнѣйшихъ бакинскихъ жителей и всѣхъ воинскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, кои въ то время будутъ на лицѣ находиться въ Баку, въ присутствіи коихъ мои посланные должны объявить вамъ о причинѣ ихъ миссіи. Послѣ чего ваше превосходительство изволите съ воинскими чинами

¹⁾ Арх. штаба Кавк. в. окр. Дѣло 1809 г. № 11. О погребеніи князя Циціанова.

²⁾ Акты Кавказ. археогр. ком., т. V, ч. 1-я, № 18. Предписаніе г.-л. Рѣпину отъ 27-го ноября 1811 года № 367.

и съ почетнѣйшими людьми изъ армянско-бакинскаго общества отправиться въ церковь, гдѣ находится нынѣ гробъ покойнаго князя Циціанова и торжественнымъ образомъ, съ приличными сему случаю почестями, вручить гробъ посланнымъ отъ меня чиновникамъ, снабдивъ ихъ формальнымъ актомъ за общимъ подписемъ вашимъ и священника той церкви, а также и моихъ посланныхъ, что гробъ и тѣло покойнаго князя Циціанова вами имъ вручены, а сими послѣдними приняты. Для препровожденія тѣла покойнаго нарядить приличную команду при оберъ-офицерѣ до Ширвана, гдѣ изъ расположенныхъ тамъ войскъ будетъ перемѣнена сія команда другою и т. д. до самага Тифлиса».

Какъ была исполнена вся эта печальная церемонія никакихъ свѣдѣній не сохранилось; уцѣлѣлъ только рапортъ полковника князя Эристова, который доносилъ маркизу Паулуччи:

«Сего 5-го января 1812 года прибыли мы съ тѣломъ покойнаго князя Циціанова въ Елисаветполь и 13-го января должны прибыть въ мѣстечко Соганлугъ, что верстахъ въ семи отъ Тифлисса. Тѣло везется двумя лошадьми на особыхъ носилкахъ, окрашенныхъ зеленой краской и извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ трахъ-тараванъ. Самый гробъ сдѣланъ длиною въ одинъ аршинъ и ничѣмъ не обитъ по той причинѣ, что въ городѣ Баку не нашлось для онаго приличной матеріи; гробъ вложенъ въ деревянный ящикъ длиною въ 2 аршина 4 вершка, который также окрашенъ зеленой краской, засмоленъ и запечатанъ печатями бакинскаго коменданта, мосю, князя Туманова и поручика гвардіи князя Чавчавадзе; сверху онъ покрытъ голандскимъ темно-зеленымъ сукномъ, обшитымъ кругомъ узкимъ золотымъ газомъ съ изображеніемъ на срединѣ креста, а поверхъ сукна имѣется покровъ изъ золотой парчи. Всѣ эти вещи, а равно всѣ путевыя издержки, по желанію князя Туманова, приняты имъ на собственный счетъ».

Въ день прибытія тѣла князя Циціанова въ Тифлисъ, весь

городъ вышелъ на встрѣчу печальной процессіи, войска, разставленные шпалерами, отдавали послѣднюю почесть славному вождю, когда то обезглавленному и зарытому:

.... безъ почестей бранныхъ
врагами въ сыпучій песокъ.

Народъ въ безмолвіи сопровождалъ прахъ доблестнаго князя до новой могилы, приготовленной для него въ древнѣйшемъ храмѣ Иверійской земли. Погребеніе его совершилось 17-го января 1812 года, и князь Циціановъ успокоился, наконецъ, въ странѣ умиротворенной его нравственной силой, въ землѣ имъ любимой, которую онъ считалъ своею родиной. «Твоя могила, — говорилось въ одной изъ статей, посвященныхъ памяти этого событія, — есть залогъ счастья страны, принявшей въ нѣдра свои останки героя. И кто съ пламенною любовью къ славѣ и отечеству не придетъ къ твоему праху поклониться ему и воздать благоговѣйную дань благодарности и удивленія»!

Въ древнемъ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ въ Тифлисѣ, съ правой стороны иконостаса, тамъ, гдѣ подъ особой стѣнью находится чудотворная икона Манглисской Богоматери — стоитъ болѣе нежели скромный памятникъ князю Циціанову. Онъ сооруженъ, по распоряженію маркиза Паулуччи, инженеръ-подполковникомъ Кондратьевымъ, которому, по всей вѣроятности, принадлежитъ и самая идея этого памятника. Чтобы судить о скромности матеріаловъ и украшеній довольно сказать, что на сооруженіе его, не считая мѣстнаго дикаго камня, пошло всего; какъ видно изъ отчета, 1500 кирпичей, одинъ пудъ желѣза, 10 фунтовъ свинцу и 6 пудовъ листовой мѣди; такъ, что вся стоимость памятника вмѣстѣ съ матеріаломъ и работой обошлась 139 рублей 55 копѣекъ. Памятникъ, прислоненный къ стѣнѣ, изображаетъ собою гробъ, поставленный на небольшомъ пьедесталѣ изъ мѣстнаго камня, окрашенъ масляной коричневой краской и покрытъ лакомъ; пьедесталъ бѣлый,

а цоколь—сѣраго цвѣта. Единственное украшеніе памятника составляетъ мѣдный, впрочемъ весьма грубой работы, щитъ, утвержденный надъ гробомъ и изображающій гербъ покойнаго князя. Щитъ раздѣленъ на 4 части. Въ верхнемъ ряду наклоненное знамя, по древку котораго скачетъ всадникъ и лепестки цвѣтка, по всей вѣроятности лиліи; въ нижнемъ ряду, съ лѣвой стороны широкая лента, идущая діагональю, съ латинскою буквою на ней S; съ правой—рогъ изобилія. Надъ щитомъ княжеская корона, а по сторонамъ небольшая военная арматура, изображающая пушки, знамена и ядра. На лицевой сторонѣ пьедестала врѣзана доска изъ красной мѣди съ слѣдующей надписью:

«Здѣсь лежитъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, главнокомандовавшій русской арміей въ Грузіи, котораго непріатели, бывъ слабы побѣдить силою, измѣннически умертвили 8-го февраля 1806 года въ ту самую минуту, когда онъ, принудивъ къ сдачѣ Бакинскую крѣпость, приблизился къ стѣнамъ оной для принятія ключей и котораго тѣло до сихъ поръ хранилось въ Баку непогребеннымъ. Исполнитель же священной воли Его Величества Императора Александра I, маркизь Филиппъ Осиповичъ Паулуччи, главнокомандующій въ Грузіи подъ симъ монументомъ успокоилъ тлѣныя останки сего генерала, коего слава переживетъ его прахъ. Января 14-го дня 1812 года».

Внизу съ лѣвой стороны этой надписи вырѣзано: «Проектировалъ и устроилъ Пиже».

Къ сожалѣнію, доска съ этою надписью помѣщена такъ низко, что прочесть ее въ полумракѣ храма возможно не иначе, какъ наклонившись до самого полу, а между тѣмъ въ этой то надписи и заключается вся суть и значеніе памятника.

Впослѣдствіи этотъ памятникъ предполагалось замѣнить

другимъ, и первая мысль и забота о немъ принадлежала графу Паскевичу во время управленія имъ Кавказомъ ¹⁾).

«Въ Тифлисѣ, въ Сіонскомъ соборѣ, - писалъ онъ военному министру, — находится памятникъ, бывшему главнокомандующему въ Грузіи генералъ отъ инфантеріи Циціанову, воздвигнутый несоотвѣтственно заслугамъ, оказаннымъ имъ въ этомъ краю; а потому я побуждаюсь просить ваше сіятельство ходатайствовать у государя императора соизволенія на сооруженіе сему генералу другого памятника, болѣе соотвѣтствующаго его услугамъ правительству». При этомъ Паскевичъ препроводилъ на монаршее возрѣніе и самый рисунокъ стараго памятника. Высочайшая резолюція послѣдовала однако только 1-го ноября 1832 года. Государь изъявилъ согласіе на постановку новаго памятника князю Циціанову, но съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по его сооруженію на мѣстныя средства края, безъ ассигнованія на то особыхъ суммъ изъ государственнаго казначейства. Самый проектъ и рисунокъ памятника составлены были въ Петербургѣ извѣстнымъ архитекторомъ Штаубергомъ и утверждены государемъ. Тогдашній президентъ Императорской Академіи Художествъ, тайный совѣтникъ Оленинъ, нашелъ, однако, рисунокъ, не вполне отвѣчающимъ строгимъ требованіямъ искусства и лично просилъ государя объ измѣненіи въ немъ нѣкоторыхъ деталей, особенно оружія, которое, составляя главное украшеніе монумента храбраго генерала, исполнено неправильно и мѣшало общему художественному впечатлѣнію. Государь согласился, и Оленинъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ главноуправляющаго тогда въ Грузіи, генералъ-адъютанта барона Розена. «Я охотно возьму на себя, — писалъ онъ ему, — надзоръ за исправностью и достоинствомъ по арматурамъ къ памятнику нашего славнаго князя Циціанова,

¹⁾ Арх. Шт. Кавк. воен. окр. Дѣла Отдѣльн. Кавказск. Корпуса. Инженернаго отдѣленія. 1830 г. № 194, 1837 г. №№ 70 и 71, 1839 г. № 165 и 1844 г. № 78 въ 2-хъ частяхъ.

въ дружескомъ сотовариществѣ косяго я имѣлъ честь служить въ войскахъ и также находился съ нимъ статсъ-секретаремъ въ бозѣ почившаго Императора Александра Іа.

Такимъ образомъ, къ работамъ приступлено было немедленно. Къ сожалѣнію, рисунка памятника, составленнаго Штаубергомъ, нигдѣ не имѣется, но изъ описанія производившихся работъ можно составить себѣ нѣкоторое, хотя приблизительное понятіе о томъ художественномъ сооруженіи, которое должно было увѣковѣчить память храбраго вождя, и послужить лучшимъ украшеніемъ Сіонскаго собора.

Изъ этого описанія видно, что для подножія памятника выбранъ былъ темнозеленый порфиръ съ замѣчательно красивыми оттѣнками, а для его карнизовъ голубовато-зеленая яшма съ нѣжно розовыми узорами. На этомъ подножіи, на шарахъ предполагалось поставить саркофагъ изъ темнозеленой фіолетовой яшмы разныхъ оттѣнковъ съ алыми и желтопалевыми жилками. Надъ саркофагомъ должна была возвышаться пирамида изъ узорчатой яркозеленой яшмы и на ней бронзовыя вызолоченныя украшения, составлявшія принадлежность военной арматуры. Рядомъ съ саркофагомъ проектировалось поставить большую тумбу изъ голубоватой яшмы съ самыми лучшими узорами и оттѣнками какіе только можно было достать въ горахъ Кавказа. «Яшма эта по необыкновенной красотѣ своихъ формъ, — писалъ оберъ-гауптманъ, завѣдывавшій работами, — выбрана мною именно для такой части памятника, которая, будучи лишена всякихъ постороннихъ украшеній, должна замѣнить ихъ натуральною своею красотою». Наконецъ, всѣ бронзовыя вызолоченныя украшения къ памятнику: знамена, оружіе, пушки и прочія арматуры заказаны были въ Петербургѣ самимъ Оленинымъ, извѣстному въ то время бронзовщику и позолотчику Герину за 6 тысячъ рублей и производились подъ личнымъ его наблюденіемъ.

Всѣ работы по добыванію камней и ихъ шлифовки поручены

чены были опытному оберъ-гауптману Осипову и въ помощь ему выписаны были изъ Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики унтеръ-шахмейстеръ Бякишовъ и съ нимъ два помощника мастера. Чтобы судить о грандіозности производившихся работъ въ каменоломняхъ, довольно сказать, что туда отправлено было множество туземныхъ искусныхъ каменотесовъ и до трехсотъ нижнихъ чиновъ изъ ближнихъ укрѣплений.

Казалось, что все приведено было къ благополучному окончанію. Бронзовые украшенія и арматура къ веснѣ 1837 года были привезены изъ Петербурга на почтовыхъ, а чугунный крестъ въ разобранномъ видѣ доставленъ изъ Москвы. Камни различныхъ породъ порфира и яшмы, добытые изъ скалъ Казбека, всего вѣсомъ 1150¹, пудовъ, были перевезены за 1057 руб. 51 коп. въ грубомъ видѣ въ Тифлисъ въ августѣ 1838 года и сложены во дворѣ военно-рабочихъ казармъ, гдѣ и приступили къ ихъ обработкѣ ¹⁾. Въ то же время баронъ Розень, донесъ о томъ, что приступаютъ уже къ сооруженію памятника и нашелъ почему то необходимымъ замѣнить старую надпись новою, «болѣе приличною», какъ онъ выражался, и просилъ государя объ утвержденіи слѣдующей надписи:

«Генералу князю Циціанову, главнокомандовавшему съ 1802 года російскими войсками въ Грузіи и умершвенному измѣннически, по приказанію владѣтельнаго Гуссейнъ-Кулиханъ, 8-го февраля 1806 года, когда, принудивъ къ сдачѣ бакинскую крѣпость, знаменитый вождь приблизился къ воро-

¹⁾ Въ числѣ яшмовыхъ камней для памятника Циціанова привезенъ былъ въ Тифлисъ запасный камень, который оказался излишнимъ. «Изъ подобныхъ камней—писалъ художникъ Амбаровъ въ 1846 году,—добываемыхъ въ алтайскихъ и уральскихъ горахъ, на фабрикахъ Екатеринбурга обрабатываются чаши и вазы для высочайшаго двора». Желая показать что подобныя издѣлія могутъ производиться изъ камней, находящихся въ Кавказскихъ горахъ, Амбаровъ предложилъ сдѣлать изъ этого камня вазу для украшенія зала императорскаго двора. (Рисунокъ вазы имѣется въ дѣлѣ архива Окружнаго Штаба 1844 года № 78).

Ваза была доставлена въ Петербургъ и Амбарову пожалованъ брилліантовый перстень, а самая ваза помѣщена въ Эрмитажѣ, въ галлерей драгоцѣнныхъ вещей.

тамъ, для принятія отъ нея ключей. Сооруженъ по повелѣнію Императора Николая I».

Сухая и короткая надпись эта, чисто officialнаго характера, передающая только всѣмъ извѣстный фактъ, но не говорящая ничего о значеніи и славѣ почившаго князя, конечно никогда не могла бы замѣнить трогательную старую надпись. Проектъ барона Розена, однако, былъ утвержденъ, и бронзовые вызолоченныя буквы для нея, сдѣланныя рельефомъ, посланы были изъ Петербурга.

Памятникъ строился на доходы сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, но въ 1841 году, по передачѣ доходовъ этихъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, по высочайшему повелѣнію всѣ расходы по сооруженію памятника Циціанова отнесены на сумму департамента военныхъ поселеній. Изъ отчетовъ видно, что по 1-е февраля 1844 года на памятникъ израсходовано 6723 руб. 60 коп.

Въ концѣ 1847 года всѣ работы были окончены ¹⁾. «Честь имѣю донести вашему превосходительству, писалъ Амбаровъ генералу Коцебу, что обработка яшмовыхъ и порфировыхъ камней, составляющихъ памятникъ князю Циціанову, совершенно окончены; а гдѣ тѣмъ долженъ поставиться, ожидаю предписанія». Изъ дальнѣйшей переписки, однако, видно, что князь Воронцовъ приказалъ приостановить постановку памятника въ Сіонскомъ соборѣ въ томъ предположеніи, что «онъ устроится въ соборномъ храмѣ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, который предположено возвести въ Тифлисѣ».

«Если памятникъ по первоначальному предположенію, поставить въ Сіонскомъ соборѣ,—писалъ князь Воронцовъ военному министру ²⁾—то сей послѣдній и безъ того необшир-

¹⁾ Дѣло 1844 г. № 133. Рапортъ художника 12-го класса Амбарова 1-го декабря 1847 г. за № 57 Начальнику Главнаго Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютанту Коцебу.

²⁾ Тамъ же. Письмо военному министру 15-го января 1848 года № 145.

ный, будетъ стѣсненъ слишкомъ на 2 аршина въ ширину и болѣе 3-хъ аршинъ вдоль по стѣнѣ. Кромѣ того для укрѣпленія памятника нужно будетъ выломать стѣну въ толстоту онаго болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ аршина и во всю величину памятника», черезъ что «стѣна эта, облицованная тесаннымъ камнемъ и не имѣющая никакихъ связей во всемъ ея составѣ, чрезвычайно ослабнетъ». Всѣхъ этихъ неудобствъ можно было избѣжать при постройкѣ военного собора и самый «памятникъ, сооруженный въ честь вождя, прославившагося военными подвигами и положившаго жизнь свою на полѣ брани, — писалъ князь Воронцовъ, — болѣе приличествуетъ храму военному, нежели гражданскому». Въ Сіонскомъ же соборѣ онъ полагалъ оставить старый памятникъ, какъ предметъ древности, заслуживающій почитанія. Всѣ предположенія князя Воронцова тогда же были утверждены императоромъ Николаемъ I ¹⁾.

Самый памятникъ, до времени окончанія корпусной церкви, предписано было ²⁾ «сохранять въ закрытомъ мѣстѣ, такъ какъ памятникъ этотъ, отдѣланный въ нѣкоторыхъ частяхъ бронзою, оставаясь на открытомъ воздухѣ во дворѣ военно-рабочихъ казармъ могъ отъ вліянія непогоды подвергнуться порчи».

Что касается высланныхъ изъ Петербурга въ 1837 году бронзовыхъ арматуръ къ памятнику Циціанова, то о полученіи ихъ имѣется увѣдомленіе барона Розена, но изъ дѣлъ не видно—кому украшенія эти переданы для храненія. Инженерное отдѣленіе при штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, полагая, что баронъ Розенъ передалъ ихъ лично для храненія въ казначейство главноуправляющаго, запрашивало послѣднее: не хранятся ли, дѣйствительно, въ ономъ означенныя украшения?

Казначей отвѣтилъ, что никакихъ украшеній ему пере-

¹⁾ Тамъ же. Письмо военнаго министра князю Воронцову 6-го февраля 1841 года за № 760.

²⁾ Тамъ же. Предписаніе Инженернаго Отдѣленія Шт. Отдѣльн. Кавказ. корпуса командиру Грузинскаго Инженернаго округа, генераль-маіору Ганзену, 17-го февраля 1849 года № 456.

даваемо не было, но что въ кладовой находятся какія то запечатанные ящики, а что хранится въ нихъ—неизвѣстно. Тогда предписано было, чтобы при первомъ освидѣтельствованіи суммъ комиссія вскрыла эти ящики и составила актъ, что въ нихъ заключается; но ни акта, ни донесеній въ дѣлахъ не имѣется.

Этимъ и оканчивается вся исторія постановки по видимому грандіознаго памятника князю Циціанову. Затѣмъ остается совершенно открытымъ вопросъ: куда дѣвались всѣ эти камни и бронзовыя украшенія, стоившія такъ много физическаго труда и матеріальныхъ издержекъ, такъ какъ памятника и по нынѣ нѣтъ ни въ сіонскомъ, ни въ военномъ соборѣ.

Позднѣе намѣстникъ Кавказа князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, воздвигнулъ памятникъ князю Циціанову въ Баку, на томъ самомъ мѣстѣ за городскими воротами, гдѣ было зарыто тѣло его врагами «безъ почестей бранныхъ». Теперь уже нѣтъ этихъ воротъ, и городъ, полный кипучей промышленной дѣятельности, охватилъ своими постройками глухую, дикую и безлюдную мѣстность, гдѣ нѣкогда виднѣлась могила русскаго главнокомандующаго. Памятникъ, обнесенный желѣзною рѣшеткою, представляетъ собою каменный обелискъ, поставленный на возвышеніи, куда ведутъ двѣ лѣстницы. Кругомъ раскинулся Циціановскій скверъ. На передней сторонѣ памятника—медальонъ, на голубомъ фонѣ котораго рельефно выдѣляются два золотые ключа—эмблема покоренія крѣпости, и сложенные на крестъ кинжалъ и пистолетъ—орудія мученической смерти Циціанова. Внизу короткая надпись:

«Князю Циціанову. Воздвигнутъ въ намѣстничество
князя Воронцова въ 1846 году».

Баку. Памятникъ князю Циціанову.

УКАЗАТЕЛЬ

къ изданію „Памятники временъ утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ“.

I.

Личныя имена:

Аббасъ-Мирза, наслѣдный принцъ персидскій 128, 130, 132, 133.	Бабушкинъ, капитанъ 116.
Аваловъ, князь 88.	Багратіонъ - Мухранскій, Иванъ, князь 66, 88.
Ага-Магометъ-ханъ, шахъ персидскій 64—71, 73, 74 76, 98, 109.	Багратъ, царевичъ грузинскій 81, 88.
Аджи - Мустафа - паша, помощникъ Баталъ-паши 34.	Бадеръ, художникъ 22.
Адиль-Гирей, шамхаль Тарковскій 2.	Байканъ, аварскій ханъ VIII, IX.
Александръ I, императоръ 16, 17, 77, 89, 90, 92, 108, 141, 148.	Бакаръ, царевичъ грузинскій 90.
Александръ II, императоръ 6, 102.	Баксанъ, знаменитый народъ XII, XIII.
Александръ Македонскій 4.	Бартеневъ, маіоръ 98, 100
Александръ, царевичъ грузинскій 81, 118, 119, 141.	Барягинскій, князь, намѣстникъ Кавказа 37, 38.
Амилахвари Отаръ, князь 66, 68.	Баталъ-паша, сераскиръ 32, 33, 34.
Анна Иоанновна. императрица 9, 122.	Беервицъ, бригадиръ 32, 33, 34.
Андрониковъ Захарій, каязь 66.	Бентковский 27.
Андрониковъ Иванъ, тифлисскій военный губернаторъ 78.	Бибиковъ, генераль 32, 35.
Антоній, католикось 65, 95.	Богатыревъ, рядовой 105, 108.
Анфинагеновъ, подполковникъ, мѣстный инженеръ 37.	Борисъ, великій князь XV.
Арасланъ-Гирей 10.	Брюловъ, художникъ 114.
Аргутинскій Іосифъ, патріархъ 87.	Булгаковъ, генераль 33
Ахвердовъ, подполковникъ 80.	Бурнашевъ, полковникъ 57.
	Бутевичъ, полковникъ 34.
	Бутковъ 19, 30.
	Бухвостовъ, подполковникъ 12, 13.
	Бѣлой Сидоръ, кошевой атаманъ 41.

- Васильевъ, отставной артиллерійскій фельдшеръ 39.
- Вахтангъ VI, царь грузинскій 90.
- Вахтангъ, царевичъ грузинскій 68, 69.
- Велингтонъ, англійскій фельдмаршалъ 14.
- Верещага, прапорщикъ 119.
- Владиміръ Святой, вел. князь XIII.
- Вольскій, полковникъ 83, 85, 136, 139.
- Воронцовъ, князь, Михаилъ Семеновичъ, намѣстникъ Кавказа X, 6, 57, 77, 79, 100, 103, 105, 107, 108, 112, 114, 115, 121, 150—152.
- Гавриловъ, полковникъ 122
- Георгій XIII, царь грузинскій 79, 80, 86, 88, 89, 93.
- Германъ, генераль-маіоръ 30, 32, 33, 34, 35, 36.
- Гессенъ-Рейнфельдскій, принцъ 58, 59, 61, 63.
- Гильчевскій, шт.-капитанъ (полковникъ) 106.
- Глѣбъ, великій князь XV.
- Гмелинъ, Самуилъ Готлибъ, академикъ 21, 22, 23, 24, 25.
- Головатый, войсковой судья XVI, 41—44, 47—54.
- Гудовичъ, графъ 143.
- Гуляковъ, генераль-маіоръ 81, 83, 87, 109—116.
- Гуссейнъ-Кули ханъ 142, 150.
- Гюльденштедтъ, академикъ XI, XII.
- Давидъ, царевичъ грузинскій 65—70, 80, 87.
- Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ, партизанъ 18
- Дадіанъ Мингрельскій 10.
- Дарія, царица грузинская, 65, 79, 93.
- Дауовъ, кабардинскій князь XII, XIII.
- Де-Бальменъ, графъ, генераль-поручикъ 30, 31, 32, 36, 37, 39.
- Джабраилъ, царевичъ 94.
- Джаватъ-ханъ, ганжинскій 97—99, 103, 104.
- Джафаръ бекъ 74, 75.
- Девлетъ-Гирей, намѣстникъ Крымскаго хана 12.
- Дондуковъ-Корсаковъ, князь, командующій войсками Кавказскаго военнаго округа III, IV.
- Екатерина II Великая, императрица 9, 19, 21, 31, 40, 42, 43, 56—58.
- Елисавета Алексѣевна, императрица 99, 100.
- Епанчинъ, лейтенантъ 47.
- Ермоловъ, генераль-отъ-инфантеріи 101.
- Зубовъ, графъ 14, 47, 101.
- Іоаннъ, царевичъ грузинскій 68,—70, 81, 88.
- Іосселиани Платонъ, грузинскій историкъ 63.
- Иванъ Васильевичъ Грозный, царь IX.
- Идаровъ Темрюкъ, владѣтель Кабарды IX.
- Идаръ, владѣтель Кабарды IX.
- Измаилъ, крѣпость 41.
- Имамъ-Кули бекъ, правитель гор. Дербента 4.
- Иналъ IX, XIV.
- Ираклій II, царь грузинскій 59—63, 65—70, 76—79, 86, 88, 89, 93.
- Каловскій, капитанъ 99, 100.

Карягинъ, полковникъ 99, 103, 129—135.

Кейтъ, поручикъ 98, 100.

Кессъ, родоначальникъ кабардинскихъ, темиргоевскихъ и бесленевскихъ князей IX.

Клодтъ, баронъ, скульпторъ 17.

Кноррингъ, генералъ - лейтенантъ 90, 93.

Кондратьевъ, подполковникъ 105, 107.

Котляревскій Тимоѳей, войсковой атаманъ 50.

Котляревскій, штабсъ-капитанъ (онъ же маіоръ) 105, 107, 129 130.

Кувшинскій 26.

Кургузкинъ, приставъ гор. Георгіевска 37.

Кривоносовъ, прапорщикъ 116.

Лавристанъ, князь VIII.

Ладинскій 102.

Ладыкинъ, поручикъ 119.

Лазаревъ, генералъ-маіоръ 80—83, 87, 93—95.

Ламберти 10.

Ларіоновъ, полковникъ 12, 13.

Лисаневичъ, генералъ 38.

Локтіоновъ, соборный староста въ гор. Ставрополѣ 26.

Лорисъ-Меликовъ, генералъ маіоръ, (впослѣдствіи графъ) 24.

Луковкинъ, войсковой старшина 34.

Максютъ 10.

Марія Георгіевна, царица грузинская 93, 94.

Марія Федоровна, императрица 100.

Маргосъ, скульпторъ 17.

Масютинъ, поручикъ 116.

Матценъ, генералъ 34.

Матюшкинъ, генералъ 7, 8.

Мачабели Давидъ, князь 69.

Медемъ, генералъ 22, 23

Межнунъ, карабаг. меликъ 69.

Миллеръ, В. О., профессоръ XII.

Милютинъ, графъ, бывшій военный министръ III.

Мирианъ, царевичъ грузинскій 89.

Михайловъ, студентъ 22.

Михаилъ Георгіевичъ, царевичъ грузинскій 88.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь 85.

Монтрезоръ, маіоръ 117 — 122, 124.

Мстиславъ, князь, владѣвшій Тмутараканскимъ княжествомъ IX, XIII, XIV, XV, XVI.

Мухановъ, полковникъ 34.

Надиръ-Шахъ персидскій, 6, 22.

Наполеонъ I, императоръ 14.

Николай I, императоръ 17, 150, 151.

Николай II, императоръ 85, 114, 138, 140.

Никонъ, патріархъ XV.

Оленинъ XV.

Омаръ-ханъ, аварскій 81, 82, 85.

Орбеліани Дмитрій, князь 112.

Офросимовъ, командиръ батареи 34, 36.

Павелъ I, императоръ 79, 80, 86, 87, 92, 100, 122.

Павловъ, полковникъ 115. 1 6.

Палавандовъ, князь 88.

Паскевичъ, графъ 101, 114, 147.

Паулуччи, маркизъ 117, 122. 124,

Петръ Великій, государь 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 90.

Петръ II, императоръ 35.

Пиръ-Кули-ханъ 129, 130.

Платовъ, атаманъ Донского войска, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.

- Платовъ, Иванъ Матвѣевичъ, сынъ атамана 15.
- Платонъ, преосвященный 16.
- Плотниковъ, купецъ 25.
- Поздѣвъ, командиръ Донского казачьяго полка 34.
- Поповъ, протоіерей 37.
- Портнягинъ, генераль-маіоръ 98 99
- Потемкинъ свѣтлѣйшій князь 2, 40.
- Потемкинъ, графъ, генер.-поручикъ 55—57, 59, 61.
- Растопчинъ, графъ 108.
- Редедя, косожскій князь XIV, 20.
- Рихтеръ, О. Б., генераль-адъютантъ, 35.
- Рогульскій, поручикъ 126.
- Рогульскій, прапорщикъ 126.
- Розенъ, баронъ 148, 150—152.
- Романъ, митрополитъ 90.
- Ртищевъ, главнокомандующій въ Грузіи 25
- Руссо, командиръ полка 83, 85.
- Рылѣвъ, извѣстный поэтъ I.
- Рыльскій, генераль-маіоръ 84.
- Рѣпинъ, генераль-лейтенантъ 143.
- Саакадзе, князь, тифлисскій комендантъ 93.
- Савельевъ, полковникъ 19.
- Сайятъ-Новъ, пародный пѣвецъ 72, 73.
- Самаринъ, подполковникъ 63.
- Самойловъ, генераль-маіоръ 58—63.
- Святославъ, великій князь XIII.
- Секеринъ, капитанъ 124—128.
- Сидоровъ Гаврило, рядовой 134—140.
- Симоновичъ, подполковникъ 99.
- Смирновъ II.
- Соловьевъ, историкъ XIII.
- Соломія, княгиня 74—76
- Соломонъ II, царь имеретинскій 65.
- Суворовъ, фельдмаршалъ 25, 26, 27, 28, 29, 30.
- Сургуновъ, тифлисскій полицеймейстеръ 94.
- Тамара, царевна грузинская 94, 97.
- Тумановъ, князь 143—145.
- Федоровъ, полицеймейстеръ города Георгіевска 37.
- Фитингофъ, маіоръ 99.
- Фирковичъ Авраамъ, караймъ X.
- Ходжаевъ, маіоръ 118.
- Церетели Зурабъ, князь 67, 68.
- Циціановъ, князь, главнокомандующій 93, 94, 97, 103, 105, 108—110, 112—114, 118—120, 121, 125, 126, 129—131, 133, 140—145, 147—152.
- Чавчавадзе, князь, поручикъ 143, 144.
- Чемодановъ, полковникъ 34.
- Чепѣга, кошевой атаманъ XVI, 41, 43, 46—51.
- Шабазъ-Гирей, крымскій калга 19.
- Шахъ-Аббасъ персидскій 73, 103.
- Шаблинскій, штабсъ-капитанъ 38.
- Шоберъ, докторъ 7.
- Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, кабардинецъ XII.
- Эмануэль, генераль-лейтенантъ, начальникъ Кавказской области 28.
- Эристовъ, князь 143, 144.
- Юлонъ, царевичъ грузинскій 67—69.
- Якоби, генераль 27.
- Яншіевъ, городничій 28.
- Ярославъ, великій князь XV.
- Θеодоръ Іоанновичъ, царь X.
- Θеодосій Печерскій XV.

II.

Географическія имена:

Абхазія, страна IX.	Гартискари, селеніе 91.
Агдамъ, селеніе 65	Георгіевскъ, городъ 30, 32, 36, 56.
Аграханъ, рѣка 7.	Гехи, рѣка 59
Азія, страна 1.	Гилянъ, персидская провинція 8.
Алазанъ, рѣка 58, 59, 61, 83, 109—111.	Гойта, рѣка 59.
Александрополь, крѣпость 122.	Гори, станція жсл. дор. 125—127.
Альтуда, рѣка XII, XIII.	Греція, государство I.
Амамы, селеніе 120.	Грузія, страна 9, 25, 57—59, 62—64, 67, 70, 73, 74, 78—81, 83—95, 97, 98, 110, 113, 125, 140, 141, 147—149.
Анануръ, городъ 70, 76, 90, 91.	Гурія, страна 81, 141.
Анапа, крѣпость IX, 32, 35.	
Анатолія, страна, 58 125.	Дагестанъ, область, 1, 2, 3, 7, 21, 22, 25, 81.
Асландузъ, бродъ 105.	Дарбахъ, рѣка 4.
Астрабадъ, персидская провинція 8.	Дербентъ, крѣпость, городъ 4—7, 22.
Астраханъ, городъ 1, 4, 5, 6, 8, 21, 27, 55, 56.	Джаро - Белаганская область, 82, 110, 111, 114.
Ахалкалаки, крѣпость 105	Джеганасъ, рѣка 33.
Ахалцихъ, крѣпость 125, 127.	Днѣпръ, рѣка XV, 40.
Ахметъ-Кентъ, деревня 22	Донъ, рѣка 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 29, 30.
Ахпатскій монастырь 73.	Дунай, рѣка 10, 56.
Ахтанизовскій лиманъ XV.	
Баку, городъ 8, 102, 142—144, 152.	Егорлыкъ Большой, рѣка 11.
Бамбакъ-чай, рѣка 116, 124.	Ейскъ, городъ 29.
Балтійское море 1.	Екатеринодаръ, городъ 45, 55, 56.
Баталпашинская станица, 35, 36.	Еланчинская слобода 15.
Батумъ, портъ 125.	Елисаветполь, городъ 97, 99, 100, 102, 106—108, 128, 129, 133, 144.
Безобдаль, гора, хребетъ 120.	Ея, рѣка 11, 42.
Белаканы, селеніе 109, 110.	
Бештау, гора VIII.	Зольская станица, XII.
Брагуны, аулъ 7.	
Бугъ, рѣка 30, 40, 41.	Юра, рѣка 81, 82, 84, 85.
Вакиръ, деревня 113.	
Валерикъ, рѣка 59.	Иверія (Грузія), страна 141, 145.
Великобританія, государство 14.	Имеретія, страна 141.
Волга, рѣка 10, 19, 33.	
Воронежъ, городъ 94.	
Гавжинское ханство, 59, 65, 76, 97—101, 103—105, 108—111, 128, 141.	

Индія, страна 5, 97
 Иранъ - Хараба, уроч въ Даге
 станѣ 22.
 Ирландія, страна 14
 Кабарда, область IX, X, XII, XIII.
 33.
 Кавказская губернія 55.
 Казань, городъ 7.
 Казіюртъ, селеніе 7.
 Кайтаго-Табасаранскій округъ, 21.
 Какабети, селеніе 81, 85.
 Калалахъ, рѣка 11.
 Калаусъ, рѣка 9, 10.
 Карабагъ, ханство 65, 128, 19, 141.
 Каракайтагъ, 22.
 Карахлисъ, селеніе 116—119, 121,
 123.
 Карели, селеніе 125—127.
 Карталинія 58, 123, 125, 126.
 Касапетъ, селеніе 133.
 Каспійское море, 21, 142.
 Кахетія, 58, 63, 81, 89, 110, 113,
 Кая-Кентъ, деревня 21, 22, 23.
 Кербалай, городъ 104.
 Керменчукъ, урочище 29.
 Керчь, городъ XV.
 Кизляръ, городъ 22.
 Кіевъ, городъ XV
 Крымъ, 11, 29, 30, 40, 105.
 Кубань, рѣка VI, VIII, XIII, 11,
 27, 28, 29, 30, 32, 33, 40, 41,
 42, 45.
 Кумскій редутъ, 32.
 Кумыкская плоскость, 22.
 Кура, рѣка 66, 71
 Лаба, рѣка 29, 33.
 Ленкорань, крѣпость, городъ 105,
 108.
 Лондонъ, городъ 14.
 Лорійская степь, 73.
 Лысково, село 90.

Малка, рѣка VI, 55.
 Манглисъ, штабъ-квартира 136
 Мардалисъ, деревня 133.
 Мачханы, деревня 63.
 Меджелісъ, селеніе 22.
 Мезандеранъ, персидская провин-
 ція 8.
 Мигри, селеніе 105.
 Мингрельское княжество 141.
 Мишкинскій поселокъ, 15, 16, 17.
 Моздокъ, урочище, крѣпость 9, 56,
 93
 Москва, городъ XI, 8, 88, 90, 95,
 149.
 Мухратъ, замокъ 132, 133, 134.
 Мцхетъ, городъ 76, 88, 90, 91.
 Наурская станица, 19, 20.
 Невинномыскъ, городъ 33.
 Николаевъ, городъ XVI
 Новочеркасскъ, городъ 15, 17.
 Парижъ, городъ 15.
 Перекопъ, городъ 11.
 Персія, государство 4, 5, 8, 9, 21,
 46, 58, 62, 65, 71, 79, 80, 97,
 104, 118, 120, 141, 142.
 Петербургъ, городъ XVI, 41, 86,
 88, 91, 147, 149—151.
 Петровскъ, городъ 2, 3.
 Подбакля, рѣка 33.
 Подкумокъ, рѣка XIII.
 Польша, 45—47.
 Прага, предмѣстье 47.
 Прочный Окопъ, мѣстечко 33.
 Псекупсъ, рѣка VI
 Пятигорскъ, городъ VIII, X, XI, XII
 Редутъ—кале укрѣпленіе 142.
 Римъ, I.
 Рошняя, рѣка 59.
 Сарали, деревня 116, 119, 121, 122.
 Св. Креста, крѣпость 7, 9.

- Сибирь, 33.
 Сигнахъ, городъ 89, 114.
 Скра, станція жел. дор. 125.
 Слободзея, селеніе 41, 43
 Ставрополь, городъ 25, 26, 27, 28.
 Ставропольскія степи, 9.
 Старочеркасская станица, 17.
 Степанъ-цминда (Казбекъ), селеніе 91.
 Суджукъ-кале, крѣпость IX.
 Сулакъ, рѣка 2, 7.
 Сунжа, рѣка 8, 59.
- Табасаранскій хребетъ, 4.
 Табахмели, селеніе 68, 70.
 Таврида, 29.
 Таганрогъ, городъ 15.
 Тамань, XV, XVI.
 Тарки, резиденція Шамхала 2, 3, 4.
 Тахтамышъ, рѣка 33, 34.
 Тегеранъ, столица Персіи 142
 Телавъ, городъ 76—79.
 Терекъ, рѣка 9, 19, 20, 55.
 Тифлисъ, городъ 37, 57—59, 61—66, 68, 70—74, 76, 80—83, 86—88, 91, 93, 98, 108, 110, 111, 118, 120, 122, 125, 136, 140, 142, 144—147, 150.
 Тмутараканское княжество, XIII, XIV, XV, XVI, 20, 30.
- Турція, государство VII, 11, 118, 141
 Убаши, курганы 9.
 Уралъ, рѣка 33.
 Урупъ, рѣка 33.
 Усть-Лабинская крѣпость 42.
 Фанагорія 42.
 Хевсурія, страна 93
 Цалка, рѣка 126.
- Черкесія, округъ, область XIV, XVI.
 Черниговъ, городъ XV
 Черное море, VI, VIII, 125, 142.
 Чечня, округъ IV, VI, 61.
- Шахъ булахъ, замокъ 128, 130—134.
 Шекинское ханство 141.
 Ширванское ханство, 8, 141, 144.
 Шурагельская провинція 141.
 Шуша, городъ 65, 128, 129.
- Щедринская станица, 8.
- Энзели, городъ 21.
 Эриванское ханство 81, 117, 128, 141.
 Этокъ, рѣка XII, XIII.

III.

Войсковыя части.

- 7-й Артиллерійскій полкъ (нынѣ 20-я артиллерійская бригада), 80, 81.
 Асландузскій резервный баталіонъ, 106, 107.
 Астраханскій драгунскій полкъ, 34.
 Бѣлорусскій егерскій баталіонъ, 57.
- Владимірскій драгунскій полкъ, 26, 27, 28
 Волжскій линейный казачій полкъ, 34.
 Воронежскій пѣхотный полкъ, 34.
 Горскій егерскій баталіонъ, 57, 63.
 Горско-Моздокскій казачій полкъ, 56.

- Донской Луковкина казачій полкъ, 34.
- Донской полковника Ларионова казачій полкъ, 12.
- Донской полковника Платова казачій полкъ, 12.
- Донской Поздѣва казачій полкъ, 34.
- 9-й Егерскій полкъ, 125, 128.
- 15-й Егерскій полкъ, 111.
- 17-й Егерскій (нынѣ л.-гр. Эриванскій полкъ), 80, 83, 84, 93, 99, 129, 135, 138.
- Кабардинскій егерскій баталіонъ, 59.
- Кабардинскій пѣхотный полкъ, 83 — 85, 113.
- Кавказскій пѣхотный полкъ, 34.
- Каргопольскій кавалерійскій карабинерный полкъ, 34.
- 16-й Мингрельскій гренад. полкъ, 123
- Моздовскій казачій полкъ, 9, 19.
- Мушкетерскій генераль-маіора Гулякова полкъ, 85.
- Нарвскій драгунскій полкъ, 98, 99.
- Ростовскій кавалерійскій карабинерный полкъ, 34.
- Саратовскій полкъ, 118.
- Тифлисскій пѣхотный полкъ, 34.
- Тифлисскій гренадерскій полкъ, 111, 117 120 — 123, 129.
- Тверской драгунскій полкъ, 123.
- Хоперскій линейный казачій полкъ, 35.
- Черноморское казачье войско, 41, 42, 43, 50.
- Ширванскій пѣхотный полкъ, 128.

УКАЗАТЕЛЬ

къ статьѣ „Первые памятники Черноморскаго войска.

I.

Личныя имена:

Батаковъ, бжедугъ 54.
Батгирей князь 53, 54.
Берзеконъ, бжедугъ 54.
Бѣлый Сидоръ кошевой атаманъ 4.
Головатый войсковой судья, 41—44,
46, 48, 39, 51.
Дерфельденъ генераль 47.
Екатерина II императрица 41—43,
46, 53.
Епанчинъ лейтенантъ 43.

Зубовъ графъ 47.
Калабатъ князь 53, 54.
Котляревскій атаманъ 50, 51.
Порохня протоіерей 48, 50.
Потемкинъ князь 40.
Сава Игнатъ—47.
Суворовъ графъ—47.
Текелли генераль 47.
Хаджимуковъ, бжедугъ 54.
Чепѣга атаманъ 41, 43, 46, 17—52.

II.

Географическія имена:

Адагумъ—54.
Азовское море 42.
Березань 41.
Бугъ рѣка 40, 41, 51.
Варшава 47.
Висла—48.
Днѣпръ рѣка 40.
Днѣстръ 40, 41.

Днѣстровскій лиманъ 41.
Дунай 40 41.
Ейскъ—42, 45.
Забужье 41.
Измаиль 41.
Кавказъ 40, 46.
Каспійское побережье 49.

Крымъ—40.

Кубань 40—42. 45, 48, 52. 54.

Новороссія 40.

Очаковъ — 41.

Персія—46.

Петербургъ 41, 46, 51, 53.

Польша 40, 46, 47.

Прага 47.

Россія 40, 53.

Сара островъ 48, 51

Слободзея 41, 44.

Слонинъ городъ 47.

Тамань 42, 43, 44, 45.

Терекъ 45.

Турція 40.

Украина 40.

Усть-Лаба 42.

Фанагорія 42.